141350.

БИБЛІОТЕКА
Н. Булича.
Д.К.
2158
МК 16

141550.

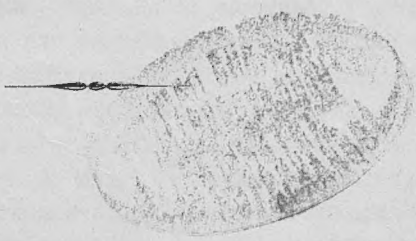
373(47 85)

Проверено
1949 г.

КАЗАНСКІЯ ГИМНАЗІИ

ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

А. Артемьева.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая ул., д. № 49—2).
1874.

74/550.

КАЗАНСКІЯ ГИМНАЗІИ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

Назадъ тому болѣе двадцати лѣтъ, служа при библіотекѣ Императорскаго Казанскаго университета и занимаясь собираніемъ свѣдѣній объ ея исторіи и описаніемъ ея рукописей [1]), я рѣшился разсмотрѣть старинный архивъ Казанскихъ гимназій, помѣщавшійся тогда вмѣстѣ съ архивомъ совѣта и правленія университета. Толстые фоліанты (столбы), лежавшіе, быть можетъ, въ теченіе 40 или 50 лѣтъ нетронутыми, покрытые корою пыли, я потревожилъ въ забытыхъ углахъ къ удивленію добряка-архиваріуса, оказавшаго, однако радушное мнѣ содѣйствіе.

Пересматривая эти десятки тысячъ листовъ, собственно съ цѣлію разъяснить точнѣе переходъ книгъ изъ библіотекъ Полянскаго и князя Потемкина-Таврическаго въ Казанскую гимназію, а потомъ въ университетъ, я почти ничего не нашелъ для себя удовлетворительнаго; за то съ возрастающимъ любопытствомъ зачитывался въ высшей степени интересными дѣлами прошедшаго столѣтія, въ которыхъ обрисовывались судьбы гимназіи—первенца въ восточной Россіи...

Невольно, для памяти, для чего-то, я дѣлалъ краткія извлеченія изъ дѣлъ о всемъ, что поражало меня своею особенностію: отчетъ о состояніи учениковъ, жалобы ссорившихся учителей, мнѣніе о способахъ преподаванія, извѣстіе о цѣнахъ на припасы, о почтовыхъ прогонахъ и проч., и проч. Я тогда же предположилъ со временемъ заняться подробнѣе и систематичнѣе изученіемъ этого архива. Обстоятельства измѣнились и я, переѣхавъ вскорѣ послѣ того въ С.-Петербургъ, остался только съ тѣми краткими замѣтками, какія успѣлъ сдѣлать во время перечитыванья фоліантовъ.

---

[1]) См. *Журн. Мин. Народн. Просв.*, 1851 г. іюнь и ноябрь; 1852 г. сентябрь; 1854 г. іюль и августъ; 1856 г. май и іюнь; 1857 г. апрѣль.

Обработывать свои выписки въ стройную и связную статью я не осмѣливался, предполагая, что, по случаю приближавшагося столѣтія Казанской первой гимназіи, кто-нибудь изъ Казанцевъ непремѣнно перечитаетъ всѣ тѣ дѣла, которыми нѣкогда пользовался я, и составитъ полное обозрѣніе основанія и существованія гимназіи въ минувшемъ столѣтіи. Дѣйствительно, ко времени столѣтняго юбилея въ Казани напечатана составленная г. Владиміровымъ книга, подъ заглавіемъ: „Историческая записка о 1-й Казанской гимназіи. XVIII столѣтіе.“ (Казань, 1867, in 8°, ч. 1-я, стр. 1—162).

Книга г. Владимірова привела меня къ заключенію, что и съ появленіемъ ея въ свѣтъ нѣкоторыя изъ сдѣланныхъ мною выписокъ не совсѣмъ лишены интереса и отчасти могутъ пополнить или исправить приводимыя имъ извлеченія.

Въ такомъ убѣжденіи, я рѣшился наконецъ изъ моихъ отрывочныхъ выписокъ составить нѣчто связное, дополнивъ ихъ разными замѣчаніями, почерпнутыми изъ нѣкоторыхъ печатныхъ сочиненій, касающихся того же предмета, или по крайней мѣрѣ той же эпохи.

Придавая своей статьѣ значеніе матеріала для исторіи просвѣщенія въ Россіи, я желалъ бы достигнуть одного, а именно, чтобы она побудила другихъ къ болѣе тщательнымъ изысканіямъ, нежели какія могъ сдѣлать я.

I.

Отправляя въ Казань въ 1555 году архіепископа Гурія, Іоаннъ Грозный вмѣнялъ ему въ обязанность—приводить невѣрныхъ въ крещеніе, „кротостію съ ними говорити и приводити ихъ къ крестьянскому закону, и разговаривая съ ними тихо со умиленіемъ, а жестостію съ ними не говорити... и всѣми обычаи, какъ возможно, людей къ себѣ пріучати“... [1]).

И еще позднѣе писалъ онъ въ отвѣтъ на просьбу святителя Гурія о дачѣ монастырю Зилантовскому угодій: „блага есть сія рѣчь ваша, еже старцамъ дѣти обучати и погаными въ вѣру обращати, — то есть долгъ всѣхъ васъ... Учити же младенцы не только читати и писати, но читаемое право разумѣвати, и да могутъ и иные научити“ [2]).

---

[1]) Акты Археогр. Экси. I, № 241.

[2]) Продолж. Древн. Русск. Вивліоѳики V, стр. 241. Сравни: *Труды Общ. Ист. и Древн. Росс.* III, 29. *Карамзина*, Ист. Гос. Рос. IX, прим. 815.

Исполняя волю царя, св. Гурій въ 1557 году учредилъ при основанныхъ имъ монастыряхъ въ Казани (Зилантовско-Успенскомъ и Спасопреображенскомъ) и въ Свіяжскѣ (Богородицкомъ) училища, въ которыхъ, вмѣстѣ съ дѣтьми христіанъ, наставляемы были дѣти магометанъ и язычниковъ. Первый жизнеописатель св. Гурія, митрополитъ (впослѣдствіи патріархъ) Гермогенъ, сообщаетъ, что Гурій, еще будучи въ свѣтскомъ званіи, „писа книжицы малыя, яже въ наученіе бываютъ малымъ дѣтищемъ“ [1]). Еще въ 1833 году въ Благовѣщенскомъ соборѣ въ Казани хранилась подобная азбука, писанная рукою Гурія [2]); въ настоящее время, сколько извѣстно, въ Казани ея не находится.

Таково было начало просвѣщенія въ новозавоеванномъ Казанскомъ царствѣ, откуда оно должно было, естественно, распространиться по всему восточному краю.

Намъ ничего неизвѣстно, какое вліяніе имѣли эти училища на водвореніе христіанства и грамотности; но нельзя сомнѣваться, что вліяніе оказывалось. Впрочемъ, въ настоящей статьѣ и не предполагается входить въ подробности относительно этихъ училищъ; но упомянуть о нихъ и о другихъ, предшествовавшихъ учрежденію гимназіи, не излишне для общей связи съ вопросомъ о водвореніи просвѣщенія въ Казанскомъ краѣ.

Заботы о просвѣщеніи христіанствомъ инородцевъ продолжались и въ послѣдующее время, хотя, къ сожалѣнію, до царствованія Петра Великаго положительныхъ свѣдѣній объ этомъ не имѣется [3]). Недостатокъ въ образованныхъ священнослужителяхъ, препятствовавшій казанскимъ архіереямъ привести въ надлежащее устройство духовную часть въ епархіи, также вызывалъ потребность въ учрежденіи училищъ. Къ этому, наконецъ, обязывалъ и самый законъ (Духовный Регламентъ, указъ 14-го февраля 1721 года).

Поэтому, въ періодъ управленія Казанскою епархіею митрополита Тихона (1699—1724), дѣти новокрещеновъ изъ магометанъ и язычниковъ, „для произведенія во священный чинъ, постоянно были обу-

---

[1]) *Гр. Елисѣевъ*, Жизнеописанія святителей Гурія, Варсонофія и Германа, стр. 60, прим. 3.

[2]) *Рыбушкинъ*, Краткая исторія города Казани, I, стр. 64.

[3]) *Филарета*, архіепископа Черниговскаго, Исторія Русской Церкви, IV, 59, 60; V, 14—18 (по изд. 4-му). О новокрещенскихъ школахъ въ XVIII столѣтіи есть особое изслѣдованіе *свящ. Е. Малова* въ *Православномъ Обозрѣніи* 1868 года.

чаемы при его архіерейскомъ домѣ"; но состояніе этой школы было очень незавидно: „новокрещеныя дѣти, будучи въ Казани безъ отцовъ и матерей своихъ, зачали помирать, а другія заболѣли", и казанскій губернаторъ П. М. Апраксинъ въ 1709 году распорядился распустить учениковъ по домамъ [1]). Въ 1718 году открыта была въ Казани, на основаніи указа 28-го февраля 1714 года, „цыфирная школа", въ которой учили „наукамъ потребнымъ и церкви и гражданству", а потому и принимали въ нее „дворянскихъ и приказнаго чина дьячихъ и подъячихъ дѣтей"; преимущественно же обученіе здѣсь направляемо было „въ надежду священства" и вслѣдствіе того помѣщали также и дѣтей новокрещеновъ [2]).

Преемникъ митрополита Тихона, митрополитъ Сильвестръ, хотя и продолжалъ поддерживать школы, однако болѣе занятъ былъ борьбою съ тогдашнимъ казанскимъ губернаторомъ, извѣстнымъ А. П. Волынскимъ, который, между прочимъ, и учителей архіерейской школы „билъ батожьемъ смертно" [3]); сенатъ, видя что лица, стоящія въ губерніи во главѣ духовнаго и гражданскаго управленія, находятся между собою въ борьбѣ, рѣшился развести ихъ.

Въ 1732 году назначенъ былъ архіепископомъ казанскимъ Иларіонъ Рогалевскій, родомъ изъ Малороссіи, бывшій прежде іеромонахомъ въ арміи фельдмаршала Шереметева, потомъ сопровождавшій Волынскаго въ Персію, затѣмъ занимавшій званіе оберъ-іеромонаха во флотѣ, и наконецъ, въ санѣ архимандрита, управлявшій Московскимъ Донскимъ монастыремъ. Немедленно по прибытіи въ Казань, Иларіонъ основалъ при Зилантовомъ монастырѣ семинарію или школу Славяно-латинскую, въ которой первыми наставниками были воспитанники Кіевской академіи Стефанъ Гловацкій и Василій Пуцекъ-Григоровичъ, впослѣдствіи и самъ сдѣлавшійся архіепископомъ, и наконецъ, митрополитомъ казанскимъ. При этой семинаріи существовала инородческая школа, которую посѣтили академики Гмелинъ и

---

[1]) Описаніе документовъ и дѣлъ св. прав. синода, т. I, 364—368; прилож. XVII, XVIII, XIX. *Кн. М. М. Щербатовъ* въ своемъ сочиненіи «Статистика въ разсужденіи Россіи» (*Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн.* 1859 г., кн. 3-я) говоритъ, что «большая часть учениковъ съ голоду умирали», стр. 64.

[2]) *Можаровскій*, Казанская семинарія, въ *Правосл. Обозрѣніи*, 1868 г., декабрь, 343—374.

[3]) *Чтенія Моск. Общ. Ист.*, 1862 г., IV, смѣсь, 109—112. Ср. *Шишкина*, А. П. Волынскій, въ *Отеч. Зап.* 1860 года, т. CXXVIII, Отд. I, стр. 505.

Миллеръ, ѣхавшіе въ 1733 году въ сибирскую экспедицію [1]). Иларіонъ хлопоталъ устроить такія же школы въ Цивильскѣ, Царевококшайскѣ и Елабугѣ; но, въ 1735 году перемѣщенный въ Черниговъ, не успѣлъ привести къ надлежащему окончанію свои предпріятія и постройку особаго для семинаріи дома близь церкви Петропавловской, сооруженной казанскимъ купцомъ Михляевымъ въ память посѣщенія Казани Петромъ Великимъ.

Преемникъ Иларіона, архіепископъ Гавріилъ (1735—1738 г.), подозрительно относившійся ко всѣмъ нововведеніямъ и преобразованіямъ, начавшимся въ Россіи со времени Петра I, не только не заботился о семинаріи и школахъ, но почти старался уничтожить ихъ [2]).

Дѣло, однако, не погибло вовсе. За продолженіе его горячо взялся архіепископъ Лука Конашевичъ (1738—1755). По словамъ біографа казанскихъ архіереевъ, архимандрита Платона Любарскаго [3]), архі-

---

[1]) *F. G. Gmelin's* Reise, I, 43—49.

[2]) *Правосл. Обозрѣніе* 1868 г., декабрь, 350.

[3]) Петръ Ивановичъ (въ монашествѣ Платонъ) Любарскій родился въ 1738 году въ городѣ Менѣ (нынѣ мѣстечко въ Сосницкомъ уѣздѣ Черниговской губерніи), гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Первоначально обучался онъ въ семинаріи при Ярославскомъ Спасскомъ монастырѣ, настоятелемъ котораго былъ близкій его родственникъ, архимандритъ Варѳоломей Любарскій. Послѣ того продолжалъ ученіе въ Черниговской коллегіи и окончательное образованіе получилъ къ Кіевской академіи. Между тѣмъ, въ теченіе этого времени, его родственникъ и благодѣтель Варѳоломей Любарскій сдѣлался епископомъ въ Вяткѣ и вызвалъ туда въ 1762 году Петра Любарскаго, назначивъ сначала учителемъ, а потомъ префектомъ семинаріи. Надобно отдать справедливость, молодой префектъ усердно занимался семинаріею и привелъ ее въ весьма удовлетворительное положеніе, чему, конечно, болѣе всего помогало его родство съ архіереемъ. Съ этихъ же поръ онъ сталъ заниматься собираніемъ различныхъ матеріаловъ по исторіи русской іерархіи, и впослѣдствіи, служа въ различныхъ епархіяхъ, вездѣ оставилъ послѣ себя любопытные сборники. Въ 1770 году онъ принялъ постриженіе подъ именемъ Платона и вскорѣ назначенъ игуменомъ Крестовоздвиженскаго Верхочепецкаго монастыря (близь г. Слободскаго въ Вятской губерніи); а отсюда перемѣщенъ въ 1772 г. въ Казань настоятелемъ Спасопреображенскаго монастыря съ саномъ архимандрита. Здѣсь онъ былъ свидѣтелемъ разгрома Казани пугачевцами и освобожденія ея Михельсономъ, о чемъ и составилъ «Краткое извѣстіе», изложенное въ формѣ письма 24-го августа 1774 г., къ извѣстному Н. Н. Бантышъ-Каменскому, съ которымъ Любарскій, по всей вѣроятности, сблизился еще въ Кіевской академіи. Письмо это, какъ видно, скоро распространилось въ спискахъ; «между неизчетными онаго читателями» былъ и Михельсонъ: искреннія похвалы, возданныя Любарскимъ этому «неутрудимому герою и избавителю Казани» вызвали и съ его стороны благодарственное письмо къ архимандриту. Письмо Лю-

епископъ Лука привелъ семинарію въ такое устройство, что она могла соперничать съ академіями Московскою и Кіевскою. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ такого отзыва можетъ служить то, что изъ Казанской семинаріи въ 1750 г. вышелъ Гедеонъ Криновскій, за свое краснорѣчіе возведенный императрицею Елизаветою въ званіе придворнаго проповѣдника. Академикъ Де-Лиль, посѣтившій Казань въ 1740 г., въ проѣздъ свой въ Березовъ и обратно, также отзывается выгодно о состояніи семинаріи и о заботливости архіепископа Луки о процвѣтаніи ея [1]).

Архіепископъ Лука былъ человѣкъ усердный, только доводилъ свое усердіе до крайности [2]). Въ апостольской ревности къ распространенію христіанства между инородцами, Лука въ 1740 г. возстановилъ „новокрещенскую школу“ и устроилъ нѣсколько отдѣленій ея, какъ въ самой Казани, такъ и въ городахъ Свіяжскѣ, Царевококшайскѣ и Елабугѣ. Одно изъ такихъ отдѣленій учреждено было имъ при церкви св. Захарія и Елизаветы, построенной имъ въ срединѣ татарскихъ Казанскихъ слободъ. Это очень не нравилось Татарамъ, тѣмъ болѣе, что архіепископъ, по словамъ Любарскаго, *„убѣждалъ ихъ нѣкоторыми притѣсненіями*, созидая насильно въ срединѣ

барскаго въ первый разъ было напечатано Пушкинымъ въ приложеніяхъ къ его «Исторіи Пугачевскаго бунта»; но еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія оно съ небольшими перемѣнами издано было отдѣльною брошюрою, подъ названіемъ: «Михельсонъ въ бывшее въ Казани возмущеніе» (издалъ Дмитрій Зиновьевъ, Москва, 1807; in 8°) Платонъ Любарскій въ 1785 г. былъ переведенъ въ архимандриты первокласснаго Свіяжскаго Богородицкаго монастыря; отсюда въ 1788 году перемѣщенъ въ ставропигіальный Воскресенскій (Новый Іерусалимъ), а въ 1792 г. въ Донской монастырь въ Москвѣ. Въ 1794 г. Платонъ хиротонисанъ въ епископы въ Тамбовъ, но черезъ мѣсяцъ, съ саномъ архіепископа, переведенъ въ Астрахань. Здѣсь онъ оставался до 1805 г., когда былъ перемѣщенъ въ Екатеринославскую епархію, гдѣ и умеръ въ концѣ 1811 г. Изъ трудовъ его, кромѣ упомянутаго описанія разворенія Казани, напечатаны: «Извѣстія о Вятской и Астраханской епархіи» (*Чтенія Моск. Общ. Исторіи*, 1847 г., № 7) и «Увѣщаніе къ Казанской паствѣ», отъ лица архіепископа Веніамина, въ 1773 г. (тамъ же 1860, кн. 2-я). Но «Сборникъ Древностей Казанской епархіи и приснопамятныхъ обстоятельствъ»—остается въ рукописи (См. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1854, № 8, отд. III, 40—44); впрочемъ, многія изъ вошедшихъ въ него статей также были изданы въ разное время. Ср. *Филарета*, Обзоръ росс. духовн. литературы, кн. 2-я, стр. 172, 173.

[1]) *П. Пекарскаго*, Путешествіе Делиля въ Березовъ, стр. 57.

[2]) Полная біографія Луки Конашевича въ *Правосл. Обозр.* 1858 г., августъ, октябрь, декабрь.

селеній ихъ церкви и часовни, *набирая противъ воли ихъ дѣтей въ заведенныя имъ новокрещенскія училища*, учреждая мимо домовъ ихъ крестныя хожденія *и другія причиняя имъ противности*, чрезъ что они нерѣдко отъ нестерпимости едва удерживались отъ всеобщаго смятенія [1]). Всѣ эти обстоятельства привели къ тому, что императрица Елизавета, не смотря на все свое усердіе къ утвержденію православія между казанскими инородцами [2]), вынуждена была уступить и, въ отвращеніе дурныхъ послѣдствій, повелѣла перемѣстить архіепископа Луку въ епархію Бѣлгородскую. Школа новокрещенская при Захарьевской церкви осталась и существовала до 1800 года.

Кромѣ этихъ училищъ, по свидѣтельству историка Казани, г. Рыбушкина [3]), около того же (?) времени учреждена въ Казани „школа баталіонная", въ которой обучалось до 350 солдатскихъ дѣтей.

Но всѣ эти училища имѣли назначеніе особенное, преслѣдовали спеціальныя цѣли: школы новокрещенскія и семинарія стремились образовать надежныхъ миссіонеровъ и достойныхъ пастырей церкви; школа баталіонная долженствовала приготовлять грамотныхъ солдатъ.

А между тѣмъ, такъ или иначе, глубокое значеніе древней пословицы „ученье — свѣтъ, неученье — тьма", стало проникать во всеобщее сознаніе. Пробуждалось и утверждалось, хотя между немногими, полное убѣжденіе въ пользѣ и необходимости образованія общаго, простирающагося на бо́льшую массу народа и не въ предѣлахъ одного пониманія священнаго писанія. Не отрицаемъ, что въ этомъ стремленіи была значительная доля подражательности, желаніе имѣть въ Россіи учебныя заведенія по образцу западныхъ государствъ, желаніе прослыть меценатами, насадителями наукъ и художествъ; но, конечно, въ такомъ воззрѣніи нельзя заподозрить Ломоносова, страстію къ наукѣ выведеннаго на видную дорогу. Не безсознательно говорилъ онъ:

Науки юношей питаютъ,
Отраду старцамъ подаютъ.

Сто́итъ просмотрѣть оставшіяся отъ Ломоносова бумаги, чтобы убѣдиться, что онъ весь проникнутъ былъ этою мыслью, что вся жизнь его предана была изысканію средствъ къ водворенію и распростране-

---

[1]) См. Рукопись библіотеки Каз. универс. подъ № 8419, стр. 57 и сл.

[2]) Указомъ 19-го ноября 1742 г. (Полн. Собр. Зак., т. XI, № 8664) запрещено было строеніе мечетей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ христіане и проч.

[3]) Исторія г. Казани, I, стр. 110.

нію просвѣщенія въ Россіи. Не тщеславіе и обезьянство руководили имъ, когда онъ писалъ проектъ учрежденія университета.

И въ счастливую минуту удалось Ломоносову и Шувалову явиться съ этимъ проектомъ [1]). Императрица Елизавета, „сія умудренная Юдифь", по выраженію современныхъ проповѣдниковъ, хотя и по прежнему соблюдала посты, однако, не съ прежнимъ увлеченіемъ внимала фанатической проповѣди; да и съ самой церковной каѳедры уже не произносилась анаѳема на иноземцевъ и на все свѣтское, какъ было въ первый годъ ея царствованія, когда церемонно ругали Остермана и Миниха, какъ враговъ православія. Не вопіялъ уже придворный проповѣдникъ Савицкій: [2]) „многіе ли хоть копѣйку потратили *на обученіе православію?* Весьма не многіе. А многія тысячи брошены *на обученіе* отъ пеленъ танцамъ, верховой ѣздѣ, играмъ, *разнымъ языкамъ, да на странствія по чужимъ землямъ*. А чтобы научиться Бога знать, о томъ не подумали, въ томъ у нихъ нѣтъ манеру".

Тринадцать лѣтъ правленія ослабили эту нетерпимость. 12-го января 1755 года государыня утвердила представленный Шуваловымъ проектъ объ учрежденіи въ Москвѣ университета и двухъ гимназій; а 24-го числа было объявлено о томъ во всеобщее свѣдѣніе сенатскимъ указомъ [3]). Въ этомъ указѣ прямо высказано, что „изобрѣтеніе того полезнаго дѣла" принято въ тѣхъ убѣжденіяхъ, что „наука вездѣ нужна и полезна и способомъ той просвѣщенные народы превознесены и прославлены надъ живущими во тьмѣ невѣдѣнія людьми"; что Петръ Великій „чрезъ науки исполнилъ разумъ превосходящія дѣла, а именно: въ толь краткое время перемѣну нравовъ и обы-

---

[1]) Въ чемъ состояло и до какой степени простиралось содѣйствіе Ломоносова въ проектѣ объ учрежденіи университета Московскаго, см. *П. Пекарскаго*, Исторія Академіи Наукъ, II, 565 — 568.

[2]) Слово, говоренное 4-го іюля 1742 года. По словамъ *Лубяновскаго* (Воспоминанія; *Русскій Архивъ*, 1872 г., стр. 457), знаменитый митрополитъ Платонъ такъ отзывался о проповѣдникахъ временъ Елизаветы: «Надобно было тому щелчка дать, другаго съ рукъ сбыть — къ проповѣднику! Тотъ съ каѳедры отправлялъ прямо въ геенну такого царя, въ которомъ милость не соглашалась съ правосудіемъ и оттого не скоро карала злодѣевъ. Иной приговоръ до проповѣди не одинъ годъ лежалъ на столѣ; послѣ проповѣди съ приложеніемъ руки сходилъ со стола». О придворныхъ проповѣдяхъ въ царствованіе Елизаветы *Н. А. Поповъ* помѣстилъ особую статью въ изданіи *Тихонравова: Лѣтописи русской литературы и древности*, 1859 г. кн. III.

[3]) Полн. собр. Законовъ, XIV, № 10346.

чаевъ и невѣжествъ, долгимъ временемъ утвержденныхъ, строеніе градовъ и крѣпостей, учрежденіе арміи, заведеніе флота, исправленіе необитаемыхъ земель, установленіе водяныхъ путей, все къ пользѣ общаго житія человѣческаго, и наконецъ все блаженство жизни человѣческой, въ которой безчисленные плоды всякаго добра всечасно чувствамъ представляются"; что „всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго разума, а напротивъ того зло искореняется, и слѣдовательно нужда необходимо о томъ стараться. чтобъ способомъ пристойныхъ наукъ возрастало въ пространной нашей имперіи всякое полезное знаніе".

Причины, по которымъ университетъ назначался въ Москвѣ, высказаны въ указѣ слѣдующія: что за дальностію дворяне и разночинцы къ пріѣзду въ С.-Петербургъ многія имѣютъ препятствія, а въ Москвѣ живущихъ дворянъ и разночинцевъ великое число; къ тому же она находится среди Русскаго государства, куда изъ округъ-лежащихъ мѣстъ способно пріѣхать можно; содержаніе въ Москвѣ не стоитъ многаго иждивенія, такъ какъ почти всякій у себя имѣетъ родственниковъ или знакомыхъ, гдѣ себя квартирою и пищею содержать можетъ. Главнѣйшимъ же обстоятельствомъ признавалось то, что „великое число въ Москвѣ у помѣщиковъ на дорогомъ содержаніи учителей, изъ которыхъ бо̀льшая часть не токмо учить науки не могутъ, но и сами къ тому никакова начала не имѣютъ и только чрезъ то младыя лѣта учениковъ и лутчее время къ ученію пропадаетъ, а за ученіе онымъ безполезно великая плата дается; всѣ жь почти помѣщики имѣютъ стараніе о воспитаніи дѣтей своихъ, не щадя иные по бѣдности великой части своего имѣнія, и ласкаясь надеждою произвести изъ дѣтей своихъ достойныхъ людей въ службу, а иные, не имѣя знанія въ наукахъ, или по необходимости не сыскавъ лутчихъ учителей, принимаютъ такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали".

Домашніе учители находились не у однихъ московскихъ помѣщиковъ, но и въ другихъ мѣстахъ. и вездѣ, за недостаткомъ людей знающихъ, большинство ихъ состояло изъ Цыфиркиныхъ и Вральмановъ, особенно изъ послѣднихъ, такъ какъ они были иностранцы и слѣдовательно могли обучать „иностраннымъ діалектамъ". Вотъ что̀ сообщаетъ въ своихъ запискахъ Державинъ: „... въ Оренбургѣ, при вступленіи въ отроческія лѣта, то есть, по седьмому году (слѣдов. въ 1750 г.), явленъ былъ на первый смотръ губернатору И. И. Не-

плюеву и отданъ для ученія нѣмецкаго языка, за неимѣніемъ тамъ другихъ учителей, *сосланному за какую-то вину въ каторжную работу* нѣкоторому Іосифу Розѣ, у котораго дѣти лучшихъ благородныхъ людей, въ Оренбургѣ при должностяхъ находящихся, мужеска и женска полу, учились. Сей наставникъ, кромѣ того, что правовъ развращенныхъ, жестокъ, наказывалъ своихъ учениковъ самыми мучительными, но даже и неблагопристойными штрафами, о коихъ разсказывать здѣсь было бы отвратительно; былъ самъ невѣжда, не зналъ даже граматическихъ правилъ, а для того и упражнялъ только дѣтей тверженіемъ вокаболъ и разговоровъ, и списываніемъ оныхъ, его Розы рукою прекрасно однако писанныхъ..." [1])

Понятно, почему таковы были въ большинствѣ учителя-иностранцы въ Россіи. Какъ всегда, въ страну новую, но жаждущую чего-либо, стекаются искатели счастія, люди готовые, или по крайней мѣрѣ, согласные на все, — такъ и въ Россію, съ той поры, какъ она только задумала прорубить окно въ Европу, устремились толпы авантюристовъ. Между ними являлись личности способныя и достойныя высокой карьеры, какой онѣ и достигали впослѣдствіи; большинство же, само собою разумѣется, состояло изъ всякаго сброда людей, имѣвшихъ одно призваніе — удить въ мутной водѣ. Вотъ что говоритъ де-ла-Мессельеръ, секретарь французскаго посольства, прибывшаго въ Россію въ іюлѣ 1757 года: „Мы были осаждены тучею Французовъ всякаго сорта, изъ которыхъ бо́льшая часть, послѣ разныхъ столкновеній съ Парижскою полиціею, отправились промышлять въ страны сѣверныя. Мы изумились и огорчились, встрѣтивъ, въ домахъ многихъ вельможъ, дезертёровъ, банкротовъ, развратниковъ и множество женщинъ того же рода, которые, лишь потому что были Французы, занимались воспитаніемъ дѣтей въ самыхъ знатныхъ семействахъ. Эта накипь нашего отечества, говорятъ, распространилась

[1]) *Державина* Записки, стр. 7. (*Русская Бесѣда*, 1859 г.). Учителя въ казенныхъ заведеніяхъ также были хороши. Въ 1737 г. въ Артиллерійской школѣ въ Москвѣ учитель Прохоръ Алабушевъ «былъ человѣкъ пьяный и вздорный, по третьему смертоубійству сидѣлъ подъ арестомъ и взятъ обучать школу: вотъ каковъ характеръ штыкъ-юнкера Алабушева, а потому можно знать сколь великій тогда былъ недостатокъ въ ученыхъ людяхъ при артиллеріи». См. Записки артиллеріи маіора Мих. Вас. *Данилова*, написанныя имъ въ 1771 году. Издалъ Пав. Строевъ. Москва. 1842, стр. 53; сравни 38—43, 45. Припомнимъ также что̀ говорилъ фонъ-Визинъ объ университетскихъ преподавателяхъ своего времени.

до предѣловъ Китая: я встрѣчалъ ихъ вездѣ. Г. посланникъ призналъ приличнымъ предложить русскому правительству произвести розыски о поведеніи этихъ лицъ и наиболѣе вредныхъ изъ нихъ выслать за границу“ [1]).

Мы уже видѣли, что правительство наше еще гораздо прежде обратило особенное вниманіе на учителей-иностранцевъ; а указомъ 5-го мая 1757 года [2]) (слѣдовательно за два мѣсяца до прибытія упомянутаго французскаго посольства) повелѣно было университету, а равно и академіи наукъ, немедленно подвергнуть испытанію всѣхъ иностранцевъ, занимавшихся обученіемъ дѣтей и содержавшихъ пансіоны, и поступать впредь такимъ же образомъ со всѣми прибывающими въ Россію для педагогическихъ цѣлей. Вмѣстѣ съ этимъ опредѣленъ штрафъ въ 100 рублей съ тѣхъ лицъ, которыя стали бы принимать къ себѣ или держать учителей неаттестованныхъ.

Въ какой степени достигалась желаемая цѣль этою мѣрою, — говорить много нечего. Кому неизвѣстно, что и спустя много лѣтъ по изданіи такого указа, парикмахеры, лакеи, кондитеры, модистки и tutti quanti являлись въ разныхъ концахъ Россіи, и даже въ столицахъ, въ званіи учителей и учительницъ. Обвинять, не принимая никакихъ извиняющихъ обстоятельствъ, не будемъ за такую неудачу. По крайней мѣрѣ отдадимъ полную справедливость отеческимъ заботамъ правительства объ огражденіи легковѣрныхъ родителей отъ наплыва такихъ учителей.

Учреждая университетъ, правительство именно надѣялось, что „такіе въ ученіяхъ недостатки реченнымъ установленіемъ исправлены будутъ и желаемая польза надежно чрезъ скорое время плоды свои произведетъ, паче-жъ когда довольно будетъ національныхъ достойныхъ людей въ наукахъ, которыхъ требуетъ пространная имперія къ разнымъ изобрѣтеніямъ сокровенныхъ въ ней вещей и по исполненію начатыхъ предпріятіевъ, а къ учрежденію впредь по знатнымъ Россійскимъ городамъ россійскими профессорами училищъ, отъ которыхъ и въ отдаленномъ простомъ народѣ суевѣріе, расколы и тому подобныя отъ невѣжества среси истребятся“. Такія благодѣянія ожидались отъ „реченнаго установленія“.

---

[1]) Voyage à Petersbourg ou Nouveaux Mémoires sur la Russie, par M. *de la Messlière*. Paris. An. XI. 1803, стр. 124. Ср. *Шевыревъ*, Ист. Моск. Унив., стр. 38.

[2]) Полн. Собр. Зак. т. XIV, № 10724.

Поэтому на университетъ возлагалась обязанность насаждать и распространять просвѣщеніе и вмѣстѣ наблюдать за правильностью преподаванія. Исполняя это, университетъ скоро пришелъ къ убѣжденію, что двухъ открытыхъ при немъ гимназій было недостаточно для государства столь обширнаго, въ которомъ уже, какъ сказано, пробудилось стремленіе къ просвѣщенію. Жители провинцій отдаленныхъ отъ Москвы не могли отправлять своихъ дѣтей въ эти гимназіи и по прежнему вынуждались довольствоваться учителями, какіе попадались подъ руку. Черезъ годъ по открытіи своемъ, университетъ доносилъ сенату, что „для размноженія наукъ въ имперіи, необходимо надобно учредить, кромѣ Москвы и Петербурга, гимназіи, въ которыхъ бы молодые люди, оказующіе успѣхи своего понятія и ученія, могли выходить въ Московскій университетъ и Петербургскую академію для обученія наукъ, получивъ въ томъ мѣстѣ первыя основанія; если правительствующій сенатъ заблагоразсудить изволитъ, чтобы изъ Московскаго университета приказать, отобравъ нѣсколько учителей, послать въ Казань и тамъ учредитъ гимназію, то испрашивается, чтобы повелѣно было тамъ изготовить пристойный къ тому домъ и дозволить дворянамъ и разночинцамъ учиться съ такими же выгодами, какъ и въ Московскомъ университетѣ, и чтобы той учрежденной гимназіи отъ тамошняго губернатора должное вспоможеніе по обстоятельствамъ дѣлано было“ [1]).

Кажется, главнымъ виновникомъ этого проекта должно считать Ивана Ивановича Мелиссино, бывшаго тогда директоромъ университета и съ необыкновенною заботливостью вникавшаго во всѣ его потребности и нужды. Шуваловъ, постоянно находившійся въ Петербургѣ, какъ кураторъ университета, былъ вѣрнымъ предстателемъ за каждое желаніе университета. Такимъ образомъ и проектъ о Казанскихъ гимназіяхъ, внесенный въ правительствующій сенатъ, не встрѣтилъ никакого препятствія къ осуществленію.

Сенатъ вполнѣ утвердилъ представленіе университета и указомъ 21-го іюля 1758 года [2]) возвѣстилъ: „Для размноженія наукъ, о учрежденіи въ Казани гимназіи къ обученію дворянъ и разночинцевъ, съ такими-жъ выгодами, какъ и въ Московскомъ университетѣ, и объ отправленіи туда изъ онаго университета учителей и о бытіи имъ на суммѣ университетской, быть по тому Московскаго университета

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XV, № 10860.

[2]) Полн. Собр. Зак., т. XV, № 10860.

представленію; и для того Казанской губернаторской канцеляріи велѣть, для показанной гимназіи, пріискать немедленно каменный, а буде нѣтъ, то деревянный домъ, въ которомъ бы не меньше десяти покоевъ было, а буде такого не сыщется, то хоть бы оное число покоевъ въ двухъ, а по крайней уже необходимости въ трехъ домахъ было, и ежели казенныхъ не отыщется, то изъ партикулярныхъ, на первый случай за наёмъ, и какую цѣну просить будутъ, о томъ неукоснительно въ правительствующій сенатъ рапортовать; и что́ принадлежать будетъ до учрежденія означенной гимназіи, въ томъ, по требованіямъ реченнаго университета, чинить должное вспоможеніе, по обстоятельствамъ, безъ опущенія времени".

Во исполненіе этого указа Московскій университетъ приступилъ къ открытію гимназіи и прежде всего избралъ начальствующихъ лицъ. Директоромъ назначенъ былъ Веревкинъ, состоявшій при университетскомъ правленіи ассесоромъ и спеціально завѣдывавшій университетскою пожарною командою, а инспекторомъ — магистръ Оттенталь, преподававшій въ университетѣ исторію и географію.

II.

Лица, на которыхъ возлагается осуществленіе какой-либо важной мѣры, всегда заслуживаютъ особеннаго вниманія современниковъ и потомства. Поэтому, кажется, не будетъ лишнимъ сообщить здѣсь нѣсколько біографическихъ подробностей о первомъ директорѣ Казанской гимназіи [1]).

Родъ Веревкиныхъ довольно древній въ Россіи, но какъ и большая часть дворянскихъ родовъ ведетъ начало отъ Татаръ. По преданію, сохраняющемуся между членами этой фамиліи, ихъ родоначальникъ, ордынскій выходецъ, получилъ отъ великаго князя Іоанна Васильевича прозвище „Веревки" потому, что когда онъ представлялъ князю выведенную съ собою дружину, то вытянулъ ее вдругъ

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія о Веревкинѣ, какъ и о большей части нашихъ дѣятелей, довольно отрывочны. О немъ говоритъ *митр. Евгеній*, въ «Словарѣ Рус. пис. свѣтскаго чина» т. I, стр. 74; *Бантышъ-Каменскій*, въ «Словарѣ достопам. людей» I, 267; *Д. И. Языковъ*, въ «Энц. Лекс.» IX, 454; въ *Каз. губ. вѣд.* 1844, №№ 48 и 49; въ *Москвитянинѣ*, 1842, VI, 398—402; въ *Русской Бесѣдѣ*, 1860, т. I, особое приложеніе. Въ *Русской Старинѣ* 1872 г. заявлено было, что *М. И. Лонгиновъ*, занимающійся собираніемъ біо-библіографическихъ свѣдѣній о писателяхъ прошедшаго столѣтія, собралъ таковыя данныя и о Веревкинѣ; но въ печати онѣ еще не появлялись.

въ линію, *какъ по веревкѣ*. Михаилъ Ивановичъ Веревкинъ, первый командиръ казанскихъ гимназій, родился въ 1732 году, въ селѣ Покровскомъ, Клинскаго уѣзда Московской губерніи [1]); онъ былъ старшій изъ пятерыхъ дѣтей Ивана Ивановича Веревкина, служившаго первоначально деньщикомъ у Петра Великаго, а потомъ капитаномъ въ Семеновскомъ полку. Оставшись сиротою семи лѣтъ, Михаилъ Веревкинъ былъ записанъ кадетомъ въ сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ, куда и поступилъ въ 1742 году. Въ слѣдующемъ году онъ былъ записанъ во флотъ гардемариномъ, а въ 1748 году выпущенъ мичманомъ; въ 1751 г. произведенъ въ унтеръ-лейтенанты, въ 1753 г. получилъ званіе корабельнаго секретаря. Служба его по морскому вѣдомству была непродолжительна: въ маѣ мѣсяцѣ 1756 года, по протекціи И. И. Шувалова, Веревкинъ „взятъ въ открывшійся тогда Московскій университетъ ассесоромъ“ [2]). Это положеніе было уже довольно видное, хотя Веревкинъ имѣлъ не болѣе 24 лѣтъ отъ роду. Обязанности ассесорскія, впрочемъ, не были съ точностью опредѣлены въ общемъ строѣ университетской администраціи и это послужило поводомъ къ распрѣ, возникшей между Веревкинымъ и ректоромъ университета Шаденомъ: тогда, по особой инструкціи куратора Шувалова, на обязанность Веревкина возложено было охраненіе университета отъ пожаровъ [3]). Ко времени ассесорства Веревкина въ университетѣ относится слѣдующій, характеризующій его, анекдотъ. Одинъ изъ дворянъ-учениковъ подставилъ учителю ногу; учитель замѣтилъ его продѣлку и далъ ему пощечину. Ученикъ принесъ жалобу канцеляріи. Наряженъ особый судъ изъ ассесора Хераскова, ректора Шадена и профессоровъ Дильтея и Фроманна. Учителю сдѣлали выговоръ и сказали, что онъ могъ бы искать удовлетворенія другимъ путемъ, но теперь лишился этого права, потому что пощечины давать запрещено. Приговорили: учителю и ученику просить другъ у друга прощенія. Но ученикъ остался недоволенъ такимъ приговоромъ и обратился съ новою жалобою къ ассесору Веревкину, когда наступила его очередь заниматься дѣлами (ассесоры, еженедѣльно, доносили куратору о всемъ, что происходило въ университетѣ). Веревкинъ обѣщалъ жалобщику удовлетвореніе полное: онъ велѣлъ солдатамъ арестовать учителя; солдаты не застали учителя

[1]) Списокъ населенія мѣстъ Моск. губ., № 3686.
[2]) *Москвитянинъ*, 1842 г., ч. VI, стр. 398–400.
[3]) *Шевырева*, Исторія Моск. Универс., стр. 26, 46.

дома, пришли на другой день рано утромъ и прямо съ постели отвели его подъ караулъ... Веревкинъ не имѣлъ никакого права переверщать дѣло, рѣшенное особымъ судомъ; да кромѣ того, онъ сдѣлалъ новый промахъ: перемѣшавъ имена, велѣлъ арестовать вовсе не того учителя, на котораго жаловались [1]). Дѣло это, однако, не имѣло особенныхъ послѣдствій для Веревкина. При открытіи гимназій въ Казани, Веревкинъ былъ назначенъ туда директоромъ, или какъ тогда называлось „командиромъ“. Административно-педагогическую дѣятельность его на этомъ поприщѣ мы изложимъ въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь постараемся отчасти объяснить причины, по которымъ Веревкинъ, человѣкъ еще молодой и принадлежавшій хотя къ старинному дворянскому роду, однако не игравшему важной роли въ государствѣ, получилъ такой довольно значительный постъ. Нѣтъ сомнѣнія, что карьерою своею онъ былъ много обязанъ покровительству сильнаго Шувалова; но, конечно, и покровительство Шувалова вызвано было какими-либо достоинствами Веревкина. Князь П. А. Вяземскій, которому такъ много извѣстно подробностей по исторіи нашей литературы (что̀ доказалъ онъ своею книгою о фонъ-Визинѣ), сообщаетъ, что Веревкинъ выдвинулся впередъ отличнымъ знаніемъ иностранныхъ языковъ и сдѣлался извѣстенъ императрицѣ Елизаветѣ. По словамъ князя Вяземскаго, однажды императрица передъ обѣдомъ, прочитавъ какую-то нѣмецкую молитву, которая ей очень понравилась, изъявила желаніе, чтобы перевели ее на русскій языкъ. „Есть у меня человѣкъ на примѣтѣ“—сказалъ П. И. Шуваловъ,—„который изготовитъ вамъ переводъ до конца обѣда“, и тутъ же послалъ молитву къ Веревкину. Такъ и сдѣлалось, какъ обѣщалъ Шуваловъ: еще обѣдъ не кончился, какъ принесли переводъ. Онъ такъ понравился императрицѣ, что она тотчасъ же, или вскорѣ затѣмъ, наградила переводчика 20.000 рублей. Князь Вяземскій сообщаетъ также и другіе анекдоты о ловкости Веревкина и его умѣньи обратить на себя вниманіе. Такъ, напримѣръ, онъ мастерски гадалъ на картахъ: кто-то разказалъ объ этомъ его искусствѣ императору Петру III и тотъ приказалъ позвать Веревкина во дворецъ. Веревкинъ явился, взялъ въ руки колоду картъ и въ ту же минуту ловко выбросилъ на полъ четырехъ королей. „Что̀ это значитъ?“ спросилъ Петръ. „Такъ фальшивые короли падаютъ предъ царемъ истиннымъ“, — отвѣчалъ Веревкинъ. Эта штука чрезвычайно понрави-

[1]) *Шевыревъ*, Ист. Моск. Унив., 62, 79.

лась государю, а для Веревкина увѣнчалась успѣхомъ вдвое бо̀льшимъ, чѣмъ переводъ нѣмецкой молитвы: ему прощенъ былъ казенный долгъ въ 40.000 рублей. Этого мало, Петръ III пожелалъ, чтобъ Веревкинъ показалъ свое искусство императрицѣ. Веревкинъ явился съ колодою картъ къ государынѣ и началъ свои прорицанія. Когда онъ кончилъ, то императрица сказала ему: „Я слышала, что вы человѣкъ умный, и потому удивляюсь, что вы вѣрите въ подобныя нелѣпости“. — Нисколько не вѣрю, — отвѣчалъ Веревкинъ.—„Я очень рада этому“, прибавила императрица, „а то вы мнѣ наговорили столько чудеснаго, что было бы жаль, если все это неправда....“ Эти анекдоты обрисовываютъ намъ Веревкина человѣкомъ весьма ловкимъ, умѣющимъ примѣняться къ обстоятельствамъ и лицамъ. Присовокупимъ къ этому, что въ обществѣ онъ являлся такимъ пріятнымъ собесѣдникомъ, такимъ артистическимъ разказчикомъ, что своимъ разговоромъ, по своему произволу или по заказу другихъ, заставлялъ слушателей или плакать, или смѣяться. По увольненіи отъ должности директора гимназій, Веревкинъ большею частію жилъ въ деревнѣ; но когда пріѣзжалъ въ Петербургъ, то съ ранняго утра передняя его наполнялась присланными съ приглашеніями на обѣды или на вечера: хозяева сзывали гостей „на Веревкина“, какъ въ Парижѣ сзывали слушать знаменитыхъ говоруновъ Шанфора и Рюльера, которые импровизировали разговоры на заданныя темы. И Веревкинъ, отправляясь на вечеръ или на обѣдъ, спрашивалъ у своихъ товарищей: „Какъ прикажете, заставить ли мнѣ сегодня гостей плакать или смѣяться?“ — и потомъ, по общему назначенію, то приводилъ всѣхъ въ слезы, то морилъ со смѣха [1]).

Таковъ былъ Веревкинъ въ общественной свѣтской жизни. Оче-

---

[1]) *Московскій Телеграфъ*, 1827 г., ч. XIV, отд. 2, стр. 90, 91.—Николай Себастіанъ Рожъ Шанфоръ (1741 — 1794 гг.), авторъ нѣсколькихъ неудачныхъ драматическихъ піесъ, обладалъ необыкновеннымъ талантомъ граціозной болтовни и мѣткой сатиры, что̀ и приблизило его ко двору Маріи-Антуанетты и вообще ввело въ высшее общество, а также доставило кресло въ Академіи. Истративъ свой умъ на мелочи, Шанфоръ присталъ къ революціи и получилъ мѣсто библіотекаря при національной библіотекѣ; но за свои сарказмы противъ главныхъ дѣятелей той эпохи былъ дважды арестованъ и, боясь гильотины, кончилъ жизнь бритвою и выстрѣломъ.—Клодъ Шарлеманъ Рюльеръ (1735—1791 гг.) былъ адъютантъ маршала Ришелье, а потомъ, въ началѣ царствованія Екатерины II, состоялъ при французскомъ посольствѣ въ Россіи; извѣстенъ своими сочиненіями о Россіи и Польшѣ той эпохи.

видно, что ему, при такихъ способностяхъ, не трудно было находить вездѣ поддержку и протекцію: если при какомъ-либо промахѣ общественное его положеніе и колебалось и онъ даже падалъ,—падалъ больно,—то вставалъ здорово, по выраженію Грибоѣдова объ искательныхъ людяхъ той эпохи. Но при всемъ томъ никакъ нельзя отказать Веревкину въ значительномъ по тогдашнему времени образованіи, литературномъ талантѣ и трудолюбіи.

Передаваемые княземъ Вяземскимъ разказы, по всей вѣроятности, относятся къ тому времени, когда Веревкинъ, въ концѣ 1761 года, уволенъ былъ отъ должности командира гимназій и губернаторскаго товарища въ Казани и, какъ увидимъ ниже, при обстоятельствахъ очень для него неблагопріятныхъ. Въ эту пору, конечно, ему необходимо было всевозможными средствами поднять свой кредитъ и найдти какъ можно болѣе „милостивцевъ“. Дѣла свои онъ устроилъ очень хорошо: молитвы и карты очистили его отъ разныхъ нареканій и долговъ, а въ 1763 году, по именному высочайшему указу Веревкинъ былъ пожалованъ въ коллежскіе совѣтники, „съ вѣчною отъ всѣхъ дѣлъ отставкою“, но съ тѣмъ вмѣстѣ ему „велѣно быть при кабинетѣ у перевода съ иностранныхъ на россійскій языкъ книгъ“. Такимъ образомъ, отличное знаніе иностранныхъ языковъ все-таки осталось на первомъ планѣ и давало Веревкину значеніе привиллегированнаго переводчика. Дѣйствительно, въ этотъ періодъ своей жизни Веревкинъ преимущественно занялся переводами, хотя и прежде онъ удѣлялъ время для литературныхъ трудовъ. Онъ пыталъ свои силы и въ стиходѣйствіяхъ: нѣкоторыя изъ нихъ помѣщались въ издававшемся въ 1761 году журналѣ „*Полезное Увеселеніе*“ [1]); но еще бо́льшая часть ихъ осталась не напечатанными, потому что Веревкинъ, угождая вкусамъ вѣка, или точнѣе, подражая тогдашней французской литературѣ, въ одно и то же время писалъ и посланіе къ знаменитому Платону (впослѣдствіи митрополиту), подъ названіемъ „Христіанинъ“—и находящуюся въ рукописи кощунскую „эпистолу“ маститому волу, рожденному въ Черкасахъ и проч. [2]). Удалив-

[1]) Журналъ этотъ издавался въ 1760, 1761 и 1762 годахъ извѣстнымъ Херасковымъ, бывшимъ тогда директоромъ университета. Въ 1762 году издано только 6 книжекъ. Изданіе это очень рѣдко.

[2]) Въ числѣ рукописей библіотеки Казанскаго университета, подъ № 19953 значится книга въ 4-ю долю листа, переплетенная въ кожу и носящая заглавіе «Разныя Стиходѣйствія». Это одна изъ интереснѣйшихъ рукописей библіотеки, не смотря на то, что преисполнена грубыми описками и ошибками противъ

шись въ родовое свое имѣніе и построивъ близъ села Покровскаго сельцо Михайлово или Михалево [1]), Веревкинъ занимался переводомъ разныхъ книгъ историческаго содержанія, по назначенію самой императрицы, которыя впослѣдствіи печатались въ его пользу, на счетъ кабинета государыни. Должно сказать, что Екатерина II не могла избрать лучшаго исполнителя для высокой своей цѣли — знакомить русскихъ людей съ замѣчательнѣйшими иностранными произведеніями. Переводческая дѣятельность Веревкина продолжалась въ теченіе 30-ти лѣтъ, не смотря на то, что обстоятельства на нѣкоторое время не разъ отвлекали его отъ этихъ трудовъ. Всѣ изданные имъ въ теченіе этого времени переводы составляютъ до 75-ти большихъ томовъ. Въ хронологическомъ порядкѣ они слѣдовали такъ: 1) Записки герцога Сюллія, перваго министра Генриха IV, короля французскаго, Москва, 1770—1776; 10 ч., in 8; 2) Всеобщее повѣствованіе о путешествіяхъ, или новое собраніе всѣхъ извѣстій о странствіяхъ водныхъ и матерой земли, и проч., соч. аббата Прево, Москва, 1777 — 1781; 4 ч., in 4; 3) Исторія о странствіяхъ вообще по всѣмъ краямъ земнаго круга, соч. г. Прево, сокращенная г. Ла-Гарпомъ, содержащая

ореографіи, версификаціи и проч. Стихотворенія, заключающіяся въ этомъ сборникѣ (числомъ 141), весьма любопытны въ томъ отношеніи, что представляютъ преимущественно стихотворную полемику писателей и авторовъ періода 1750—1780 годовъ. Перебранка въ иныхъ случаяхъ доходитъ до «крѣпкихъ словецъ»; выраженія: скотъ преузорочный, оселъ, болобанъ, фалелей и т. п. встрѣчаются въ этихъ «стиходѣйствіяхъ» безпрестанно. На рукопись эту указывалъ *Н. Н. Буличъ* въ своемъ изслѣдованіи: «Сумароковъ и современные ему критики» (Спб. 1854); но болѣе подробныя свѣдѣнія о ней сообщены были *А. Н. Аѳанасьевымъ* въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1859 г. №№ 15 и 17, при чемъ перепечатано было нѣсколько стихотвореній, между прочимъ, Ломоносовскій «Гимнъ бородѣ» и всѣ вызванныя имъ сатиры, эпиграммы, письма, пародіи.—Въ этомъ же сборникѣ, на стр. 86 — 88, подъ № 54, помѣщена упомянутая «Эпистола» Веревкина. Мы имѣли намѣреніе привести здѣсь эту эпистолу, но отказались отъ него, какъ по причинѣ искаженности нѣкоторыхъ стиховъ, доходящей до совершенной утраты смысла, такъ и по легкомысленному кощунству ея содержанія, не отличающагося къ тому же особеннымъ остроуміемъ. Эпистола замѣчательна только по желанію автора поддѣлаться подъ складъ мужицкой рѣчи. Содержаніе ея — жалобы на дороговизну водки и въ концѣ сказано: «писано во второй годъ послѣ плачевнаго разлученія съ винною дешевизной, мѣсяца февраля 31 дня». Кажется, эту эпистолу самъ Веревкинъ, въ перечисленіи своихъ сочиненій и переводовъ, именуетъ «Памятникомъ».

[1]) Списокъ населенныхъ мѣстъ Моск. губ., № 3687.

въ себѣ достойнѣйшее примѣчанія, самое полезнѣйшее и наилучшимъ доказанное образомъ, въ странахъ свѣта, до коихъ достигали Европейцы, и проч., Москва, 1782 — 1787, 22 ч., in 8 [1]); 4) Сказаніе о мореплаваніи, какъ оно началось и возрастало, какія время отъ времени произошли пользы, какъ находимы были помощію онаго неизвѣстныя до того мѣста и земли,—съ присоединеніемъ составленнаго Веревкинымъ краткаго описанія жизни адмирала Алексѣя Ивановича Нагаева; Москва, 1782, 2 ч., in 8 [2]); 5) Записки, надлежащія до исторіи, наукъ, художествъ, нравовъ, обычаевъ и проч. Китайцевъ, сочиненныя проповѣдниками христіанской вѣры въ Пекинѣ, съ приложеніемъ многихъ фигуръ; Москва, 1786—1788, 6 ч., in 4; 6) Начальныя основанія Англинской исторіи, со временъ завоеванія Римлянъ до царствованія Георга II, соч. аббатомъ Милотомъ; Спб., 1786, 3 ч., in 8; 7) Начальныя основанія французской исторіи, отъ Кловиса I до Лудовика XIV, соч. аббатомъ Милотомъ; Спб., 1788, 3 ч., in 8; 8) Наставникъ, или всеобщая система воспитанія, преподающая первыя основанія учености, содержащая въ себѣ: о правочтеніи, рѣчахъ и разговорахъ предъ собраніями, о слогѣ писемъ, математикѣ, и проч.; соч. англинское, съ нѣмецкаго. Спб., 1789, 12 ч., in 8; 9) Исторія турецкая, начиная временами, какъ оная составилась, до замиренія между султаномъ Магометомъ V и римскимъ императоромъ Карломъ VI въ 1740 году; соч. аббата Миньота, Спб., 1789, 4 ч. in 8; 10) Алкоранъ аравитянина Магомета, Спб., 1790, in 4; 11) Житіе Кунг-тзеэа или Конфуціуса, какъ называютъ его Европейцы, славнѣйшаго китайскаго возстановителя древнія учености, — съ его портретомъ; Спб., 1790, in 4; 12) Словарь географическій или описаніе всѣхъ четырехъ частей свѣта, соч. г. Вожьена. Спб., 1789 — 1791; 5 ч., in 8; 13) Полная картина Оттоманскія имперіи, заключающая въ себѣ законоположеніе магометанства, ученіе Магомета о сотворе-

---

[1]) Это изданіе предпринято было въ замѣнъ «Всеобщаго повѣствованія о путешествіяхъ» (Histoire générale des voyages, par l'abbé Prevost), оставленнаго по причинѣ чрезвычайной обширности. Впрочемъ, и Лагарпово «Сокращеніе» переведено не вполнѣ: французскій оригиналъ состоитъ изъ 32-хъ частей.

[2]) Адмиралъ А. И. Нагаевъ (род. 1704, ум. 1780) извѣстенъ описаніемъ Каспійскаго моря и Финскаго залива, а также составленіемъ картъ Камчатки, Американскаго берега, Балтійскаго моря, Ладожскаго озера и проч. Его карта устья Амура весьма долго была единственною и лучшею. Веревкинъ началъ свою службу подъ его командою. Біографія Нагаева издана была еще въ 1831 году, «Жизнеописаніе адмирала А. И. Нагаева», Спб.

ніи міра и онаго бытіи, ихъ времяночисленіе и проч., соч. г. д'Оссона, ч. I-я, Спб., 1795, in 4 [1]). Другіе переводы Веревкина оставшіеся неизданными, съ *французскаго*: а) Форватеры, мели, надводные и подводные камни, буруны, якорныя мѣста, приливы и отливы морскіе, на всей поверхности земной; б) Тимонъ-нелюдимъ, комедія [2]); в) Законы французской полиціи, дѣйствовавшіе до нынѣшняго сумасброднаго въ сей землѣ времени, 3 ч.; г) Изъ энциклопедіи надлежащее до мореплаванія; д) Искусство повѣрять лѣтосчисленіе, ч. I; е) Флеріевой церковной исторіи т. I, — и съ *нѣмецкаго:* Универсальная исторія.

Но кромѣ переводовъ, Веревкинъ издалъ и нѣсколько оригинальныхъ произведеній. Особенно заслуживаютъ вниманія его драматическія произведенія, хотя не отличающіяся правильнымъ и выдержаннымъ во всѣхъ подробностяхъ ходомъ дѣйствія, тѣмъ не менѣе замѣчательныя по бойкости и живости языка, доказывающаго особую наблюдательность въ авторѣ. Можно предполагать, что и на поприще драматическаго писателя Веревкинъ выступилъ, если не по вызову императрицы, то изъ угожденія и подражанія ей. Мы знаемъ, что Екатерина II сама писала комедіи, оперы и историческія представленія „въ подражаніе Шекспиру“ (хотя Шекспировскаго въ нихъ не много), находила подобные труды усладительными, и даже, въ этомъ убѣжденіи, уговорила княгиню Дашкову, въ видѣ развлеченія отъ огорченій, написать комедію, которая и явилась на сценѣ Эрмитажнаго театра подъ названіемъ „То-и-сіоковъ или человѣкъ безхарактерный“. Другіе царедворцы также упражнялись въ драматургіи. Первая изъ комедій Веревкина, подъ названіемъ „Такъ и должно“, явилась въ печати въ 1773 году и была многократно играна на театрахъ; въ 1774 году напечатана была другая его комедія „Имянинники“; затѣмъ въ 1776 году написаны были имъ піесы: „Астрея“ и „На нашей улицѣ праздникъ“, — изъ которыхъ первая была разыграна при открытіи Новгородскаго намѣстничества, а вторая — при открытіи Тверскаго намѣстничества; затѣмъ, въ 1785 году напечатана его комедія „Точь въ точь“, въ которой, по сохранившимся свѣдѣ-

---

[1]) Оригиналъ этого сочиненія состоитъ изъ двухъ частей. Надобно полагать, что переводъ остался недоконченнымъ, за смертью Веревкина.

[2]) У *Сопикова*, Опытъ Росс. библіографіи, т. III, № 5647, показано: «Тимонъ-нелюдимъ, въ 3-хъ дѣйств., г. Аленваля, съ франц., Спб. 1773, въ 8°». Не это ли переводъ Веревкина?

піямъ, были осмѣяны нѣкоторыя изъ тогдашнихъ извѣстныхъ особъ: не смотря на то, эта піеса была играна нѣсколько разъ на Эрмитажномъ театрѣ, и даже въ присутствіи тѣхъ, на кого она была написана. Почти всѣ его драматическія произведенія вошли въ „Россійскій ѳеатръ“, изданіе, заключающее въ себѣ піесы, дававшіяся на эрмитажномъ театрѣ [1]). Изъ другихъ оригинальныхъ произведеній Веревкина извѣстно „Описаніе Екатерининскихъ водъ въ Астраханской губерніи, между города Царицына и селенія евангелическаго братства Сарепты, собранное на мѣстѣ“ (Москва, 1780, in 8). Сверхъ того, много мелкихъ статей помѣщено было имъ въ разныхъ періодическихъ (гебдомадерныхъ) изданіяхъ. Извѣстно также, что онъ сообщилъ Голикову разные анекдоты о Петрѣ Великомъ.

Полное собраніе всѣхъ оригинальныхъ и переводныхъ трудовъ Веревкина составитъ около 150 томовъ [2]).—Это лучше всего свидѣ-

---

[1]) Россійскій ѳеатръ, т. XIX, XXI, XXVII, XXXIII. *Кн. Вяземскаго*, Фонъ-Визинъ, стр. 194—200. *Моск. Телегр.* 1827, XIV, отд. 2, стр. 90.

[2]) *Москвитянинъ* 1842, VI, 400—402. Въ бумагахъ Веревкина найдена была слѣдующая записка о литературныхъ его трудахъ.

Имена книгъ, переведенныхъ мною:

Переводы до 1762 года.

1. Форватеры, мели, надводные и подводные камни, буруны, якорныя мѣста, приливы и отливы морскіе на всей поверхности земной, съ дедикаціею Адмиралтейской коллегіи, съ французскаго, въ двухъ экземплярахъ.
2. Универсальная исторія, съ нѣмецкаго: рукопись въ библіотекѣ покойнаго адмирала Нагаева, въ 6.
3. Комедія: Тимонъ-Нелюдимъ, съ французскаго.
4. Сказаніе о мореплаваніи, съ французскаго, въ 2-хъ.
5. Жизнь Алексѣя Ивановича Нагаева.
6. Множество мелкихъ сочиненій разныхъ родовъ, въ стихахъ и прозѣ, 17.

Переводы съ 763-го до 792-го.

7. Законы французской полиціи, дѣйствовавшіе до нынѣшняго сумасброднаго въ сей землѣ времени; съ французскаго въ 3-хъ томахъ; приписаны бывшему генералъ-полицеймейстеру Николаю Ивановичу Чичерину.

Сочиненія:

8. Комедія: Такъ и должно.
9. » Имянинники.
10. » Точь въ точь.
11. » На нашей улицѣ праздникъ, — пословица, представленная въ Твери, при открытіи Тверскаго намѣстничества.

тельствуетъ о необыкновенномъ трудолюбіи Веревкина и легкости, съ какою переводилъ онъ книги. Это дало ему особую литературную извѣстность и онъ, въ 1782 году, былъ избранъ въ члены-корреспонденты Императорской Академіи наукъ, а въ 1785 возведенъ въ званіе дѣйствительнаго члена. Конечно, литературныя занятія въ нѣко-

12. Астрея, комедія, представленная въ Новѣ Городѣ при открытіи намѣстничества Новогородскаго.

Переводы:

13. Сюлліевы записки, съ французскаго, въ 10 т.
14. Китайскія записки, съ французскаго, въ 6.
15. Исторія о странствіяхъ, съ французскаго, въ 22.
16. Исторія Англинская, съ французскаго, въ 3.
17. Исторія Турецкая, съ французскаго, въ 4.
18. Изъ Энциклопедіи надлежащее до мореплаванія.

Сочиненія:

19. Жизнь Михаила Васильевича Ломоносова, предъ новѣйшимъ изданіемъ его сочиненій, напечатанныхъ въ типографіи С.-Петербургской Академіи Наукъ *).
20. Описаніе Екатерининскихъ водъ близь Сарепты.

Сочиненія въ стихахъ:

21. Эпистола къ преосвященному Платону, что нынѣ митрополитъ въ Москвѣ, подъ названіемъ *Христіанинъ*, въ стихахъ.
22. Помянникъ въ стихахъ.

Переводы:

23. Жизнь Кунфуціева, съ французскаго.
24. Словарь географической, въ 5.
25. Наставникъ, съ нѣмецкаго, въ 12.
26. Искусство повѣрять лѣтосчисленія, первый томъ съ французскаго.
27. Флеріевой церковной исторіи первый томъ, съ французскаго.
28. Въ разныхъ гебдомадерныхъ сочиненіяхъ, особенныхъ переводами и сочиненіями 37.
29. Нынѣ печатается въ академической типографіи первый томъ полныя картины Оттоманской имперіи.

И того всего тридцать одно сочиненіе; частьми же или особыми экземплярами считая 143 книги.

Имъ же переведены: Начальныя основанія французской исторіи отъ Кловиса до Людовика четвертагонадесять, сочиненныя аббатомъ Миллотомъ, членомъ фран-

*) Эта біографія, если не ошибаемся, была первымъ наиболѣе подробнымъ жизнеописаніемъ знаменитаго ученаго; но, сколько извѣстно, не есть оригинальное произведеніе Веревкина, а переведена съ нѣмецкаго языка, на которомъ написана академикомъ Штелинымъ, по порученію княгини Дашковой. „Новѣйшее“ изданіе сочиненій Ломоносова, при которомъ напечатана эта біографія, вышло подъ редакціею О. П. Козодавлева въ 1784—87. *Пекарскаго*, Исторія Академіи Наукъ, т. I, 560 и сл.; II, 258 и сл.

торомъ смыслѣ были для Веревкина занятіями служебными, такъ какъ онъ и состоялъ при кабинетѣ собственно для перевода книгъ съ иностранныхъ на россійскій языкъ, и по собственному его выраженію, самое „состояніе его большею частію почило на сей опорѣ“; тѣмъ не менѣе нельзя не сказать, что Веревкинъ занимался своимъ дѣломъ усердно и съ любовію. Труды его, однако, кажется, не всегда вполнѣ вознаграждались: по крайней мѣрѣ сохранились извѣстія о разныхъ запутанныхъ счетахъ по распродажѣ изданныхъ имъ книгъ, при чемъ дѣло, какъ видно, восходило на разсмотрѣніе самой императрицы [1]).

Въ концѣ 1782 г. Веревкинъ передалъ одному купеческому прикащику, ѣхавшему въ Кяхту, три короба книгъ, на 701 руб., для доставленія въ Тобольскъ, гдѣ обѣщали ихъ распродать или вымѣнять на сибирскіе товары. Не получая никакого извѣстія въ теченіе четырехъ лѣтъ, Веревкинъ просилъ московскаго главнокомандующаго П. Д. Еропкина узнать офиціальнымъ порядкомъ, гдѣ находятся посланныя книги. Тобольское намѣстническое правленіе увѣдомило, что книги въ свое время были доставлены Тобольскому намѣстнику генералъ-маіору Осипову, который послѣ переведенъ въ Тверь. Еропкинъ отнесся тогда къ Осипову и не получивъ отъ него отвѣта, обратился съ запросомъ къ генералъ-губернатору Новгородскому и Тверскому Н. П. Архарову, который отвѣчалъ, что Осиповъ отозвался, будто онъ писалъ

цузской академіи, изданіе четвертое, напечатано въ С.-Пб. въ 3 частяхъ въ 8, 1788 года, съ перевода учиненнаго въ 1787 году; въ I ч. 480; во II—532, а въ III—548 страницъ.

Довольно странно, что въ этой запискѣ Веревкинъ не именуетъ перевода «Алкорана» напечатаннаго въ 1790 году. Извѣстна также въ рукописи его «рѣчь на всерадостный день тезоименитства Ея Императорскаго Величества всепресвѣтлѣйшія, державнѣйшія, Великія Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссійскія, говоренная при публичномъ собраніи въ Московскомъ императорскомъ университетѣ того университета ассессоромъ Михаиломъ Веревкинымъ сентября 6-го дня 1756 года». У *Шевырева* въ его исторіи Московскаго университета (стр. 577) эта рѣчь, а также рѣчь директора Аргамакова и еще чья-то ода отнесены къ 1755 г., но ошибочно: вопервыхъ положительно извѣстно, что Веревкинъ назначенъ ассессоромъ лишь въ маѣ мѣсяцѣ 1756 г., а вовторыхъ у самого Шевырева нигдѣ не говорится, что въ 1755 г. праздновалось 5-е сентября, тогда какъ о праздникѣ 1756 года упоминается (сравн. стр. 20 и 25). Прибавимъ еще: кажется, подъ именемъ «Помянника въ стихахъ» должно разумѣть «Эпистолу», о которой было говорено выше.

[1]) *Русскій Архивъ* 1864 г., стр. 901—903.

Еропкину объ этихъ книгахъ, тогда какъ Еропкинъ никакого письма не получалъ.—Тогда Веревкинъ подалъ просьбу на высочайшее имя. Императрица, 5-го іюня 1788 г., поручила Архарову потребовать отъ Осипова объясненія „и буде прошеніе Веревкина справедливо, возвратить ему требованное скорѣе". Осиповъ донесъ Архарову, что книги находятся въ Твери, и при этомъ говорилъ, что Веревкинъ, проѣзжая неоднократно черезъ Тверь, никогда не обращался къ нему лично за разъясненіемъ этого дѣла, потому что „г. Веревкинъ, яко человѣкъ, обременившій себя долгами, подъ предлогомъ будто бы не можетъ домочься ему принадлежащаго, ищетъ повода отдалять платежъ денегъ и дерзновеннаго предлога обременять Ея Императорскаго Величества особу въ такомъ дѣлѣ, въ коемъ удовлетвориться зависитъ отъ собственной его воли".

Веревкинъ, живя въ деревнѣ, наблюдать за изданіями лично не могъ. По старымъ своимъ отношеніямъ къ Московскому университету, къ Хераскову и Мелиссино, онъ печаталъ прежде свои книги въ Москвѣ; въ послѣднее же время книги его издавались уже въ С.-Петербургѣ. Приведемъ здѣсь одно письмо Веревкина, касающееся изданія „Всеобщаго повѣствованія о путешествіяхъ". Оно писано 22-го іюня 1777 года изъ Новгорода, гдѣ въ ту пору Веревкинъ служилъ совѣтникомъ намѣстническаго правленія, и адресовано къ извѣстному автору „Елисея" и другихъ поэмъ, В. И. Майкову, который, какъ видно, состоялъ въ короткихъ связяхъ съ Веревкинымъ и, живя въ Москвѣ принималъ на себя обязанность наблюдать за изданіемъ „Всеобщаго повѣствованія". Веревкинъ пишетъ:

„Милостивый Государь мой Василей Ивановичъ.

„Извѣстился я, что вы въ деревню отъѣхать изволили, то не знаю, не остановилися ли, по милости вашей, подъемлемые труды къ вѣчному меня обязанію, а состояніе мое большею частью почіетъ на сей опорѣ. И такъ усердно васъ милостивца и благодѣтеля моего прошу, снестися хотя письменно съ давнимъ моимъ благотворителемъ Иваномъ Ивановичемъ Мелисиною, объ установленіи мѣръ къ непрерывному печатанію моихъ переводовъ. Начавъ меня должить, простряйтеся во ономъ, и вѣрьте, что я не умру не доказавъ вамъ самое жаркое чувствіе моей благодарности, и остаюсь на всѣ мои дни

Милостивой Государь мой

усерднѣйшимъ вашимъ слугою

Михаилъ Веревкинъ.

P. S. Сотруднику вашему въ подвигахъ Парнасса усердно кланяюсь, и несказанно благодарю его за неоставленіе меня и прямую дружбу Николая Андреевича Римскаго-Корсакова, роднаго его дяди, съ которымъ я живу здѣсь душа въ душу".

Упоминаемый въ этомъ post-scriptum Н. А. Римскій-Корсаковъ съ своей стороны приписалъ собственноручно:

„Пріемля участіе въ одолженіи вашемъ, милостивый государь Василій Ивановичъ, племянника моего,—изображаю чрезъ сіе чувствительную благодарность. А васъ, любезный другъ Егоръ Богдановичъ, усердно прошу продолжать корректуру къ напечатанію переводовъ Михаила Ивановича; сіе послужитъ къ собственному вашему и прямо любящаго васъ удовольствію Николая Р. Корсака [1]).

Присоединимъ теперь свѣдѣнія о служебной дѣятельности Веревкина, извлекая ихъ изъ всеподданнѣйшаго доклада правительствующаго сената о награжденіи Веревкина чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника [2]). Во время возмущенія Пугачевскаго Веревкинъ, какъ сказано въ этомъ докладѣ „самопроизвольно по усердію къ службѣ былъ при генералѣ Бибиковѣ и при графѣ Панинѣ: при послѣднемъ употребленъ въ директоры походной канцеляріи, гдѣ не только должность исправлялъ великимъ трудомъ, вѣрностью и искусствомъ, но и употреблялся въ опасные проѣзды, о чемъ онъ графъ Панинъ засвидѣтельствовалъ, просилъ о воздаяніи за оное". Какія

[1]) Письмо это обязательно сообщено намъ Л. Н. Майковымъ, правнукомъ В. И. Майкова. Считаемъ не лишнимъ присоединить здѣсь нѣсколько свѣдѣній о Николаѣ Андреевичѣ и Егорѣ Богдановичѣ, упоминаемыхъ въ этомъ письмѣ. Н. А. Римскій-Корсаковъ въ 1777 году служилъ также въ Новгородѣ. Онъ былъ родной дядя Римскаго-Корсакова (род. 1753, ум. 1840), извѣстнаго генерала, командовавшаго отдѣльнымъ корпусомъ на Рейнѣ въ Итальянскую войну 1798—1799 гг. Что касается Егора Богдановича, то это тотъ «маіоръ Юрій Богдановичъ Бибиковъ», которому В. И. Майковъ писалъ стихи:

Тобою, Бибиковъ, намъ вѣсть привезена,
Что сила Агарянъ Россійской попрана, и проч.

(*Трутень*, 1769 г. сентября 22; по изданію 1865 г. стр. 134) и который позднѣе, въ чинѣ полковника, въ 1774 г. отличался разбитіемъ пугачевщины около Мензелинска. Римскому-Корсакову приходился онъ племянникомъ, потому что мать его была родная сестра Николая Андреевича. Веревкинъ называетъ Бибикова «сотрудникомъ въ подвигахъ Парнасса», но имя его неизвѣстно въ литературѣ и, вѣроятно, все его литературное сотрудничество ограничивалось держаніемъ корректуры.

[2]) *Москвитянинъ* 1842, VI, 398—400.

послѣдствія имѣло это представленіе Панина, изъ доклада не видно. Замѣчательно также и то, что ни въ дошедшихъ до насъ запискахъ о жизни А. И. Бибикова, ни въ запискахъ Г. Р. Державина, также состоявшаго при Бибиковѣ и Панинѣ, нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія о Веревкинѣ, хотя Державинъ и зналъ его. Вообще изъ доселѣ обнародованныхъ документовъ о Пугачевщинѣ весьма мало видно, въ чемъ состояла дѣятельность Веревкина въ эту замѣчательную эпоху, куда и для чего „употреблялся онъ въ опасные проѣзды“. Изъ одного письма П. И. Рычкова къ Миллеру видно, что Веревкинъ, по приказанію Панина, „составлялъ генеральное обо всемъ бунтѣ (Пугачевскомъ) описаніе“ и пользовался матеріалами Рычкова [1]). Можно также предполагать, что именно въ эту пору Веревкинъ посѣтилъ Сарепту и тамъ „собралъ на мѣстѣ“ свѣдѣнія о минеральныхъ Екатерининскихъ водахъ. Что Веревкинъ видѣлъ близко вліяніе Пугачевщины, внимательно всмотрѣлся въ настроеніе умовъ того времени,—это выразилось въ одной изъ его комедій („Имянинники“), въ которой главною пружиною введенъ ужасъ, охватившій всѣ классы общества, вслѣдствіе появленія самозванца.—Въ упомянутомъ сенатскомъ докладѣ сказано также, что Веревкинъ „находился при коммиссіи усмиренія бывшаго возмущенія“; а въ краткой біографіи Веревкина, написанной Д. И. Языковымъ, говорится, что „Панинъ поручилъ ему деньги, которыя правительство назначило для раздачи пострадавшимъ отъ бунта“ [2]). Еще мы знаемъ, что Веревкинъ же производилъ слѣдствіе о малодушныхъ дѣйствіяхъ Нижнеломовскаго воеводы и его товарища противъ самозванца [3]).

Въ концѣ 1775 года, по имянному указу, Веревкинъ вновь опредѣленъ къ дѣламъ и съ января 1776 г. былъ назначенъ „въ учрежденный при Новгородской губернской канцеляріи для рѣшенія старыхъ дѣлъ департаментъ членомъ; въ октябрѣ того же года переведенъ въ Тверское намѣстническое правленіе совѣтникомъ, а въ январѣ 1777 г. на такую же должность перемѣщенъ въ Новгородъ; за тѣмъ въ слѣдующемъ году опять переведенъ въ Тверь уже предсѣдателемъ палаты гражданскаго суда; въ этомъ званіи онъ получилъ чинъ статскаго совѣтника, а 2-го мая 1781 г. отъ должности уволенъ за болѣзнію, впредь до выздоровленія. Спустя четыре года Ве-

[1]) *П. П. Пекарскій,* Жизнь и переписка П. И. Рычкова, стр. 148.
[2]) Энц. Лекс. IX, 455.
[3]) *Русск. Архивъ* 1865, стр. 920.

ревкинъ обратился въ сенатъ съ просьбою о совершенной отставкѣ, такъ какъ „четырехъ-лѣтнее леченіе и спокойная сельская жизнь не могли возстановить силы его“.—Правительствующій сенатъ, снисходя на таковую просьбу, въ награжденіе Веревкина „за долговременную, безпорочную и усердную службу“ исходатайствовалъ о производствѣ его въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, тѣмъ болѣе, что онъ „пропитаніемъ съ семействомъ его изъ милосердія Ея Императорскаго Величества избыточно призрѣнъ всемилостивѣйше пожалованнымъ пенсіономъ“.

По увольненіи въ отставку, Веревкинъ жилъ преимущественно въ своемъ любимомъ Михалевѣ, именемъ котораго отмѣчены многіе изъ его переводовъ. Здѣсь онъ и умеръ 19-го марта 1795 года.

III.

Возвратимся назадъ, къ тому времени, когда открывались въ Казани гимназіи.

Для предварительныхъ распоряженій, а особенно для пріисканія приличнаго подъ гимназію помѣщенія отправленъ былъ туда Московскимъ университетомъ капитанъ фонъ-Траубенталь, бывшій учителемъ при университетской гимназіи [1]). О личности его мы знаемъ только то, что онъ, „гордясь своимъ военнымъ рангомъ“, никакъ не хотѣлъ подчиняться ректору гимназіи Шадену, который, впрочемъ, и самъ пылкимъ своимъ характеромъ раздражалъ самолюбіе многихъ своихъ подчиненныхъ. Директоръ университета, миролюбивый Мелиссино, какъ ни старался уладить эти распри, сдѣлать ничего не могъ и вынужденъ былъ донести о томъ Шувалову. На рапортъ его Шуваловъ отвѣчалъ: „Учители Михельсонъ, Траубенталь, Чернавскій, также Менвильеръ и Буле, не хотятъ быть въ вѣдѣніи ректорскомъ, первые, сказывая за резонъ, что офицеры; но когда они пошли на такую должность, которая имъ должна быть извѣстна, то имъ надобно было то предусмотрѣть и осторожность принять въ своихъ обязательствахъ, а шли просто въ учители,—такъ ихъ и вести было должно: намъ надобна способность для ученія, а не ранги. Менвильеръ и Буле еще того менѣе имѣютъ причины; но чтобы не сдѣлать неспокойства, отдаю сіе на волю вашу: только жаль, что впредь другимъ

[1]) Инструкція, данная фонъ-Траубенталю, при отправленіи въ Казань, напечатана вполнѣ въ «Историч. Запискѣ о 1-й Казанской гимназіи» г. *Владимірова*, I, 20.

примѣръ быть можетъ“ [1]). Неизвѣстно, какъ Мелиссино уладилъ это дѣло; однако надобно полагать, что онъ воспользовался первымъ благовиднымъ случаемъ къ удаленію такого самолюбиваго и строптиваго подчиненнаго, какъ Траубенталь.

Казенныхъ домовъ, удобныхъ для помѣщенія гимназій, въ Казани не нашлось; Траубенталь осмотрѣлъ всѣ частные, отдававшіеся въ наемъ; губернская канцелярія въ особенности рекомендовала дома дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кудрявцева и генералъ-маіора Кольцова; но въ выборѣ ихъ онъ, однако, не рѣшилъ ничего.—Кромѣ того, какъ видно, Траубенталь принялъ или зачислилъ въ ученики дворянскихъ дѣтей: маіора Тютчева (2), заводчика Глазова, подполковника Сумарокова, ассесора Левашова, вахтмистра Дурнева, маіора Бутлерова, капитана Аристова, подпоручика Елагина, подпоручика Могутова, капрала Глазова, подполковника Державина (2), капитана Рѣпьева,—всего 14 человѣкъ.

Между тѣмъ 18-го января 1759 года, прибылъ въ Казань самъ Веревкинъ и въ тотъ же день „принялъ надъ гимназіями команду“, хотя на самомъ дѣлѣ гимназіи существовали почти in spe. Немедленно осмотрѣлъ онъ показанные ему отъ Казанской губернской канцеляріи дома и способнѣйшимъ предъ прочими призналъ домъ Кольцова, который 19-го числа и нанялъ, по заключенному въ присутствіи канцеляріи договору, на каждый мѣсяцъ по 15 рублей. Домъ этотъ былъ каменный двухъ-этажный, но почти совершенно заброшенный домохозяевами и продавался за 800 рублей. Въ верхнемъ этажѣ находилось шесть комнатъ и два чулана, которые, безъ большихъ хлопотъ, было возможно обратить въ приличныя комнаты; то же можно было сдѣлать и съ нижнимъ этажемъ, хотя онъ оказывался еще въ большей запущенности. Вообще на поправки и передѣлки требовалось не менѣе 200 рублей,—по тогдашнему времени сумма довольно значительная.

Января 20-го Веревкинъ сдѣлалъ „распоряженіе классовъ и раздѣленіе ихъ между учителями“. Въ чемъ состояло это раздѣленіе,—неизвѣстно; но изъ другихъ бумагъ, относящихся къ самымъ первымъ днямъ открытія гимназіи, усматривается, что каждый учитель долженъ былъ заниматься ежедневно не менѣе четырехъ часовъ. Такъ знакомый намъ капитанъ фонъ-Траубенталь преподавалъ исторію и географію — по понедѣльникамъ и средамъ отъ 1 до 5-ти ча-

[1]) *Шевыревъ*, Ист. Моск. унив., 45.

совъ по полудни, а по вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ отъ 7 до 11-ти по полудни; поручикъ Морозовъ преподавалъ геометрію и фортификацію — по понедѣльникамъ и средамъ отъ 7 до 11-ти по полудни, по вторникамъ же, четвергамъ и пятницамъ отъ 1 до 5-ти часовъ по полудни; въ тѣ же часы и дни преподаваніемъ ариѳметики занимался учитель-студентъ Любинскій; французъ де-Форжъ, „свидѣтельствованный въ званіи своемъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ“ (Léon de Forges, natif de Paris, arrivé depuis 3 mois, a reçu un attestat pour enseigner la langue française et allemande)— занимался ежедневно, кромѣ субботы, отъ 7 до 11-ти часовъ по полудни; учитель-студентъ Моревъ—въ субботу училъ „правописанію и первымъ приступамъ и штилю латинскаго языка“, а въ остальные дни недѣли преподавалъ въ часы, незанятые другими учителями.

Вообще „учрежденіе классовъ и методы ученія“ университетъ „оставлялъ на разсужденіе“ самого Веревкина, рекомендуя ему „учреждать то по совѣту съ нѣкоторыми лучшими учителями, а больше по своему знанію и совѣсти“, а учителямъ объявлялось, что „когда оное такимъ образомъ утверждено будетъ, то они не должны о томъ болѣе разсуждать, а должны повиноваться приказаніямъ командира“ (ордеры университета 26-го мая и 6-го октября 1759 года).

Должно замѣтить, что изъ всѣхъ рапортовъ Веревкина не видно, кто и когда занимался преподаваніемъ правилъ русскаго языка, хотя еще при отправленіи фонъ-Траубенталя поручалось ему „отъ Казанской губернской канцеляріи сыскать способнаго къ тому званію учителя“. Преподаваніе закона Божія началось не ранѣе половины февраля. По крайней мѣрѣ, въ рапортѣ отъ 17-го числа того мѣсяца, Веревкинъ писалъ: „Преосвященный епископъ Гавріилъ Казанскій и Свіяжскій, благодѣтельствуя гимназіямъ, опредѣлилъ, по требованію оныхъ, нарочно для того произведеннаго семинариста въ священники (Григорія Котельницкаго), которому повелѣно безъ всякаго жалованья и отъ однихъ христіанскихъ потребъ по вся воскресенья и праздники, передъ обѣднею за два часа, учить гимназистовъ знанію православнаго христіанскаго закона, а со временемъ и церковной исторіи“ [1]).

Января 21-го совершилось открытіе гимназій, не сопровождавшееся однако какими-либо чрезвычайными особенностями, на что̀ такъ склонны

---

[1]) *Русская Бесѣда*, 1860, № 1, особое приложеніе. — Эта статья наиболѣе послужила намъ для дополненія сдѣланныхъ нами извлеченій изъ дѣлъ.

были въ прошедшемъ столѣтіи. Въ этотъ день, въ 7 часовъ утра, собрались въ домѣ Кольцова какъ „всѣ чины Казанскихъ гимназій“, такъ и всѣ дотолѣ принятые ученики (въ томъ числѣ и Гавріилъ Романовъ Державинъ, сынъ подполковника). Отслужили „молебенъ благодарный о вседражайшемъ ея императорскаго величества здравіи“, за тѣмъ каждому учителю вручена была копія съ „гимназическаго регламента“, а ученикамъ были розданы извлеченія изъ этого регламента, заключавшія въ себѣ „наставленія о должности учащихся“.

Послѣ этого ученики распущены были на три дня.

Ученіе началось съ 25-го января, по выраженію Веревкина въ рапортѣ университету, „въ разсужденіи безполезно получаемаго учителями жалованья и праздности записанныхъ уже учениковъ“. Учениковъ было только 30 человѣкъ, но число ихъ постоянно увеличивалось, такъ что въ половинѣ марта считалось 52, въ концѣ апрѣля 63, а въ первыхъ числахъ мая дошло до 95 человѣкъ. Веревкинъ былъ увѣренъ, что „съ началомъ лѣтняго пути число гимназистовъ знатно умножится“; онъ разчитывалъ на 200 или 300 человѣкъ и предупреждалъ, что „въ учителяхъ будетъ недостатокъ“. Самые первые ученики исключительно были „дѣти благородныхъ родителей“; но послѣ стали являться дѣти разночинцевъ и съ 10-го мая открыта „разночинская гимназія“, въ которой записанъ былъ 31 ученикъ.

Сословное раздѣленіе учащихся признавалось тогда необходимымъ условіемъ, хотя видимо на первомъ планѣ выставлялось возможное распространеніе просвѣщенія. Казанскія гимназіи являлись первымъ опытомъ исполненія очень обширнаго и довольно сложнаго плана, по которому предполагалось во всѣхъ знатныхъ городахъ учредить гимназіи, гдѣ бы обучались нужнымъ европейскимъ языкамъ и первымъ основаніямъ наукъ; а по городамъ малымъ открыть школы для обученія русской грамотѣ, ариѳметикѣ и первымъ основаніямъ другихъ наукъ. Обучавшіеся въ этихъ первоначальныхъ школахъ, для дальнѣйшаго образованія, могли переходить въ гимназіи, а изъ гимназій въ кадетскіе корпуса, университетъ, академіи,—и уже по выходѣ изъ этихъ послѣднихъ заведеній получали право поступать въ дѣйствительную службу. Дѣти дворянъ, не обучавшіяся въ корпусѣ, въ академіи, или въ университетѣ, обязаны были, предъ поступленіемъ въ службу, подвергаться испытаніямъ въ этихъ заведеніяхъ. Этому плану суждено было осуществиться во всей полнотѣ лишь по истеченіи полустолѣтія, когда, по проекту Сперанскаго, даже состоявшіе

уже на службѣ чиновники должны были держать университетскій экзаменъ.

Съ увеличеніемъ числа учениковъ въ гимназіяхъ, представлялась необходимость увеличенія и числа учителей и ощутительнѣе чувствовался недостатокъ въ учебныхъ книгахъ и другихъ пособіяхъ. Должно отдать полную справедливость Веревкину, что онъ чрезвычайно заботливо, можно сказать, настойчиво, старался удовлетворить всѣ нужды ввѣреннаго ему заведенія. Его рапорты и представленія университету исключительно посвящены такимъ предметамъ и во многихъ случаяхъ могутъ послужить матеріаломъ для изображенія экономическаго и нравственнаго состоянія не только гимназій, но и самой Казани, отчасти и всего тамошняго края.

Особенно затруднительно было пріобрѣсти хорошихъ преподавателей и удержать ихъ при гимназіи на продолжительное время. Оклады жалованья были ничтожные, а между тѣмъ въ ту пору въ Казани „не можно было имѣть ниже пансіонеровъ, ни другихъ какихъ-либо акциденцій“; да въ добавокъ къ этому, и самый университетъ слишкомъ экономно ассигновывалъ на содержаніе казанскихъ гимназій суммы, или просто замедлялъ въ высылкѣ денегъ. Такъ изъ одного рапорта (10-го октября 1759 г.) видно, что на жалованье лишь учителямъ и другимъ чинамъ, кромѣ командира, требовалось въ треть по 476 руб. 32 коп., а университетъ высылалъ по 250 рублей. Такими суммами, конечно, невозможно было удовлетворять вполнѣ и учителей, а между тѣмъ требовались „непресѣкаемо текущіе расходы“ по содержанію самыхъ зданій и проч. „Жалованные гимназическіе чины“, писалъ Веревкинъ, „всѣ будучи бѣдные, имѣя почти всѣ самое малое жалованіе, пищенствовать принуждены, а нищета и всегдашній въ необходимыхъ къ сохраненію жизни своей вещахъ недостатокъ не инако, какъ неспособнымъ дѣлаютъ человѣка къ его должности“.

Разсужденія Веревкина вполнѣ справедливы. При такихъ порядкахъ, только нужда заставляла нѣкоторыхъ учителей искать мѣста при гимназіяхъ; на оборотъ, и командиръ гимназій, только по крайней необходимости, принималъ или держалъ учителя не всегда способнаго. Первоначально, напримѣръ, былъ одинъ учитель для французскаго и нѣмецкаго языковъ; но черезъ два мѣсяца по открытіи гимназій, желающихъ учиться этимъ языкамъ явилось столько, что „одного учителя не доставало роздать и прослушать уроки“. Поэтому собственно для преподаванія нѣмецкаго языка принятъ былъ от-

ставной поручикъ голштинской службы Тихъ, съ платою по 60 руб. въ годъ. Вскорѣ затѣмъ и такое раздѣленіе преподаванія оказалось неудовлетворительнымъ: чувствовалась надобность имѣть по два учителя для каждаго языка. Для нѣмецкаго выискался кандидатъ въ самой Казани, унтеръ-офицеръ датской службы голштинецъ Менсенъ, „находившійся при архіерейскомъ домѣ въ нѣкоторой должности“; онъ согласился быть преподавателемъ за 12 рублей въ годъ, лишь бы оставили его „по прежнему продолжать положенное на него въ домѣ архіерейскомъ дѣло“; онъ даже согласился и на то, чтобы за первые три мѣсяца получить жалованье только послѣ одобрительной аттестаціи. Относительно втораго учителя (французскаго языка) Веревкинъ просилъ, чтобъ его назначили „изъ университетскихъ студентовъ“; это ходатайство, однако, кажется, осталось неудовлетвореннымъ и уже долго спустя Веревкинъ пріискалъ „свидѣтельствованнаго въ университетѣ“ Француза Ружа, который, „для крайней его бѣдности“, рѣшался быть учителемъ за 45 р. въ годъ, а между тѣмъ „онъ былъ въ состояніи переводить съ французскаго и нѣмецкаго на русскій, а съ русскаго на оные языки“. Французы, впрочемъ, вообще шли въ большей цѣнѣ, нежели другіе учителя: де-Форжъ, поступившій при самомъ открытіи гимназій, получалъ сначала 100 р. въ годъ, а потомъ ему назначено 150 рублей; Ла-Кассанъ опредѣленъ былъ въ 1760 г. съ производствомъ 120 руб. въ годъ, а прежде того Денвилль находилъ для себя недостаточнымъ и 200 рублей. Что касается учителей языка латинскаго, то они были не дороги: семинаристъ Яковъ Славянскій договорился учить „въ разночинскомъ классѣ“ за 24 рубля въ годъ, при чемъ, подобно голштинцу Менсену, обязался за первые три мѣсяца получить вознагражденіе, „если способнымъ явится“. Однако, онъ не выдержалъ и двухъ мѣсяцевъ; вмѣсто его явились университетскій студентъ Вуколъ Ѳедотовъ и семинаристъ Петръ Тихомировъ, также согласившіеся получать по 2 рубля въ мѣсяцъ.

Затрудненія, происходившія отъ недостатка въ учебныхъ пособіяхъ, были еще значительнѣе. При самомъ открытіи гимназій (въ рапортѣ 28-го января 1759 г.) Веревкинъ доносилъ университету, что предвидится крайняя нужда „въ нѣмецкихъ азбукахъ, въ грамматикахъ трехъ преподаваемыхъ въ гимназіи языковъ, въ лексиконахъ, въ глобусахъ, атласѣ, въ александрійской и полуалександрійской бумагѣ, въ математическихъ инструментахъ“. Черезъ три мѣсяца послѣ того (14-го мая) онъ объяснялъ, что „по шести экземп-

лярамъ нѣмецкой азбуки принуждены учиться больше тридцати человѣкъ; граматикъ же ни на какомъ надобномъ языкѣ не сыскалось, а изъ сего явствуетъ, какую нестерпимую имѣютъ въ томъ нужду гимназіи". Къ сожалѣнію, университетъ и въ этомъ случаѣ, какъ и въ высылкѣ денегъ, выказывалъ скупость или скорѣе дѣйствительно не имѣлъ возможности удовлетворять требованія директора [1]). Только въ концѣ іюля выслалъ онъ 25 экземпляровъ французской граматики, а руководствъ по языкамъ нѣмецкому и латинскому такъ и не явилось въ 1759 году, не смотря на безпрестанныя просьбы. Соображая все это, нельзя не удивляться, какъ гимназіи, съ такими скудными пособіями къ образованію, могли достигать хоть сколько-нибудь положительныхъ успѣховъ въ знаніи языковъ. А между тѣмъ эти успѣхи дѣйствительно были: въ началѣ слѣдующаго учебнаго года (т. е., черезъ 7 мѣсяцевъ по открытіи гимназій) ученики уже занимались переводами пресловутыхъ „Странствованій Телемака", чуть не на цѣлое столѣтіе сдѣлавшихся въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ единственною книгою для упражненій въ переводахъ съ французскаго языка. Въ заботахъ о разширеніи преподаванія въ гимназіяхъ, Веревкинъ (18-го сентября 1759 г.) представлялъ университету слѣдующее: „Разсуждая, что здѣшній городъ есть главной цѣлаго царства, имѣвшаго національный діалектъ, не повелѣно ли будетъ завести при гимназіи классъ татарскаго языка? Со временемъ могутъ на ономъ отыскиваемы быть многіе манускрипты; правдѣ подобно, что оные подадутъ нѣкоторый, можетъ быть и не малый, свѣтъ въ русской исторіи". Мысль эта въ ту пору не встрѣтила сочувствія; однако, она не погибла вовсе: впослѣдствіи предположеніе Веревкина осуществилось и Казанская гимназія постепенно сдѣлалась почти цѣлымъ институтомъ восточныхъ языковъ, потому что въ ней, кромѣ татарскаго, преподавались языки: монгольскій, калмыцкій, турецкій, арабскій, персидскій, армянскій, китайскій, не говоря о двухъ древнихъ и трехъ европейскихъ новыхъ.

Нельзя отрицать, что во всѣхъ хлопотахъ Веревкина значительную роль играло его личное самолюбіе, его желаніе „выказать свое

---

[1]) Университетъ и самъ не очень обезпеченъ былъ въ средствахъ. Жалованіе профессорамъ платилось очень не аккуратно; домъ, гдѣ помѣщенъ былъ университетъ, едва не развалился: однажды стѣна въ латинскомъ классѣ учителя Фризина чувствительно треснула, а какъ начали чинить, то ускорили ея разрушеніе. *Шевыревъ*, Исторія Моск. унив., стр. 46, 62, 63, 126.

усердіе"; но винить его безусловно въ такомъ направленіи едва ли должно. Многое тогда (да и послѣ) дѣлалось на показъ, самое ученіе облекалось тогда въ какой-то вычурный нарядъ, обставлялось особою парадностію, аллегорическими празднествами и проч.; такія приманки отчасти были необходимы, потому что при посредствѣ ихъ масса народа знакомилась хоть съ внѣшностію образованія и мало по малу усвоивала расположеніе къ нему. Далѣе мы разкажемъ, какъ и Веревкинъ прибѣгалъ къ подобнымъ средствамъ; здѣсь же замѣтимъ, что онъ, хоть и не прочь былъ, какъ говорится, блеснуть, пустить пыль въ глаза, тѣмъ не менѣе внимательно слѣдилъ и за дѣйствительными нуждами гимназій. Такъ, замѣтивъ, что „поручикъ Морозовъ, за недовольнымъ знаніемъ русскаго штиля, весьма темно или совсѣмъ не вразумительно задастъ свои письменные уроки, а на самой практикѣ, безъ дальнихъ изъясненій, всякую проблемму наизусть училъ",—Веревкинъ предложилъ преподаваніе геометріи учителю студенту Любинскому, а Морозову оставилъ преподаваніе фортификаціи и рисованья. Еще болѣе доказывается пониманіе Веревкинымъ педагогическаго дѣла тѣмъ, что онъ установилъ еженедѣльно по субботамъ „конвенты" или педагогическія собранія, гдѣ всѣ преподаватели должны были высказывать свои мнѣнія „о добромъ правленіи гимназій": о каждомъ засѣданіи конвента составлялся протоколъ, копія съ котораго препровождалась въ университетъ. Эти конвенты, однако, по ордеру университета отъ 6-го октября 1759 года, были отмѣнены. „Чтобы учители гимназіи—говорилось въ ордерѣ—о случающихся своихъ нуждахъ и о томъ, что они по своей совѣсти къ пользѣ сего учрежденія за благо усмотрятъ, вашему высокоблагородію (т. е., Веревкину), представляли,—то само въ себѣ изрядно и нужно; но чтобъ то „конвентомъ" или, какъ г. капитанъ Траубенталь именуетъ „конференціею" было отправляемо, то должно отъ высшаго мѣста подтверждено быть; и такъ, если потребно будетъ, чтобъ такой конвентъ или конференція въ Казани учреждена была, то казанская гимназія должна о томъ надлежащимъ образомъ представить и на то ожидать апробаціи отъ его высокопревосходительства г. куратора".

Обращая вниманіе университета на жалкое состояніе учителей, Веревкинъ вмѣстѣ съ этимъ старался улучшить положеніе учениковъ разночинской гимназіи, изъ которыхъ весьма многіе находились въ крайней бѣдности. „Записавшіяся въ гимназію солдатскія дѣти (представлялъ онъ въ рапортѣ 7-го мая 1759 г.), за крайнею бѣд-

ностью, въ рубищахъ въ классы свои приходятъ, а по выходѣ изъ оныхъ многія милостиною питаются, и въ избѣжаніе того не благоволитъ ли Императорскій Московскій университетъ представить къ его высокопревосходительству куратору, о дачѣ имъ изъ единаго милосердія провіанта, квартиръ и одежды, что̀ все не больше учинитъ шести рублевъ въ годъ на каждаго". Ходатайство его было уважено и университетъ разрѣшилъ „производить жалованье по 6 рублей" двадцати ученикамъ. Но Веревкинъ, однако, и послѣ этого домогался, чтобы вспоможеніе отъ казны распространено было на всѣхъ учениковъ-разночинцевъ: въ этихъ видахъ онъ даже просилъ разрѣшенія выдавать каждому изъ нихъ только по три рубля въ годъ, а тѣмъ, которые отличатъ себя прилежностью и успѣхами, умножить эту сумму до повелѣнныхъ шести рублей [1]).

Всѣ эти предположенія и ходатайства Веревкина убѣдительно доказываютъ, что онъ, если и „не забывалъ себя", если и имѣлъ, при этомъ, какіе-либо личные интересы, какъ впослѣдствіи старались доказать доносчики, то все-таки въ сущности его стремленій лежало желаніе принести дѣйствительную пользу заведенію, которое ввѣрено было его управленію, и обществу, въ которое поставленъ былъ онъ такими обстоятельствами. Мы вовсе не беремъ на себя роли адвоката Веревкина, а стараемся, по возможности, изъ отрывочныхъ свѣдѣній, заключающихся въ официальной его перепискѣ, обрисовать его личность и его въ высшей степени интересную дѣятельность. По крайней мѣрѣ, намъ кажется, что Веревкинъ въ своемъ званіи командира гимназій видѣлъ болѣе обширное назначеніе, призваніе быть не только „питателемъ науками" дѣтей, но и водворителемъ и распространителемъ цивилизаціи и здравыхъ понятій между отцами. Въ такомъ смыслѣ мы принимаемъ представленіе Веревкина о высылкѣ въ гимназію 20 экземпляровъ „Московскихъ Вѣдомостей" и нѣсколькихъ экземпляровъ иностранныхъ вѣдомостей, мотивированное тѣмъ соображеніемъ, что въ обществѣ необходимо распространить болѣе правильныя политическія и литературныя свѣдѣнія: „охотниковъ бы, конечно, было покупать"—говорилъ онъ. Ожиданія

[1]) Чтобы судить о томъ, какое значеніе экономическое могли имѣть оклады учителей и стипендіи ученикамъ, приводимъ существовавшія тогда въ Казани цѣны: хлѣба четверть продавалась по 60 коп., сажень дровъ 35 — 45 коп., плотъ березовыхъ дровъ 2 руб. 15 коп., сотня кирпичей съ доставкою на мѣсто 25 коп., лошадь рабочая 7 руб. 50 коп., куль овса 35 коп. и пр. *Рыбушкина* Ист. краткая города Казани, I, 113.

эти не сбылись: университетъ выслалъ только 10 экземпляровъ „Московскихъ Вѣдомостей“, однако и изъ этого количества разошлись только три (одинъ былъ взятъ самою гимназіею, другой казанскимъ архіереемъ и третій бригадиромъ Моткинымъ), остальные семь „остались безъ дѣйствія“; впрочемъ, мѣсяца черезъ три, Веревкинъ успѣлъ еще сбыть два экземпляра. Такое же значеніе придаемъ мы и предположенію Веревкина, что „не безъ большой пользы и то будетъ, когда если танцъ- и фейхтъ-мейстеры пришлются“ (5-го августа 1759 г.). Очевидно, онъ хотѣлъ всѣми возможными средствами водворить въ краѣ „политичное обращеніе“.

Нужно ко всему этому присоединить, что Веревкину приходилось на первыхъ порахъ бороться и съ препятствіями, поставлявшимися на основаніи буквы закона. Въ сенатскомъ указѣ объ учрежденіи гимназіи въ Казани предписывалось губернской канцеляріи: „и что принадлежать будетъ до учрежденія означенной гимназіи, въ томъ, по требованіямъ реченнаго университета, чинить должное вспоможеніе, по обстоятельствамъ, безъ упущенія времени“. Основываясь на этомъ, губернская канцелярія первоначально оказала всякое содѣйствіе капитану Траубенталю и ассесору Веревкину, и даже, безъ всякаго требованія съ ихъ стороны, отвела имъ и учителямъ казенныя квартиры, а для охраны гимназіи назначила казенный караулъ изъ 6-ти рядовыхъ при одномъ капралѣ. Черезъ нѣсколько времени государственная военная коллегія нашла такія распоряженія неправильными и излишними. Вслѣдствіе сего тогдашній казанскій вице-губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ князь Василій Борисовичъ Тенишевъ чрезъ полиціймейстера потребовалъ, чтобъ командиръ и прочіе чины гимназіи очистили казенныя квартиры и отмѣнилъ назначеніе караула въ гимназію. Веревкина сильно смутило такое неожиданное и непріятное обстоятельство: онъ поспѣшилъ нанять 6 человѣкъ сторожей, съ платою каждому по 8 рублей въ годъ, гимназическимъ же чинамъ предписалъ „остаться на квартирахъ по прежнему, развѣ насиліе какое-либо съ ними отъ полиціймейстера употреблено будетъ, въ такомъ случаѣ имѣютъ они безъ сопротивленія выйтить и скитаться безъ пристанища“. Донося объ этомъ случаѣ и о своихъ распоряженіяхъ 4-го іюня 1759 года, Веревкинъ, можно сказать, умолялъ университетъ оказать гимназіи возможную защиту и покровительство: „если Императорскій Московскій университетъ не защититъ новонасажденную свою отрасль, то въ какое чрезъ то она придетъ презрѣніе въ самомъ своемъ началѣ; приняв-

шіе должности учащихъ почти при вступленіи своемъ какихъ выгодъ впредь ожидать имѣютъ; чрезъ то и довольно уже собравшееся здѣсь юношество не инако, какъ препятствій въ ученіи своемъ найтить можетъ". Дѣло это, надобно полагать, произвело впечатлѣніе на университетъ, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ еще не задолго до того жаловался куратору на неопредѣленность своихъ отношеній къ разнымъ присутственнымъ мѣстамъ и правительственнымъ учрежденіямъ, отъ чего приводилось терпѣть „презрѣніе и великую въ дѣлахъ остановку" [1]). Впрочемъ, вся эта исторія кончилась къ удовольствію Веревкина и, какъ объяснилось впослѣдствіи, произошла она болѣе по недоумѣнію, или по излишней ревности казанскихъ властей. Военная коллегія нашла неправильнымъ только назначеніе особыхъ карауловъ въ гимназіи, а о квартирахъ не было и рѣчи. Князь Тенишевъ, вслѣдствіе письма къ нему отъ куратора университета, обѣщалъ оставить квартиры за учителями „и ассесора (то-есть, Веревкина) изъ данной ему отъ казанской губернской канцеляріи не выгонять больше"; мало того, онъ даже вновь сталъ присылать въ гимназію и караулъ, „только изъ отставныхъ солдатъ и безъ оружія".

Въ такихъ обстоятельствахъ находилась Казанская гимназія, когда истекло первое полугодіе ея существованія. Въ 20-хъ числахъ іюня произведены были экзамены, а 28-го числа совершился публичный актъ, послѣ котораго ученики распущены были на лѣтнюю вакацію по 1-е августа.

Актъ, какъ водится, происходилъ съ обычною торжественностію. По собраніи всѣхъ гимназическихъ чиновъ въ гимназіи, прибылъ преосвященный епископъ съ знатными духовными, вице-губернаторъ и всѣ находившіеся въ Казани разныхъ командъ офицеры и дворянство. Учитель геометріи, студентъ Любинскій, открылъ актъ латинскою рѣчью „о пользѣ наукъ вообще". За тѣмъ восемь особливую прилежность оказавшихъ учениковъ краткими же рѣчами на французскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ и русскомъ языкахъ, по двое, говорили „о нуждѣ, чтобы знать учимое ими". Послѣ того учитель латинскаго языка, студентъ Моревъ, произнесъ на русскомъ языкѣ привѣтственную рѣчь собранію. Въ заключеніе всего гимназическій священникъ въ приходской церкви отпѣлъ молебенъ о вседражайшемъ здравіи прещедрой матери отечества Россійскаго всемилостивѣйшей государыни императрицы и напутствовалъ гимнази-

[1]) *Шевыревъ*, Ист. Моск. Универс., 39—41.

стовъ краткимъ увѣщаніемъ, въ какихъ упражненіяхъ должны они препроводить вакацію.

„Не можно того не донесть Императорскому Московскому университету“, писалъ послѣ этого Веревкинъ, „какимъ видпымъ удовольствіемъ наслаждались бывшіе въ семъ собраніи не только родители и свойственники говорившихъ учениковъ, но посторонніе радостно проливали слезы“. Болѣе всѣхъ выразилъ свое сочувствіе къ гимназіи тогдашній казанскій архіерей Гавріилъ Кременецкій (впослѣдствіи бывшій митрополитомъ кіевскимъ): на другой день послѣ акта онъ прислалъ ученикамъ, говорившимъ рѣчи, по книжкѣ, а въ гимназію доставилъ Библію и латинскій Гофмановъ лексиконъ съ своеручными на нихъ надписями. За такое его „очевидное усердіе къ гимназіямъ“ Веревкинъ просилъ, чтобы ему изъявлено было „благодареніе отъ его высокопревосходительства куратора“. Надобно присовокупить здѣсь, что епископъ еще болѣе выказалъ участія къ гимназіямъ: вскорѣ послѣ этого онъ предложилъ взять принадлежавшее архіерейскому дому мѣсто, лежавшее на самомъ выѣздѣ изъ Казани. Пожертвованіе это, однако, было отклонено, такъ какъ ни директоръ гимназіи, ни университетъ не придумали, какое сдѣлать употребленіе изъ этого мѣста [1]).

Съ 1-го августа опять началось ученіе, и открытіе классовъ также сопровождалось молебномъ и рѣчами. Ученики, успѣвшіе въ каникулярное время „много впередъ въ наукахъ“, представлены были Веревкинымъ къ особой наградѣ. Вслѣдствіе чего, по приказанію куратора, напечатанъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (1759 г. 10 августа, № 64) отчетъ о состояніи гимназіи и происходившихъ въ ней экзаменахъ, при чемъ заявлено: „наиприлежнѣйшими себя оказали и отмѣнную похвалу заслужили: гвардіи капралъ Николай Левашовъ, гвардіи-жъ солдатъ Сергѣй Полянскій и ученикъ Петръ Лазаревъ. Равнымъ образомъ, и нижеписанные еще за свою прилежность, успѣхи и доброе поведеніе, похвалы достойными нашлись, а именно: Василей и Дмитрей Родіоновы, Петръ Нарманской, Гаврила Державинъ, Алексѣй и Петръ Норовы“ [2]). Число всѣхъ учениковъ въ это время простиралось до 120-ти человѣкъ.

---

[1]) Мѣсто это, съ сосѣднею дачею, въ 1840 году пріобрѣтено было для постройки Родіоновскаго института благородныхъ дѣвицъ.

[2]) *Шевыревъ*, Исторія Моск. Универс., 58, 78. Не лишнимъ считаемъ прибавить здѣсь замѣтку объ ученикѣ Нарманскомъ или Нармацкомъ. Отецъ этого

Здѣсь не лишне будетъ привести отзывъ одного изъ аттестованныхъ учениковъ о томъ, какъ шло тогда ученіе въ Казанской гимназіи. Державинъ съ братомъ своимъ, какъ замѣчено было выше, поступилъ въ гимназію въ числѣ первыхъ 14-ти учениковъ, и пробылъ въ ней все то время, когда директорствовалъ Веревкинъ, — слѣдовательно, отзывъ его въ особенности важенъ при разсмотрѣніи этого періода.

„Поелику же въ 1758 году открылась въ Казанѣ гимназія, состоящая подъ главнымъ вѣдомствомъ Московскаго университета“, говоритъ Державинъ въ своихъ Запискахъ, „то и записаны дѣти (то-есть, онъ съ братомъ) въ сіе училище, въ которомъ преподавалось ученіе языкамъ латинскому, французскому, нѣмецкому, ариѳметикѣ, геометріи, танцованію, музыкѣ, рисованію и фехтованію, подъ дирекціею бывшаго тогда ассесоромъ Михайла Ивановича Веревкина; однако же, по недостатку хорошихъ учителей, едва ли съ лучшими прави-

---

ученика, капитанъ Андрей Нарманскій, богатый владѣлецъ села Шурана, на Камѣ, въ Лаишевскомъ уѣздѣ Казанской губерніи (№ 854 Списка населен. мѣстъ Каз. губ.), и другихъ деревень, лежащихъ по рѣчкѣ Мешѣ, былъ одинъ изъ числа представителей дикаго своеволія богачей-крѣпостниковъ «добраго стараго времени». Принадлежавшее ему село Шуранъ и романическія преданія о подвигахъ его владѣльца послужили для Марлинскаго основою его повѣсти «Латникъ». Намъ самимъ, еще въ 1840 годахъ, привелось слышать въ Шуранѣ народныя преданія о Нарманскомъ, какъ онъ облагалъ пошлиною суда, проходившія по Камѣ мимо его дома. Иногда это взиманіе пошлинъ обращалось въ простой грабежъ судовщиковъ. Въ царствованіе императрицы Екатерины II, Нарманскій, по доносу своихъ дворовыхъ людей, былъ осужденъ и сосланъ въ Сибирь, не смотря на всѣ хлопоты и интриги своего пріятеля императрицына камердинера Сахарова, который былъ къ тому же сосѣдъ Нарманскаго по имѣнію: Сахарову принадлежало село Алексѣевское, въ 22-хъ верстахъ отъ Шурана, въ Лаишевскомъ уѣздѣ (№ 855 Списка населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи). Подробности дѣла, по которому былъ осужденъ Нарманскій, не извѣстны. Нѣсколько упоминаній о немъ встрѣчается въ письмахъ императрицы Екатерины къ московскому главнокомандующему кн. М. Н. Волконскому (Осьмнадцатый вѣкъ, кн. I, стр. 78, 84, 93). Нармонскіе, Нармонтскіе и Нармацкіе выводятъ свой родъ отъ нѣкоего Шельба, вышедшаго изъ Италіи къ Александру Невскому; отъ него же пошли Еремѣевы и Мавринны (*Временникъ Моск. Общ. Исторіи*, 1854, XX, смѣсь, 25). Одинъ изъ Нармонтскихъ, Ѳедоръ Кирилловичъ, въ послѣдней четверти XVII столѣтія составилъ лѣтописецъ (напечатанъ во *Временникѣ* 1850, кн. V), преимущественно съ цѣлію мѣстническихъ счетовъ, но не лишенный нѣкоторыхъ любопытныхъ подробностей о событіяхъ въ сѣверо-восточной Россіи, Казани и пр.

лами какъ и прежде [1]). Болѣе-жъ всего старались, чтобъ научить читать, писать и говорить, сколько-нибудь, по граматикѣ, и быть обходительнымъ, заставляя сказывать на каѳедрахъ сочиненныя учителемъ и выученныя наизусть рѣчи; также представлять на театрѣ бывшія тогда въ славѣ Сумарокова трагедіи, танцовать и фехтовать въ торжественныхъ собраніяхъ по случаю экзаменовъ, что̀ сдѣлало питомцевъ хотя въ наукахъ неискусными, однакоже доставило людскость и нѣкоторую розвязь въ обращеніи“ [2]).

Вѣрность этой картины подтверждается и тѣми свѣдѣніями, какія въ настоящей статьѣ извлечены изъ офиціальныхъ документовъ; справедливость сужденія о результатахъ подобнаго преподаванія вполнѣ оправдывается примѣромъ самого Державина: если онъ и вышелъ изъ гимназіи въ наукахъ неискусенъ, то все-таки пріобрѣлъ людскость и нѣкоторую „розвязь“ въ обращеніи. Этому доказательства найдутся въ тѣхъ же запискахъ пѣвца Бога и Фелицы. Мы высказали мнѣніе, что Веревкинъ, быть можетъ, и не добивался большаго отъ своихъ гимназистовъ; но при всемъ томъ едвали кто-нибудь будетъ спорить, что и это, въ сущности весьма поверхностное, образованіе поселяло въ сердцахъ и умахъ питомцевъ убѣжденіе какъ въ пользѣ, такъ и въ необходимости образованія. Тѣмъ-то и была хороша эта система, что она знакомила съ чѣмъ-нибудь и какъ нибудь (то-есть, какъ позволяли средства), пріучала *всѣхъ* къ пріобрѣтенію знаній и возбуждала хоть нѣкоторыхъ къ пріобрѣтенію знаній обширныхъ и основательныхъ.

Съ открытіемъ классовъ въ новомъ полугодіи начались вновь хлопоты Веревкина объ устройствѣ гимназіи, о пріисканіи учителей, о доставкѣ учебныхъ пособій и проч. Между прочимъ, Веревкинъ просилъ снабдить гимназію „стѣнными боевыми часами“, такъ какъ

---

[1]) Фраза эта относится къ преподаванію тѣхъ учителей, у которыхъ Державинъ учился до поступленія въ гимназію. Выше были приведены слова Державина о каторжникѣ Розе, обучавшемъ его съ братомъ нѣмецкому языку. Послѣ того мать «отдала ихъ въ ученіе, за неимѣніемъ лучшихъ учителей ариѳметики и геометріи, сперва гарнизонному школьнику Лебедеву, а потомъ артиллеріи штыкъ-юнкеру Полетаеву; но какъ они и сами въ сихъ наукахъ были мало свѣдущи, ибо какъ Роза нѣмецкому языку училъ безъ граматики, такъ и они ариѳметикѣ и геометріи безъ доказательствъ и правилъ, то и довольствовались въ ариѳметикѣ однѣми первыми пятью частями, а въ геометріи черченію фигуръ, не имѣя понятія, что̀ и для чего надлежитъ».

[2]) Записки *Державина*, стр. 11 (*Русская Бесѣда* 1859 года).

„въ Казани нѣтъ башенныхъ боевыхъ часовъ, отчего въ начатьи классовъ и въ окончаніи ихъ происходитъ безпорядокъ". На эту послѣднюю просьбу отвѣтъ университета послѣдовалъ только въ 1761 году, когда уже и Веревкинъ былъ уволенъ, да и отвѣтъ заключалъ въ себѣ лишь обѣщаніе: „часы для порядочнаго прихода и выхода изъ гимназіи учителей и учениковъ *куплены и присланы будутъ* [1])". Живость характера, опора на протекцію Шувалова, и безъ сомнѣнія прямое желаніе добра ввѣренному заведенію,—вынуждали Веревкина быть особенно настойчивымъ въ своихъ представленіяхъ. Мы знаемъ, что въ періодъ своей службы при университетѣ, Веревкинъ не всегда ладилъ съ другими членами университетской конференціи, — поэтому неудивительно, что нѣкоторыя изъ его ходатайствъ не достигали желаемой цѣли, а иногда просто оставались безъ всякаго отвѣта. Это еще болѣе подстрекало ревниваго къ своей чести директора и онъ началъ проситься въ отпускъ въ Москву, конечно, надѣясь личными объясненіями достигнуть болѣе положительныхъ результатовъ.

Наконецъ, этотъ отпускъ былъ разрѣшенъ съ наступленіемъ зимней вакаціи и Веревкинъ пробылъ въ Москвѣ и Петербургѣ до начала марта 1760 года. Отправляясь въ эту поѣздку, Веревкинъ, такъ сказать, запасся осязательными доказательствами успѣховъ подчиненныхъ ему гимназій. Между прочимъ, приказалъ отличившимся ученикамъ начертить геометрію и скопировать карты Казанской губерніи, украсивъ оныя разными фигурами и ландшафтами, по выраженію Державина, дабы тѣмъ дать блескъ своему старанію о наученіи ввѣреннаго ему благороднаго юношества. Упрекать его за это нельзя; все это обычный порядокъ, искони существовавшій, и, конечно, имѣющій существовать до скончанія вѣка сего: въ человѣкѣ такъ естественно желаніе выказать себя съ лучшей стороны или, по русской поговоркѣ, продать лицомъ свой товаръ! Точно такъ и директоръ университета, отправляясь въ Петербургъ „для исправленія нѣкоторыхъ само-

---

[1]) Ходатайство Веревкина о высылкѣ «стѣнныхъ боевыхъ часовъ» служитъ доказательствомъ, что «боевые часы» на Спасской башнѣ Казанскаго кремля и на нѣкоторыхъ церковныхъ колокольняхъ были устроены въ Казани позже 1759 г. Въ «Краткомъ описаніи царства Казанскаго», составленномъ въ 1739 г. геодезистомъ *Нестриковымъ* (стр. 42,—оттиски изъ оставшагося неизданнымъ 2-го тома «Симбирскаго Сборника»), говорится, что при церкви св. апостоловъ Петра и Павла на воротахъ была церковь св. Козьмы и Демьяна, освященная въ 1708 году, а при ней колокольня «съ боевыми часами». То же самое повторяетъ и *Рычковъ* (Опытъ Казанской исторіи, стр. 180), пользовавшійся Нестриковымъ.

нужнѣйшихъ университетскихъ дѣлъ", взялъ съ собою для представленія куратору лучшихъ студентовъ университета и учениковъ дворянской гимназіи, которые потомъ, „для лучшаго ободренія и поощренія учащагося юношества въ наукахъ", были допущены на куртагъ, удостоились представленія государынѣ и пожалованы чинами и другими наградами [1]). Веревкинъ, конечно, не имѣлъ возможности везти съ собою нѣсколькихъ учениковъ и ограничился представленіемъ разныхъ ихъ работъ. Личныя объясненія его съ высшимъ начальствомъ, какъ видно, имѣли результатъ вполнѣ удовлетворительный. Различныя представленія Веревкина, большею частью, удостоились утвержденія: между прочимъ, тогда же разрѣшено увеличить жалованье преподавателямъ, прилежные и благонравные изъ учениковъ приняты на казенное содержаніе (въ томъ числѣ и сынъ Веревкина, Михаилъ, „для небогатства его, опредѣленъ на жалованье"), другимъ—обѣщано сдѣлать на казенный счетъ мундиры; ученики, трудившіеся надъ геометрическими чертежами и картами, записаны въ службу въ полки лейбъ-гвардіи солдатами (Державинъ въ инженерный корпусъ кондукторомъ),—вслѣдствіе чего и надѣли всѣ принадлежавшіе званью каждаго мундиры [2]). Тогда же и самъ Веревкинъ получилъ новое преимущество: въ видахъ лучшаго управленія дѣлами гимназіи, ему повелѣно быть товарищемъ Казанскаго губернатора, съ сохраненіемъ должности директора.

Всѣ эти награды объявлены были Веревкинымъ на другой день по возвращеніи его въ Казань „и наполнили гимназію радостію и удовольствіемъ: подъ покровомъ добродѣтели и знатности не инако, какъ всему успѣвать съ невѣроятною скоростію должно"—выражается онъ въ своемъ рапортѣ 11-го марта 1760 года.

Черезъ недѣлю послѣ этого, гимназіи были перемѣщены въ губернаторскій домъ, а потомъ и вовсе распущены на цѣлый мѣсяцъ. Поводомъ къ тому были хлопоты директора о постройкѣ особеннаго дома для гимназіи, а еще болѣе приготовленія къ празднеству, которымъ, по распоряженію куратора, предположено было торжествовать

---

[1]) *Шевыревъ*, Ист. Москов. унив., 48 и 49.

[2]) *И. И. Дмитріевъ* въ своихъ запискахъ («Взглядъ на мою жизнь», стр. 63) сообщаетъ, что Державинъ, по собственнымъ его словамъ, обратилъ на себя вниманіе Веревкина «успѣхами въ рисованіи и черченіи плановъ, особенно же портретомъ императрицы Елизаветы, снятымъ простымъ перомъ съ гравированнаго эстампа». Сравн. «Записки *Державина*», стр. 12.

26-е апрѣля, день открытія Московскаго университета. Объ этомъ празднествѣ дошло до насъ слѣдующее подробное донесеніе Веревкина (29-го апрѣля 1760 года):

„Милосердый государь! По приказу вашему, можно сказать, весь городъ Казань обильно трактовалъ. Здѣшней архіепископъ, умножая отъ часу благоволеніе свое къ гимназіямъ, самъ съ великолѣпною ассистенціею началъ торжество служеніемъ молебна за безцѣнное здоровье Всероссійской чадолюбивой и прещедрой матери, въ приходской гимназической церкви. При восклицаніи многолѣтія производилась стрѣльба изъ пушекъ. По молебнѣ, духовные и свѣтскіе чиновные люди, пріобщая къ тому магистратскаго президента съ богатѣйшими купцами, вошли въ аудиторію. Рѣчи были латинскія, французскія, нѣмецкія и русскія. Истинно, милосердый государь, слезы отъ удовольствія многіе проливали. Послѣ рѣчей, всѣ слушатели, безъ изъятія, обѣдали: числомъ ихъ было 117 человѣкъ. Три длинныя линіи изъ столовъ касались между собою одними концами, составляя ими три тупые угла. На отдаленныхъ концахъ поставлены были изображенія частей свѣта, по которымъ распространяются области всемилостивѣйшей нашей самодержицы, Европы, Азіи и Африки (?!), украшенныя террасами и деревьями вокругъ, а въ срединѣ или въ стеченіи столовъ сдѣлана была крутая каменистая и ущелистая гора, съ преузкими и претрудными тропинками къ вершинѣ; сто фигуръ человѣческихъ, имѣя въ рукахъ книги и разные инструменты, по нимъ идутъ; многіе, какъ напримѣръ, искатели философскаго камня и сочинители гороскоповъ, почти при самомъ началѣ пути своего падаютъ, другіе съ четверти и съ половины горы свергаются, премалый счетъ карапкающихся достигаютъ до вершины, которая имѣетъ форму долины, обросшей пальмовымъ лѣсомъ. Аполлонъ, девять сестеръ Парнасскихъ, господа Ломоносовъ и Сумароковъ, повинуются повелѣнію Юпитерову, присланному къ нимъ чрезъ Меркурія, въ одной рукѣ имѣющаго вензелевое имя ея императорскаго величества, а въ другой свою кадюсею, которою даетъ знакъ Парнасскимъ жителямъ, указывая на имя государское, чтобъ, оставя всѣ древніе и новые объекты, достойнѣйшей предъ всѣми превозносили вѣчными похвалами. Меркурій летящимъ внизъ такъ искусно былъ на тонкомъ волоскѣ прилѣпленъ, что я самъ то зная, не могъ волоса видѣть. Послѣ обѣда почти смеркаться стало и для того я гостей моихъ, немного удержавъ, повелъ въ комедію. Представлена была Мольерова піэса: „Школа мужей“. Вотъ, милосердый государь, и въ Тартаріи Мольеръ уже извѣстенъ. Театръ, ей-

Богу, такой, что желать лучше не можно: партеръ, обитый красною каразеею, въ 12 лавкахъ состоявшей, помѣстилъ въ себѣ 400 человѣкъ; въ парадизѣ такая была тѣснота, что смотрители картиною казалися. Актерамъ надавали денегъ столько, что я ихъ теперь въ непостыдное платье одѣть могу. Послѣ комедіи былъ ужинъ, балъ, игра и разговоры о наукахъ. Изъ обѣдавшихъ одинъ преосвященный, за слабостію своею, не ужиналъ".

„Вотъ, милосердый отецъ, первый день. Теперь опишу послѣдующій, — нельзя мнѣ было всего вмѣстить въ одинъ день.

„26-го былъ праздникъ въ гимназіяхъ, а 27-е чрезъ карточки [1]) просилъ я 270 человѣкъ знатнѣйшихъ людей духовенства и свѣтскихъ къ вашему высокопревосходительству на загородный губернаторскій дворъ, что на Арскомъ полѣ, далъ имъ холодный ужинъ и фейерверкъ. Прости мнѣ, милосердный государь, что все тебѣ подробно описываю. Я отъ роду столько счастливъ, доволенъ и утѣшенъ не былъ. Могу при смерти сказать, что имѣлъ райскія минуты въ моей жизни. Подумайте—близко 17.000 было тутъ гостей: нѣсколько быковъ, барановъ и живности жареной, съ самыми простыми напитками, которое все въ шестьдесять рублевъ не стало,—довольно было ихъ привесть въ такой радостный восторгъ, что кучами по мѣстамъ кричали: „Матушка! Мы у тебя въ гостяхъ! Порадуй тебя самъ Богъ, какъ ты насъ порадовала. То-то, братцы, потѣха! кто бы думалъ, что это можно сдѣлать!" Въ фейерверкѣ, особливо, какъ неосторожно зажглись въ кучѣ лежавшія 180 ракетъ, не повѣрите, милосердый государь, какое произошло въ зрителяхъ смятеніе [2]).

„Еще днемъ разметалъ я въ два раза двадцать рублевъ размѣненыхъ полушками. Послѣ фейерверка былъ балъ; домъ и садъ были иллюминованы; все сіе стало мнѣ, не считая мой судейскій припасъ, въ 630 рублевъ. Ежели я васъ тѣмъ прогнѣвалъ, что много издержалъ, то прикажите мнѣ не давать жалованья пока выслужу. Довольно, батюшка, что кроткой государынѣ воздана хотя слабая, но всеусердная почесть. Ты прославленъ и цѣлый многолюдный го-

---

[1]) Нельзя не пожалѣть, что не сохранилось извѣстія, каковы были эти «карточки». Нѣтъ сомнѣнія, что эти пригласительные билеты сочинялись по образцу разсылавшихся университетомъ, которые тогда очень разнообразились по формѣ и изложенію. *Шевыревъ*, Ист. Моск. Ун., 67.

[2]) Записки *Державина*, стр. 12: «Державинъ, при бывшихъ торжествахъ въ гимназіи, отправлялъ должность артиллериста, бывъ при артиллеріи и при представленіи фейерверка».

родъ погруженъ былъ мною въ никогда небывалое здѣсь веселіе. Въ деньгахъ у меня крайній недостатокъ; прикажите ихъ поскорѣе переслать изъ положенной на содержаніе гимназій суммы 1.000 рублевъ. Рѣчи, планы столовъ и фейерверка пришлю на другой почтѣ. Прилежнымъ незаписаннымъ (то-есть, на службу) ученикамъ, полагаясь на милостивое обнадеживаніе ваше, я велѣлъ надѣть мундиры. Тронулись бы, всеконечно, видя родителей ихъ. Они плакали, молились Богу за государыню, и вамъ, по справедливости, давали имя отца-благодѣтеля и достойнѣйшаго сына отечества. Челобитныя ихъ всѣ, при отъѣздѣ моемъ, въ комнатѣ вашей остались. Призрите милостивымъ попеченіемъ вашимъ, чтобъ безъ продолженія по командамъ объ запискѣ ихъ въ службы знать дано было. Примите милостиво всѣ посильные труды мои и не лишите меня покровительства вашего. Оно одно у меня въ свѣтѣ семъ пріобрѣтенное, безцѣнное и ни на что не мѣняемое сокровище!“ [1]).

Это донесеніе весьма интересно во многихъ отношеніяхъ. Оно отчетливо изображаетъ, какими способами пытались тогда провести въ сознаніе общества важность и пользу образованія: аллегоріи, эмблемы, миѳологическія божества считались необходимыми въ такихъ случаяхъ. А между тѣмъ эти Аполлонъ съ девятью Парнасскими сестрами, летящій Меркурій, искатели философскаго камня и сочинители гороскоповъ, карабкающіеся по преузкимъ и утесистымъ стезямъ, и прочее тому подобное было понятно развѣ какому либо десятку человѣкъ изъ числа трапезовавшихъ за столомъ, остальные едва ли знали, кто такое были „господа Ломоносовъ и Сумароковъ“. Безспорно, что представленіе „Мольеровской комедіи въ Тартаріи“ было событіе достойное удивленія, отчасти странное не менѣе явленіе Аполлона съ музами и Меркуріемъ; но мы думаемъ, что „Школа мужей“, на многочисленныхъ „смотрителей“ произвела впечатлѣніе болѣе сильное и положительное, потому что поселяла въ нихъ „людскость“, аллегорическое же изображеніе того, какъ и кто достигаетъ вершины Парнаса, лишь убѣждало, что

Парнасъ — гора высокая
И дорога къ ней негладкая,

---

[1]) Это донесеніе было помѣщено въ издававшемся въ Казани журналѣ *Заволжскій Муравей*, 1833 г., и потомъ у *Рыбушкина*, въ его «Краткой исторіи города Казани», ч. I. стр. 114—116; но въ обоихъ случаяхъ въ сокращеніи и измѣненное въ слогѣ. Въ первый разъ вполнѣ оно явилось въ статьѣ *М. Петровскаго*: «М. И. Веревкинъ» въ *Русской Бесѣдѣ* 1860, № 1.

—пожалуй, даже могло вселить особый страхъ и желаніе уклониться отъ попытокъ пойдти по этимъ „преузкимъ и претруднымъ тропинкамъ“.

Съ другой стороны, это празднество, а еще болѣе самое донесеніе о немъ, обрисовываетъ личность Веревкина и его манеру относиться къ начальству. Сынъ своего вѣка, членъ среды, ознакомившейся съ западною „розвязью обращенія“—онъ является предъ нами очень смѣлымъ и рѣшительнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ покорно-льстивымъ, настойчиво-просительнымъ и откровенно самохвальнымъ. Его увѣренія, напримѣръ, что „Меркурій, летящій внизъ, такъ искусно на тонкомъ волоскѣ былъ прилѣпленъ, что я самъ, то зная, не могъ волоса видѣть“ и т. п., конечно, могутъ вызвать улыбку у насъ, людей столь положительно-серьезныхъ, занимающихся только „матерьями важными“; но они побѣждаютъ искренностью чувства удовольствія художника, хорошо выполнившаго свое дѣло. Оглядываясь на весь его ходъ, онъ не безъ смущенія замѣчаетъ, что затѣя стоила не дешево, болѣе 630 рублей,—суммы и по нынѣшнимъ цѣнамъ не маловажной, а по тогдашнему весьма значительной, и тѣмъ болѣе серьезной, что, какъ мы знаемъ, гимназія нуждалась въ существенно необходимыхъ предметахъ. Но онъ тотчасъ оправляется отъ этого смущенія, сначала предлагаетъ произвести вычетъ изъ его собственнаго жалованья, потомъ опирается на то, что все это было сдѣлано для возданія кроткой государынѣ всеусердной почести и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, прославленъ былъ самъ кураторъ,—и наконецъ, какъ бы совершенно убѣжденный въ своей правотѣ, уже очень спокойно и положительно говоритъ: „въ деньгахъ у меня крайній недостатокъ [1]): прикажите ихъ поскорѣе переслать“. Но дабы такой оборотъ не слишкомъ бросился въ глаза,—Веревкинъ, въ заключеніе своего рапорта, проситъ куратора не лишить его своего покровительства, которое у него „одно только и есть въ семъ свѣтѣ пріобрѣтенное, безцѣнное и ни на что немѣняемое сокровище“.

Мы не можемъ совершенно утверждать, что всѣ эти ходатайства Веревкина достигли своей цѣли; но, кажется, не встрѣтили они и особенныхъ препятствій. Изъ послѣдующихъ затѣмъ разныхъ бумагъ усматривается, что Веревкинъ съ обычною своею хлопотливостію продолжаетъ заниматься приведеніемъ гимназіи въ надлежащее устрой-

[1]) Оставалось всего 17 рублей, какъ видно изъ этого же самого рапорта, хотя въ бѣловой экземпляръ это показаніе и не вошло.

ство и огражденіемъ ея отъ различныхъ притязаній другихъ вѣдомствъ. Тогда существовала въ Казани артиллерійская и фортификаціонная школа, командиръ которой сталъ записывать гимназистовъ къ себѣ на томъ основаніи, что многіе изъ нихъ, числясь въ военномъ вѣдомствѣ, отъ военнаго начальства не имѣли „паспортовъ на поступленіе въ гимназіи". Верекинъ, донося объ этомъ (2-го и 9-го октября 1760 года) просилъ университетъ „оборонить гимназіи отъ артиллерійской команды, запретивъ ей ловить учениковъ гимназій". Чѣмъ разрѣшилось это ходатайство—не знаемъ.

Одною изъ главнѣйшихъ заботъ его въ этотъ періодъ было пріобрѣтеніе собственнаго дома для гимназіи или постройка новаго. Званіе губернаторскаго товарища въ этомъ случаѣ дѣйствительно облегчало ему достиженіе такого намѣренія. Наконецъ, въ мартѣ 1761 г., былъ купленъ у помѣщика Шахова довольно обширный деревянный домъ за 350 рублей [1]). Впослѣдствіи прикуплены были еще два сосѣднія пустопорожнія мѣста и въ домѣ сдѣланы разныя поправки и пристройки. Домъ этотъ существовалъ до разгрома Казани Пугачевымъ.

Во внутреннемъ положеніи гимназіи Веревкинъ въ это время также сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія. Курсы обоихъ отдѣленій гимназіи, дворянскаго и разночинскаго, раздѣлены были тогда на 13 классовъ (то-есть, уроковъ). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, въ чемъ собственно состояло это распредѣленіе. Но чрезвычайно любопытно одно обстоятельство, касающееся учениковъ разночинскаго отдѣленія. Изъ сохранившихся ихъ списковъ того времени видно, что тогда, по примѣру духовно-учебныхъ заведеній, принятъ былъ обычай давать ученикамъ искусственныя прозванія, сочиненныя или по именамъ греческихъ и римскихъ писателей, или по разнымъ душевнымъ и тѣлеснымъ качествамъ ученика, большею частью переведеннымъ полатыни. Такимъ образомъ въ числѣ Казанскихъ гимназистовъ встрѣчаются: Аристотелевъ, Сократовъ, Аристипповъ, Діогеновъ, Овидіевъ, Цицероновъ, Гонестовъ, Урбановъ, Прудентовъ, Робустовъ и т. п. [2]). Конечно, трудно предположить, чтобы такія фамиліи были родовыя. Кажется однако, что большая часть такихъ прозваній, если не всѣ, сохранялись за учениками лишь во время ихъ пребыванія въ гимназіи. По крайней мѣрѣ намъ никогда не случалось встрѣчать про-

[1]) *Рыбушкинъ*, Ист. Казани, I, 115, 116.
[2]) *Рыбушкинъ*, Ист. Казани, I, 116, 117.

званій Демосѳенова, Овидіева, Цицеронова даже между лицами духовнаго происхожденія, хотя списокъ искусственныхъ прозвищъ составленъ нами довольно обширный. Относительно духовно-учебныхъ заведеній замѣтимъ здѣсь, что, по нашему заключенію, въ нихъ не допускались прозванія по именамъ знаменитѣйшихъ классическихъ ораторовъ Демосѳена и Цицерона; прозваніе Платонова если встрѣчается и часто, то оно производится не отъ „божественнаго“ философа Эллады, а отъ великаго іерарха русскаго.

Въ это же время произошла немаловажная перемѣна въ личномъ составѣ гимпазическихъ чиновъ: инспекторъ магистръ Оттенталь оставилъ службу, а вмѣсто его инспекторомъ былъ назначенъ капитанъ Траубенталь, который, какъ мы знаемъ, явился въ Казань еще до пріѣзда туда Веревкина; Траубенталю при этомъ увеличено было содержаніе сотнею рублей. Впрочемъ, Траубенталь инспектировалъ недолго и самовольно уѣхалъ въ Москву; мѣсто его занялъ опять Оттенталь и также тайкомъ отправился въ Москву съ жалобами и доносами на Веревкина. Кромѣ того, тогда же въ гимназію опредѣленъ прапорщикъ Ярославцевъ „для надзиранія надъ классами и карауломъ“, а впослѣдствіи прибавленъ еще такой же смотритель за поведеніемъ учениковъ, при чемъ дана отъ университета и подробная инструкція [1]).

Записки Державина сообщаютъ намъ еще нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся до гимназіи за послѣднее время управленія Веревкина. Въ 1760 г., по указу сената, требовался отъ казанскаго губернатора планъ города Чебоксаръ. Исполненіе этого дѣла возложено было на Веревкина, по званію его члена губернской канцеляріи, а онъ, какъ директоръ гимназіи, надѣялся это исполнить при помощи своихъ подчиненныхъ. Въ гимназіи, однако, преподавателя геометріи не было (потому что капитанъ Морозовъ умеръ), а потому Веревкинъ и взялъ Державина вмѣсто инженера, подчинивъ ему нѣсколько изъ учениковъ для помощи. „Поелику же они всѣ учились геометріи безъ правилъ и доказательствъ и при томъ на практикѣ не бывали, то, пріѣхавъ въ городъ, когда должно было снимать оный на планъ, и стали въ пень, тѣмъ паче, что съ ними и астролябіи не было. Въ такомъ затруднительномъ случаѣ требовали наставленія отъ главнаго командира; но какъ и онъ не весьма далекъ былъ въ математическихъ наукахъ, то и далъ наставленіе, весьма странное, или паче

[1]) Инструкція помѣщена у *Владимірова*: Историч. Записка, I, 103.

весьма смѣшное, приказавъ сдѣлать рамы шириною въ восемь саженъ (что́ была мѣра по сенатскому указу ширины улицы), а длиною въ шестнадцать, и оковавъ оныя связьми желѣзными и цѣпями, носить множествомъ народа вдоль улицы, и когда сквозь которую улицу рама, не проходя, задѣвала за какой-либо домъ, изъ коихъ нѣкоторые были каменные, то записывать въ журналъ, который домъ сколько не въ мѣру построенъ противъ сенатскаго положенія; а на воротахъ мѣломъ надписывать: *ломать*".

Нельзя не согласиться съ Державинымъ, что этотъ способъ былъ „весьма страненъ или паче весьма смѣшенъ". Такую изобрѣтательность Веревкина, къ сожалѣнію, Державинъ объясняетъ иными побужденіями. „Сіе", говоритъ онъ, „не по неискусству его, но изъ хитрости приказано было для того, чтобъ народу и хозяевамъ болѣе сдѣлать тревоги: ибо, когда съ идущихъ мимо города по Волгѣ судовъ сганиваемы были бурлаки для ношенія помянутыхъ рамъ, то суда останавливались, а знатные граждане устрашены надписью, что ихъ домы ломать будутъ, то и уважали болѣе давшаго таковое странное повелѣніе. Слѣдовательно и искали чрезъ всякія средства у него милости граждане, чтобъ не ломали ихъ домовъ, а судовые хозяева, чтобъ не воспрещали далѣе ихъ плаванія". Это объясненіе, обрисовывающее Веревкина со стороны весьма невыгодной, подтверждается далѣе приводимыми Державинымъ другими распоряженіями „господина Веревкина", особенно о кожевенныхъ заводахъ въ Чебоксарахъ. Въ этомъ отношеніи, если не въ оправданіе Веревкина, то въ извиненіе его поступковъ, можно сказать только одно то, что подобные притязательные способы дѣйствій были очень употребительны между администраторами старыхъ годовъ.... Конечная цѣль такихъ дѣйствій извѣстна; достигнулъ ее и Веревкинъ: „воевода и бургомистръ должны были прибѣгнуть къ снисхожденію г. ассесора (то-есть, Веревкина), котораго какъ-то умилостивили, а тѣмъ и кончилась сначала столь страшная коммисія".—Что же касается снятія плана, то Державину приказано было этотъ планъ, нарочно огромной величины сдѣланный (который ни въ какой обыкновенной комнатѣ умѣщаться не могъ, а черченъ на подволокѣ однихъ купеческихъ палатъ), не докончивъ, свернувъ и уклавъ его подъ гнетомъ на телѣгу, отвезти въ Казань, что́ имъ и исполнено.

Въ слѣдующемъ, 1761 году, Веревкинъ получилъ отъ главнаго куратора Шувалова предложеніе описать развалины столицы Болгар-

скаго царства [1]) и собрать тамъ, какія можно, древности. Веревкинъ опять избралъ для этого Державина съ нѣсколькими другими учениками. Самъ онъ оставался въ Болгарахъ не долго, но Державинъ съ товарищами провелъ тамъ все лѣто до глубокой осени, составилъ планъ бывшаго города, снялъ виды замѣчательнѣйшихъ развалинъ, надписи съ надгробныхъ камней и собралъ коллекцію древнихъ монетъ и разныхъ другихъ вещицъ, находимыхъ на этомъ знаменитомъ городищѣ [2]). Неизвѣстно, какая участь постигла всѣ эти работы. Веревкинъ предполагалъ отвезти ихъ въ Петербургъ, куда собирался въ концѣ года ѣхать для отданія отчетовъ главному куратору объ успѣхахъ въ наукахъ въ гимназіи; но былъ уволенъ самъ отъ должности директора.

Главнымъ поводомъ къ увольненію Веревкина послужилъ доносъ бывшаго инспектора Оттенталя и учителя Дювилляра, обвинявшихъ директора въ растратѣ казенныхъ денегъ. Подробности этого дѣла остаются доселѣ необнародованными, хотя и извѣстно, что свѣдѣнія о нихъ находятся въ письмѣ Московскаго профессора Роста къ академику Миллеру [3]). Въ ордерѣ, которымъ поручалось преемнику Веревкина „принять дирекцію надъ гимназіями“, сказано, что ассесоръ Веревкинъ отъ должности „отрѣшенъ за непорядочные поступки и что отъ худаго смотрѣнія его всѣ обстоятельства гимназій находятся въ великомъ безпорядкѣ“ [4]). Можно предполагать, что если и была значительная доля правды въ извѣтахъ доносчиковъ, то все-таки они руководились видами своекорыстными, личнымъ мщеніемъ. Оттенталь, по всей вѣроятности, былъ озлобленъ за смѣщеніе его съ должности инспектора, а Дювилляръ досадовалъ за предпочтеніе, оказанное Лакассану и де-Форжу, которымъ Веревкинъ назначилъ прибавку жалованья. Знаемъ также, что Веревкину поставлялось въ вину и то, что онъ, не находя средствъ къ содержанію воспитанниковъ, склонилъ ихъ родителей и родственниковъ присылать въ гимназію припасы натурою [5]). Особенныхъ растратъ казенныхъ денегъ и не могло быть, потому что, какъ мы видѣли, весь бюджетъ гимназіи былъ незначи-

[1]) Нынѣ село Бо́лгары или Успенское, въ Спасскомъ уѣздѣ, въ 22-хъ верстахъ отъ города, на почтовомъ трактѣ въ гор. Тетюши. См. списокъ селеній Казан. губ., № 1648.

[2]) Записки *Державина*, стр. 12—15.

[3]) *Шевыревъ*, Ист. Моск. Ун., 87.

[4]) *Владимiровъ*, Историч. Записка, I, 28.

[5]) Энц. Лексик., IX, 454.

теленъ, а ассигнованныя суммы не вполнѣ и не всегда въ сроки высылались изъ университета. Въ самомъ университетѣ жаловались также на неправильное расходованіе суммъ, а между тѣмъ, въ сущности, и тамъ все зависѣло отъ недостатка и несвоевременнаго поступленія ихъ.—При такихъ обстоятельствахъ, не говоря уже о покровительствѣ „милостивцевъ“, Веревкину возможно было вполнѣ оправдаться отъ взведенныхъ на него обвиненій. Какъ бы то ни было, Веревкина все-таки 20-го октября 1761 года уволили отъ должности директора гимназіи; но оставили членомъ Казанской губернской канцеляріи, или товарищемъ губернатора.

Изобразивъ Веревкина и Казанскія гимназіи, на основаніи свѣдѣній, оставленныхъ имъ самимъ и частію лицами, состоявшими въ служебныхъ съ нимъ отношеніяхъ,—мы считаемъ весьма необходимымъ, въ заключеніе всего, привести отзывъ современнаго иностранца.

Этотъ иностранецъ—аббатъ и астрономъ Шаппъ д'Отрошъ (l'abbé Chappe d'Auteroche), ѣздившій, по порученію Парижской академіи наукъ, въ 1761 году въ Тобольскъ, для наблюденія прохожденія Венеры чрезъ солнце. Съ поѣздкою Шаппа связываются въ исторіи нашей Академіи Наукъ такія событія. Когда въ 1759 г. Парижская академія рѣшилась отправить астронома Жантиля въ восточную Индію для наблюденія прохожденія Венеры, то Миллеръ, конференцъ-секретарь (?) нашей академіи, представилъ президенту ея графу Разумовскому о необходимости такого же наблюденія въ Сибири, и Разумовскій отвѣчалъ, что всего приличнѣе поручить это академику Гришау (болѣе извѣстному подъ обрусѣвшимъ прозваніемъ Гришова). Но этотъ, почти постоянно жившій въ своемъ имѣніи на о. Эзелѣ, отказался по болѣзни и совѣтовалъ пригласить астронома изъ Парижа. Миллеръ сообщилъ объ этомъ въ Парижъ, но формальнаго предложенія, какъ слѣдовало, чрезъ посредство посольства, сдѣлано не было. Не смотря на то ѣхать въ Сибирь вызвался аббатъ Шаппъ, и немедленно снаряженъ былъ въ путь. Графъ Разумовскій находилъ, что такое предпріятіе Французской академіи весьма предосудительно для С.-Петербургской академіи и что честь ея требуетъ заняться дѣломъ безъ помощи Французовъ, и назначилъ двѣ экспедиціи въ Иркутскъ и Якутскъ подъ начальствомъ Попова и Румовскаго, которыхъ и поспѣшили отправить прежде прибытія Шаппа въ Петербургъ. Тѣмъ не менѣе русское правительство отнеслось къ Шаппу чрезвычайно благосклонно, и кромѣ прогоновъ и провожатаго назначило ему „въ по-

дарокъ 1.000 рублей“ [1]). Обласканный нами Французикъ, встрѣчавшій вездѣ полную предупредительность, напечаталъ въ 1768 г. обширное описаніе своего путешествія (Voyage en Sibérie, fait par ordre du Roi en 1761, — etc. Paris, 1768. 2 vol. in folio), наполненное крайне пристрастными и злобными отзывами о Россіи и Русскихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что отзывы Шаппа, главнымъ образомъ, слѣдуетъ приписать свойственному Французамъ легкомыслію, дающему имъ увѣренность, что они не только могутъ, но должны на все смотрѣть свысока и презрительно, — тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что книга его, великолѣпно изданная на счетъ французскаго правительства, имѣла цѣлью возбудить общественное мнѣніе Европы противъ Россіи, съ славою выдвигавшейся тогда на политическомъ горизонтѣ. Это обстоятельство было причиною, что императрица Екатерина II признала необходимымъ издать на книгу Шаппа довольно обстоятельное опроверженіе, въ сочиненіи котораго принимала она лично дѣятельное участіе, при содѣйствіи княгини Е. Р. Дашковой и графа А. П. Шувалова. Книга эта издана въ 1770 г., безъ означенія мѣста печати, подъ заглавіемъ: Antidote ou examen du mauvais livre superbement imprimé, intitulé: Voyage en Sibérie, fait par ordre du Roi en 1761, etc [2]).

Аббатъ Шаппъ, щедро расточившій въ своей книгѣ всякія порицанія противъ Россіи и Русскихъ, въ отношеніи къ Веревкину и гимназіямъ и вообще къ Казани не только снисходителенъ, но даже особенно щедръ на похвалы. Эти хвалебные отзывы, по нашему мнѣнію, съ одной стороны, убѣждаютъ, что астрономъ-аббатъ былъ вообще склоненъ къ увлеченіямъ, а съ другой, они служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что Веревкинъ дѣйствительно обладалъ необыкновеннымъ талантомъ понравиться каждому, съ кѣмъ входилъ въ сближеніе. По этимъ причинамъ считаемъ не лишнимъ привести вполнѣ слова Шаппа. Замѣтимъ предварительно, что аббатъ познакомился съ Веревкинымъ еще въ Петербургѣ и что, ѣхавши въ То-

---

[1]) *П. Пекарскій*, Исторія Имп. Академіи Наукъ, т. II, стр. 696—698.

[2]) *С.-Петербур. Вѣдом.* 1853, № 32. *Русскій Архивъ* 1863 г. стр. 483; 1864 г. стр. 41.—Не къ книгѣ ли Шаппа относится одно выраженіе въ письмѣ Екатерины II къ графу Н. И. Панину, писанномъ въ половинѣ 1767 г. «хлѣбъ лутче... и, en dépit du misérable abbé Giot, нигдѣ (отъ Алатыря до Арзамаса) голоду нѣтъ». *Чтенія Моск. Общ. Ист.* 1863, ч. II, отд. II, 31. Русскій переводъ «Антидота» напечатанъ въ историческомъ сборникѣ П. И. Бартенева, «Осьмнадцатый Вѣкъ» кн. IV, стр. 225—463.

больскъ, онъ не былъ въ Казани, потому что, для ускоренія времени проѣхалъ прямою, нынѣ оставленною, дорогою изъ Козмодемьянска на гг. Царевосанчурскъ и Вятку [1]). — Возвращаясь изъ Сибири, онъ ѣхалъ уже на Казань.

„Я прибылъ въ Казань 1-го октября,—говоритъ Шаппъ. Татарскій князь [2]), бывшій здѣсь губернаторомъ, оказалъ мнѣ самый радушный пріемъ: онъ приказалъ приготовить для меня квартиру, но г. Веревкинъ, Русскій, котораго я видѣлъ въ Петербургѣ, былъ такъ добръ, что принялъ меня къ себѣ и былъ здѣсь моимъ руководителемъ.

„Я видѣлся съ губернаторомъ на слѣдующій день. Послѣ нѣсколькихъ привѣтствій, которыхъ я не понялъ, насъ усадили вокругъ стола, накрытаго прекраснымъ ковромъ: на немъ лежали четыре большія трубки и стояла фарфоровая чашка съ китайскимъ табакомъ; я покурилъ нѣсколько минутъ. Тотчасъ за тѣмъ началось угощеніе туземными напитками, сластями, плодами и арбузомъ: этотъ послѣдній такъ вкусенъ и пріятенъ, что я только его и ѣлъ. Арбузы въ Казани вездѣ; ихъ можно ѣсть много безъ всякаго вреда. Находя этотъ плодъ превосходнѣйшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ въ этомъ родѣ, я добылъ его сѣмянъ, однако онѣ не хорошо росли во Франціи.

„Его преосвященство архіепископъ пригласилъ меня посѣтить его дачу, расположенную въ окрестностяхъ города: онъ любезно прислалъ нѣсколько экипажей для меня и моихъ спутниковъ. Архіерей этотъ очень свѣдущъ въ наукахъ, въ исторіи и въ литературѣ, и пользуется большимъ уваженіемъ въ цѣлой Россіи: онъ одинъ изъ всѣхъ духовныхъ, видѣнныхъ мною въ этомъ громадномъ государствѣ, не удивлялся тому, что можно ѣхать изъ Парижа въ Тобольскъ для наблюденія прохожденія Венеры чрезъ солнце [3]).

---

[1]) Списокъ селеній Казанской губ., стр. XIX, №№ 589—600.

[2]) Князь Василій Борисовичъ Тенишевъ Родъ Тенишевыхъ дѣйствительно ведетъ начало отъ Темниковскаго мурзы Еникея Тенишева (см. Долгорукова, Россійская родосл. книга, III, 55); но потомки этого мурзы еще въ XVII столѣтіи приняли христіанство.

[3]) Архіепископомъ въ Казани былъ тогда Гавріилъ. Первоначально, съ 1736 года, онъ, еще подъ свѣтскимъ именемъ Григорія Ѳедоровича Кременецкаго, былъ учителемъ въ Александро-Невской семинаріи. Съ 1742 года уже въ санѣ іеромонаха, подъ именемъ Гавріила, сдѣланъ ректоромъ этой семинаріи и своими попеченіями поставилъ ее въ весьма хорошее положеніе. Въ 1748 г. Гавріилъ посвященъ въ архимандрита Новоспасскаго монастыря, а въ 1749 году

„Я пробылъ въ Казани довольно долго и произвелъ нѣсколько астрономическихъ наблюденій, которыя послужили мнѣ къ точному опредѣленію положенія этого города [1]). Казань сохраняетъ еще остатокъ своего древняго благосостоянія, хотя торговля здѣсь почти слабая. Дома по большей части деревянные, однако хорошо выстроенные. Дворянъ здѣсь довольно и они составляютъ общество. Предметы жизненныхъ потребностей находятся въ полномъ достаткѣ, а равно дичь, рыба и плоды. Здѣсь можно найдти и бѣлый хлѣбъ, въ Сибири извѣстный также мало какъ и ананасы. Одно вино составляетъ рѣдкость въ Казани, но и то жители чрезвычайно искусно дѣлаютъ его изъ различныхъ фруктовъ: по вкусу и цвѣту оно мало разнится отъ натуральнаго, но весьма небезопасно для здоровья, потому что главною основою ему служитъ водка.

„Здѣшніе обычаи, какъ и климатъ, также не похожи на Сибирскіе. Женщины здѣсь присутствуютъ на пирахъ и составляютъ ихъ украшеніе; онѣ являются здѣсь необходимою частью общества, какъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ.

„Татары составляютъ значительную часть населенія Казани: они не только не преслѣдуются, но пользуются вниманіемъ, и потому очень преданы своимъ повелителямъ. Они сохранили простоту своихъ нравовъ, честность, прямодушіе и почти всѣ пользуются порядочнымъ состояніемъ. Ихъ одѣяніе гораздо богаче одѣянія тѣхъ Татаръ, о

хиротонисанъ епископомъ въ Коломну, а отсюда перемѣщенъ въ 1755 году въ Казань. При вступленіи на здѣшнюю каѳедру, онъ составилъ «посланіе къ жителямъ Казани» остающееся въ рукописи (*Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.* 1854, № 8, отд. III, 43). Въ 1762 году получилъ онъ санъ архіепископа и переведенъ въ С.-Петербургъ, а въ 1770 году назначенъ митрополитомъ въ Кіевъ, гдѣ и умеръ въ 1783 году. — Епархія, гдѣ Гавріилъ проходилъ свое пастырское поприще, хранитъ добрую память о немъ. Краткія упоминанія, встрѣчающіяся о немъ въ настоящей нашей статьѣ, доказываютъ, что онъ истинно достоинъ былъ своего призванія. — Дача архіерейская, о которой говоритъ Шаппъ, находится въ 5-ти верстахъ отъ Казани по Оренбургскому тракту на живописномъ крутомъ берегу озера Средній Кабанъ. Она извѣстна подъ названіемъ «Новаго Іерусалима». Мужескій монастырь основанъ былъ здѣсь въ исходѣ XVII вѣка. Замѣчательно, что у воротъ въ этотъ монастырь находится древній татарскій надгробный камень, особенно чтимый мусульманами.

[1]) По опредѣленію Шаппа (Voyage I, 365—367) долгота Казани 66° 48′ 15″, широта 55° 47′ 22″ (по де-л'Илю: долгота 66° 28′, широта 55° 47′). Нынѣ считается широта Казани 55° 46′, а долгота 66° 47′.

которыхъ я говорилъ прежде [1]); одежда женщинъ даже отличается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, наиболѣе же по головному убору; я не видалъ здѣсь никогда такихъ сахарныхъ головъ. Здѣшніе головные уборы имѣютъ большое сходство съ уборами русскими, кромѣ того, что Татарки вплетаютъ въ волосы драгоцѣнные камни и жемчугъ. Онѣ также дѣлаютъ украшенія на рукавахъ платьевъ; у другихъ украшенія бываютъ вокругъ шеи и висятъ на груди.

„Казань очень обширна и довольно многолюдна. Г. Шуваловъ, одинъ изъ важныхъ покровителей просвѣщенія въ Россіи, склонилъ императрицу Елизавету учредить здѣсь гимназію или коллегію для обученія юношества. Г. Веревкинъ, Русскій, былъ директоромъ этого заведенія: подъ его начальствомъ состояло восемь профессоровъ — два для языка французскаго, два для нѣмецкаго, одинъ для латинскаго, одинъ для русскаго и одинъ для фехтованья, учившій также и танцованью. Содержаніе этихъ профессоровъ обходится въ полтораста рублей, что̀ составитъ на французскія деньги до 750 ливровъ. Не смотря на такое ограниченное содержаніе, заботливостію и усердіемъ Веревкина, преподаваніе по всѣмъ частямъ идетъ съ большими успѣхами. Веревкинъ былъ человѣкъ очень образованный и къ тому же обладалъ большимъ искусствомъ управлять подчиненными своими и учениками,—человѣкъ рѣдкій и вполнѣ достойный даннаго ему назначенія. При всемъ томъ, къ несчастію этой только-что рождающейся школы, Веревкинъ не долго удержался на своемъ мѣстѣ. Его отличныя заслуги создали ему враговъ во всѣхъ тѣхъ, кто самъ добивался его карьеры. Зависть и ревность преслѣдовали его всюду, не переставали терзать его, хотя онъ находился за 400 льё отъ столицы: удары, наносимые ему, были столь вѣрны, что, живя въ Казани ради пользы отечества, онъ не зналъ откуда они идутъ и не могъ отражать ихъ. Въ странахъ болѣе просвѣщенныхъ, зависть и ревность являются тяжкими бичами для людей ученыхъ, но онѣ все-таки не столь опасны какъ между народами невѣжественными. Въ обществѣ образованномъ ядовитые удары зависти и ревности со временемъ обращаются на самихъ завистниковъ, и человѣкъ возвышенный всегда выходитъ побѣдителемъ; но въ странѣ невѣжественной люди просвѣщенные болѣе всего имѣютъ выгоды въ погубленіи человѣка превосходнаго и, будучи вліятельны на невѣжественную націю, склоняютъ ее къ утвержденію ихъ собственнаго неправосудія. Г. Шуваловъ, покро-

[1]) Шаппъ описывалъ Татаръ сибирскихъ.

витель г. Веревкина и любимецъ императрицы Елизаветы, служилъ ему всегда щитомъ. Со смертію этой государыни, значеніе его упало, и зависть немедленно погубила г. Веревкина: онъ былъ счастливъ и тѣмъ, что, потерявъ мѣсто, не увеличилъ собою числа ссыльныхъ въ Сибири“ [1]).

IV.

При первыхъ слухахъ объ увольненіи Веревкина, на его мѣсто командиромъ гимназій хлопоталъ попасть извѣстный П. И. Рычковъ. Онъ писалъ къ академику Миллеру: „Сіе мѣсто по моимъ лѣтамъ и по моимъ склонностямъ, кажется, для меня не несходно... Что-жъ до гимназій принадлежитъ, то ласкаюсь надеждою предъ нынѣшнимъ ея состояніемъ въ лучшее привесть. А между тѣмъ и для вашихъ академическихъ дѣлъ, а особливо въ разсужденіи сея обширныя и многонародныя губерніи, былъ бы я тутъ не безпотребенъ: по меньшей мѣрѣ не меньшее и не худшее описаніе учинилъ ей, какъ и Оренбургское....“ [2]). Миллеръ, однако, увѣдомилъ Рычкова, что на мѣсто Веревкина уже назначенъ преемникъ.

Этимъ преемникомъ былъ магистръ Даніилъ Васильевичъ Савичъ, которому „для большей важности“ дано было отъ университета званіе экстраординарнаго профессора. Новый директоръ, по отзыву его товарища по университету, профессора Роста, „былъ человѣкъ трудолюбивый и дѣльный, неспособный быть пятымъ колесомъ въ каретѣ или служить только для парада“ [3]).

Правдивость такого отзыва заподозрить мы не имѣетъ никакого основанія, тѣмъ болѣе, что онъ сдѣланъ человѣкомъ нѣмецкимъ въ письмѣ къ Нѣмцу (академику Миллеру) о человѣкѣ славянскомъ и

---

[1]) *Chappe d'Auteroche,* Voyage I, 343—346.—Послѣднія строки о Веревкинѣ совершенно ложны. Другія извѣстія Шаппа, относящіяся до Казанской губерніи, а именно путь отъ Козмодемьянска (c'est un assez gros village qu'on appelle ville en Russie) до Царево-Кокшайска,—помѣщены въ его сочиненіи, I, 37—44.

[2]) *П. Пекарскій,* Жизнь и переписка П. И. Рычкова, стр. 49 и 50. Свое обѣщаніе описать Казанскую губернію П. И. Рычковъ отчасти выполнилъ, издавъ въ 1767 г. (кажется, по случаю путешествія Екатерины II по Волгѣ; сравн. *Пекарскаго,* стр. 55) «Опытъ Казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ».

[3]) *Шевыревъ,* Истор. Моск. Унив., 87, 98. До назначенія директоромъ, Савичъ въ университетѣ былъ субъ-библіотекаремъ и завѣдывалъ минералогическимъ кабинетомъ, читалъ также географію и физику. *Тамъ же,* 36, 51. Біограф. Словарь Московскаго университета, II, 387. Первоначальное образованіе Савичъ получилъ въ Кіевской духовной академіи, а съ 1750 по 1754 годъ былъ за границею.

въ такую пору, когда существовала открытая и задорная вражда между находившимися въ Россіи учеными нѣмецкаго и русскаго происхожденія. При всемъ томъ въ дѣлахъ гимназіи, относящихся ко времени „командирства“ Савича, мы не нашли особенно важныхъ распоряженій и предположеній по управленію гимназіями. Конечно, самое отсутствіе такихъ фактовъ можно принять за доказательство его солидной дѣятельности, его умѣнья „служить не для парада“,— тогда какъ предшественникъ Савича наиболѣе отличался затѣйливостію своихъ предпріятій, суетливостію въ ихъ исполненіи, именно способностью „служить для парада“. Съ другой стороны, быть можетъ, неполнота любопытныхъ свѣдѣній о времени управленія Савича произошла и отъ нашего собственнаго неумѣнья выбрать наиболѣе характеристическія черты, или просто отъ неудачи: кто знакомъ съ процедурою извлеченія желаемыхъ свѣдѣній изъ старинныхъ архивныхъ офиціальныхъ бумагъ и такъ называемыхъ „дѣлъ“, тотъ знаетъ, что довольно нерѣдко случается встрѣчать указаніе на какое-либо обстоятельство, предположеніе, мѣру, найдти же самый актъ объ этомъ совершенно въ иномъ мѣстѣ, въ дѣлахъ гораздо позднѣйшихъ годовъ. Наконецъ надобно сказать, что и самая краткость времени директорствованія Савича (онъ пробылъ въ Казани менѣе двухъ лѣтъ) не позволила ему выказать вполнѣ свои административно-педагогическія способности.

Впрочемъ, о состояніи гимназій во время директорства Савича мы имѣемъ свидѣтельство П. И. Рычкова. Въ концѣ 1763 года (20-го октября и 20-го декабря) онъ писалъ къ академику Миллеру: „О Казанской гимназіи слышу, что она нынѣ въ худшемъ состояніи противъ прежняго, ибо профессоръ (то-есть, Савичъ), бывшій тутъ, человѣкъ хотя и ученый, но смирный и безгласный. А нынѣ и о томъ сказывали мнѣ, якобы, пріѣхавъ изъ Москвы, недавно умеръ. Я бы радъ былъ, ежели-бъ предпріято было изъ сего училища сдѣлать что-нибудь познатнѣе и дать ему иную форму; но мнѣ не разсуждается самому на то напрашиваться. Развѣ не буду-ль я нынѣшнею зимою самъ въ Москвѣ, тогда переговорю съ Василіемъ Евдокимовичемъ (то-есть, Ададуровымъ — кураторомъ университета). Сказываютъ и то, что учители уже болѣе полугода жалованья своего не получали и насовалось тутъ людей незнающихъ много“ [1]). П. И. Рыч-

[1]) *Пекарскій*, Жизнь и переписка П. И. Рычкова, стр. 51. *Владиміровъ*, Историч. записка, I, 95 и 96.

ковъ былъ человѣкъ очень почтенный и сообщалъ свѣдѣнія вѣрныя, тѣмъ не менѣе, въ настоящемъ случаѣ, кажется, набрасывалъ краски очень густыя, потому что и въ эту пору хлопоталъ попасть въ директоры гимназій. Онъ даже намекалъ Миллеру, что въ Оренбургѣ и Симбирскѣ за точное увѣряютъ, будто его, Рычкова, уже назначили директоромъ.

Гимназіи, съ назначеніемъ Савича директоромъ, собственно шли не лучше прежняго. Пожалуй, можно согласиться съ Рычковымъ, что онѣ явились даже „въ худшемъ состояніи противъ прежняго“, потому что многіе изъ учениковъ просили объ увольненіи ихъ изъ гимназіи [1]), такъ что университетъ (ордеръ 14-го ноября 1761 г.) поручалъ Савичу внушать ученикамъ, что, окончивъ полный курсъ наукъ, они получатъ возможность „быть достойными къ службѣ ея императорскаго величества“ и что, оставаясь въ гимназіяхъ, ничего не потеряютъ въ отношеніи правъ по службѣ. Но въ этомъ уменьшеніи числа учениковъ былъ виноватъ не Савичъ, а необезпеченное положеніе гимназій вообще. Суммы, ассигнованныя на жалованье учителямъ и на содержаніе учениковъ, постоянно высылались неаккуратно, съ чрезвычайными задержками; нерѣдко казеннокоштные ученики доходили до крайности нищенства. Вслѣдствіе этого многіе родители и считали за лучшее пристраивать своихъ дѣтей куда-либо въ другое мѣсто и чаще всего переводили ихъ въ военную школу, гдѣ обученіе ограничивалось только чтеніемъ и письмомъ, за то ученики вполнѣ обезпечены были въ помѣщеніи, одеждѣ и пищѣ [2]).

Одною изъ заботъ Савича, какъ видно, было устройство помѣщенія самой гимназіи, для которой Веревкинымъ пріобрѣтенъ былъ домъ близъ церкви Грузинской Божіей Матери. Переписка объ этомъ во время Савича и послѣ того, открываетъ слѣдующія, нелишенныя интереса, подробности. Домъ купленъ былъ у помѣщика Шахова за 350 руб,, при чемъ заплачено казенныхъ крѣпостныхъ пошлинъ 35 рублей; затѣмъ прикуплены были еще два пустопорожнія мѣста за 15 руб., а пошлинъ внесено 15 коп. На покупку лѣса и другихъ

[1]) Къ этому времени относится и выходъ Державина изъ гимназіи. Просьба его объ увольненіи была помѣщена въ *Библіогр. Запискахъ* 1859 г., № 16, стр. 510, 511. Сравн. *Державина*, Записки, стр. 14.

[2]) *Владимировъ*, Историч. записка, I, 99. Впрочемъ, и содержаніе студентовъ университета, а также студентовъ академіи наукъ и учениковъ академической гимназіи въ эту самую пору было не лучше, чѣмъ въ Казани. См. *Пекарскаго*, Исторія Академіи Наукъ, II, стр. 739—741.

строительныхъ матеріаловъ, а также на уплату рабочимъ, израсходовано 488 руб, 90½ коп. Такимъ образомъ, все это обошлось въ 889 руб. 5½ коп. Изъ составленной преемникомъ Савича описи гимназическихъ зданій мы узнаемъ, что въ составъ ихъ входили: 1) стоявшія посреди двора двухъ-этажныя „хоромы“: въ нижнемъ ярусѣ помѣщалась гимназическая канцелярія, „гдѣ письменныя дѣла отправляются“, и кладовая для храненія разныхъ казенныхъ вещей; а въ верхнемъ находилась квартира командира гимназій, состоящая изъ четырехъ комнатъ; двѣ же комнаты занимались библіотекою и другими принадлежностями; 2) при въѣздѣ на дворъ, на лѣво отъ воротъ, „хоромы новыя“, въ которыхъ три комнаты назначены для классовъ, а четвертая для квартиры инспектора; 3) такія же „новыя хоромы“ съ правой стороны отъ воротъ, состоящія изъ четырехъ компатъ, занимавшихся классами; 4) „людская“—гдѣ помѣщались нижніе служители гимназіи, была ветхая; 5) баня; 6) двѣ конюшни съ сѣноваломъ и сушильною, и 7) „каретникъ“ или сарай для помѣщенія экипажей. Всѣ зданія деревянныя, покрыты дранью; дворъ „съ лица“, то-есть по улицѣ, былъ огороженъ „балясами“.

Относительно внутренняго устройства гимназіи, изъ ордера куратора университета генералъ-маіора Ѳедора Павловича Веселовскаго [1]), отъ 17-го января 1862 г. № 36, узнаемъ, что при гимназіи

[1]) Ѳедоръ Павловичъ Веселовскій и его старшіе братья Абрамъ и Исаакъ получили образованіе въ Московской школѣ Паузе, основанной въ 1703 г. извѣстнымъ пасторомъ Глюкомъ (*П. Пекарскаго*, Истор. Акад. Наукъ, I, стр. XVIII—XX). Всѣ они, а особенно Абрамъ и Ѳедоръ, еще при Петрѣ I пріобрѣли извѣстность на дипломатическомъ поприщѣ. Абрамъ былъ резидентомъ въ Вѣнѣ, а Ѳедоръ—въ Лондонѣ и дѣйствовали весьма успѣшно, особенно первый, во время розысковъ по дѣлу царевича Алексѣя Петровича. Спустя года полтора послѣ этого, Абрамъ, по неизвѣстной причинѣ, оставилъ тайно свой постъ и скрылся. Это, конечно, повлекло за собою розыски и навело подозрѣніе на Ѳедора, котораго царь немедленно потребовалъ въ Россію. Опасаясь за свою участь, Ѳедоръ Веселовскій отказался ѣхать къ царю и также скрылся... Неизвѣстно, гдѣ и долго ли онъ укрывался; но въ 1744 г. онъ является опять въ Россіи и уже въ военномъ чинѣ ескундъ-маіора отправленъ былъ въ Ангальтъ-Цербстъ для переговоровъ о бракѣ принцессы Софіи-Августы-Фридерики (Екатерины II) съ наслѣдникомъ русскаго престола. Позднѣе онъ былъ церемоніймейстеромъ, а въ августѣ 1760 г. назначенъ куратором Московскаго университета и оставался въ этомъ званіи до октября 1762 г. По отзыву И. И. Дмитріева (*Русскій Архивъ* 1868, стр. 643, 644) «сочиненіями не занимался, а пользовалъ университету только тѣмъ, что былъ кропотливъ въ занятіяхъ, въ дѣлахъ конференціи».

имѣлся особый лекарь. Этимъ ордеромъ предписывалось лекаря отставить, такъ какъ онъ пользовать учениковъ и гимназическихъ чиновъ не можетъ, за неимѣніемъ въ Казани аптеки, а свидѣтельствуетъ только оныхъ болѣзни. Вмѣстѣ съ этимъ „позволялось и апробовалось“ учредить при гимназіяхъ книжную лавку, „въ разсужденіи многихъ охотниковъ покупать русскія книги“. Оба эти свѣдѣнія весьма любопытны по отношенію къ исторіи благоустройства самаго города Казани. Къ сожалѣнію, мы не встрѣтили дальнѣйшихъ указаній, какъ устроилась книжная лавка и какъ шла въ ней торговля. Во всякомъ случаѣ довольно замѣчательно уже и то, что если за три года до этого не нашлось въ Казани и трехъ подписчиковъ на „Московскія Вѣдомости“, то теперь уже являлось „много охотниковъ покупать русскія книги“. Какъ ни слабо было преподаваніе въ учрежденныхъ гимназіяхъ, а всё-таки, кажется, надобно ихъ вліянію приписать такой оборотъ дѣла.

Наступала замѣчательная эпоха въ развитіи всего строя жизни Россіи. Царствованіе императрицы Екатерины II, прославленное блистательными подвигами на поприщахъ внѣшней и внутренней политики, ознаменовалось весьма важными предпріятіями и по отношенію къ устройству учебной части въ государствѣ и вообще распространенію просвѣщенія. Государыня, учредившая впослѣдствіи особую „коммисію объ установленіи въ государствѣ народныхъ училищъ“ [1]), а позднѣе намѣревавшаяся основать университеты въ Екатеринославѣ, Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ и открыть гимназіи во всѣхъ тогдашнихъ губернскихъ городахъ [2]),—почти съ первыхъ дней своего царствованія, самыми обстоятельствами, поставлена была въ положеніе обратить особенное вниманіе на Московскій университетъ и подчиненныя ему учебныя заведенія.

„Дѣйствительный“ кураторъ университета Веселовскій, въ двухлѣтнее свое управленіе, выказалъ много здраваго сужденія въ вопросѣ о воспитаніи, но съ тѣмъ вмѣстѣ обнаружилъ недостатокъ силъ, чтобы привести все задуманное въ исполненіе. Вскорѣ по

При увольненіи отъ кураторства, Екатерина назначила ему 1.000 руб. пенсіи. См. *Бантыша-Каменскаго*. Словарь, I, 274—285. *Шевырева*, Истор. Московск. универ., стр. 81—100. *Устрялова*, Ист. Петра Великаго, VI, стр. 60—63; 233—235. Бумаги императрицы Екатерины II, ч. I, стр. 119, 174. Энциклопед. Лексиконъ, IX, стр. 538—540.

[1]) Указъ 7-го сентября 1782 г. Полн. Собр. Закон., т. XXI, № 16.507.

[2]) Указъ 16-го октября 1786 г. Полн. Собр. Зак., т. XXII, №

вступленіи Екатерины II на престолъ, онъ, по преклонности своихъ лѣтъ, просилъ объ увольненіи. Въ концѣ октября 1762 года назначенъ на его мѣсто президентъ мануфактуръ-коллегіи Ададуровъ съ оставленіемъ и въ прежней должности. Состоя въ этомъ званіи до конца своей жизни (1778 г.), послѣднія восемь лѣтъ Ададуровъ жилъ преимущественно въ Петербургѣ и, такимъ образомъ, былъ куратором номинальнымъ; но первую половину службы онъ провелъ въ Москвѣ и, должно сказать, неутомимо-ревностно занимался устроеніемъ университета и гимназій [1]).

Казанскія гимназіи также скоро обратили на себя особое вниманіе правительства. Императрица, замѣчая чувствительный недостатокъ образованныхъ людей между чиновниками разныхъ присутственныхъ мѣстъ, указомъ 15-го декабря 1763 года повелѣла, чтобъ при Казанской гимназіи, сверхъ имѣвшихся уже казенныхъ учени-

[1]) Василій Евдокимовичъ Ададуровъ былъ воспитанникомъ академической гимназіи въ С.-Петербургѣ и впослѣдствіи нѣсколько времени состоялъ адъюнктомъ въ самой академіи. Въ 1740 г. онъ былъ привлеченъ къ допросу по дѣлу Волынскаго. Въ 1744 г., когда прибыла въ Россію ангальтъ-цербстская принцесса Софія-Августа-Фридерика, какъ невѣста великаго князя Петра Ѳедоровича, Ададуровъ, при содѣйствіи графа А. К. Разумовскаго, получилъ высоколестное назначеніе быть наставникомъ принцессы въ русскомъ языкѣ. Надобно полагать, что Ададуровъ, умѣлъ заинтересовать свою августѣйшую ученицу, когда она, по собственному ея заявленію, пламенно желая скорѣе выучиться русскому языку, вставала по ночамъ, чтобъ заучивать уроки и разъ простудилась до такой степени, что въ продолженіе четырехъ недѣль жизнь ея была въ величайшей опасности (*Вейдемейеръ*, Дворъ и замѣчател. лица, I, 43). Въ эту пору Ададуровъ съумѣлъ пріобрѣсть довѣріе Екатерины, и впослѣдствіи принялъ дѣятельное участіе въ извѣстномъ политическомъ предпріятіи канцлера гр. Бестужева-Рюмина и былъ посредникомъ въ тайныхъ его сношеніяхъ съ Екатериною. Когда Бестужевъ былъ арестованъ, то арестовали и Ададурова; но онъ какъ-то оправдался и только былъ удаленъ изъ столицы съ назначеніемъ губернаторскимъ товарищемъ въ Оренбургъ. Привязанный къ занятіямъ ученымъ, онъ и отсюда велъ постоянныя и дѣятельныя сношенія съ Академіею Наукъ, доставляя туда восточныя рукописи и разные естественно-историческіе предметы. Екатерина помнила преданность Ададурова и немедленно по вступленіи на престолъ наградила его деньгами, а 1-го августа 1762 г. перемѣстила въ Москву на должность президента мануфактуръ-коллегіи, была воспріемницею его дѣтей и вскорѣ послѣ коронаціи назначила «куратором университеты Московской» съ сохраненіемъ и званія президента.—Наиболѣе полныя свѣдѣнія объ Ададуровѣ у *П. П. Пекарскаго*, Истор. Акад. Наукъ, ч. I, стр. 506—516. См. также *Шевырева*, Ист. Москов. университ., стр. 123—171. *Русск. Архивъ* 1863 г. (изд. 2-е), стр. 410, 470. *Бумаги* императрицы Екатерины II, т. I, стр. 116, 185, 299, 307.

ковъ, воспитывались на казенномъ содержаніи еще 60 дѣтей разночинцевъ, для приготовленія ихъ въ приказное званіе, обучая ихъ не только правописанью и хорошему слогу, но также ариѳметикѣ, геометріи, географіи, а наиболѣе всего положенію Россійскаго государства. Къ сожалѣнію, мѣра эта не была вполнѣ осуществлена „за неозначеніемъ для содержанія оныхъ учениковъ суммы".

Что касается вообще числа обучавшихся въ то время въ гимназіи, то изъ донесенія куратору Ададурову видно, что къ началу 1764 года считалось ихъ 88 человѣкъ, изъ которыхъ 24 были казенные воспитанники, а остальные 64 своекоштные. Содержаніе или, какъ тогда называлось „жалованье", казеннымъ ученикамъ полагалось по 6 и по 9 руб. въ годъ; но въ это время прилежнѣйшимъ изъ нихъ увеличено оно отъ 12 до 15 руб. [1]).

Между тѣмъ въ управленіи Казанскими гимназіями опять произошла перемѣна: директоръ Савичъ умеръ и 19-го декабря 1763 г. на его мѣсто назначенъ надворный совѣтникъ Алексѣй Никитичъ Кожинъ, дотолѣ состоявшій въ званіи помощника инспектора при ученикахъ Московской университетской гимназіи [2]).—Вмѣстѣ съ этимъ ему велѣно быть и губернаторскимъ товарищемъ, такъ какъ тогда Веревкинъ совсѣмъ былъ уволенъ отъ службы въ Казани и причисленъ къ кабинету ея величества „для перевода съ иностранныхъ на россійскій языкъ книгъ".

Управленіе гимназіями Кожина было еще кратковременнѣе управленія Савича: дѣйствительное завѣдываніе гимназіями продолжалось около года, но официально считался онъ въ должности директора лишь пять мѣсяцевъ, потому что еще 22-го мая 1764 года назначенъ былъ прокуроромъ государственной камеръ-коллегіи и оставленъ въ Казани впредь, „пока найденъ будетъ на его мѣсто способный чиновникъ" [3]).

---

[1]) *Прибавленія къ Казанскому Вѣстнику* 1828, г. № 44. *Рыбушкина*, Ист. Казани, ч. I, стр. 116.

[2]) По всей вѣроятности, этотъ же Кожинъ упоминается въ числѣ преподавателей въ гимназіи при Академіи Наукъ. *П. Пекарскій*, Ист. Акад. Наукъ, т. II, стр. 948.

[3]) О позднѣйшей дѣятельности Кожина извѣстно, что въ 1788 году онъ просилъ государыню о сложеніи съ него откупной недоимки; а въ 1799 году онъ былъ президентомъ камеръ-коллегіи и сдѣлалъ доносъ на своего предмѣстника, извѣстнаго В. С. Попова, который вслѣдствіе того былъ исключенъ изъ службы. *Русскій Архивъ* 1864, стр. 405; 1865, стр. 220—224.

Кратковременный періодъ директорствованія Кожина не ознаменовался какими-либо важными событіями для гимназій; да и самъ директоръ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ получилъ званіе „коллежскаго прокурора", по видимому, занятъ былъ болѣе разными пререканіями съ губернскими властями.

Замѣчательными случаями этого періода были слѣдующіе:

Вскорѣ по прибытіи въ Казань, Кожинъ, въ исполненіе особаго требованія университета, составилъ подробную опись гимназическихъ зданій и отчетъ въ расходахъ по пріобрѣтенію и передѣлкѣ ихъ. Сущность его рапорта приведена нами выше [1]).

Въ личномъ составѣ преподавателей (информаторовъ) въ этотъ промежутокъ произошла такая перемѣна, что учитель ариѳметическаго класса Лебедевъ выбылъ, а учитель латинскаго класса Моревъ умеръ; вмѣсто ихъ назначенъ былъ студентъ университета Илья Грачевскій, которому за преподаваніе обоихъ предметовъ положено жалованья 100 руб.; съ учителемъ танцованья и фехтованья, датчаниномъ Іоганномъ Верцеліусомъ, заключено новое условіе, по которому онъ выговорилъ себѣ прибавочныкъ 50 руб. въ годъ.

Въ теченіе 1764 года выбыло изъ гимназій, для поступленія въ военную службу, 30 учениковъ; а вновь принято 21, изъ которыхъ двое, какъ дѣти приказнослужителей, зачислены на казенное содержаніе, на основаніи указа 15-го декабря 1763 года. Между учениками дворянской и разночинской гимназіи въ это время, въ силу аппробованнаго отъ его высокопревосходительства главнаго куратора И. И. Шувалова штата, положено, для отличности благородныхъ учениковъ отъ разночинцевъ, имѣть у первыхъ столы въ классахъ покрытые сукномъ (красною каразеею). Что касается учениковъ разночинскаго отдѣленія, то видно, что бо́льшая часть ихъ состояла изъ бѣдняковъ, снискивавшихъ пропитаніе милостынею. Поэтому начальство гимназіи употребляло такую мѣру: „дабы они въ праздности не были, а находились въ ученіи, а какъ въ ученіи будутъ находиться, то-бъ по міру не ходили и не скитались, и въ томъ ихъ обязать подписками" (28-го іюля 1764 года). Хотя положительныхъ указаній и нѣтъ о результатахъ подобной мѣры, однако, по разнымъ послѣдующимъ заявленіямъ, видно, что она не достигала вполнѣ своей

[1]) Приведемъ для любопытства замѣченныя нами цѣны того времени: работа печи съ кирпичемъ обошлась 2 руб. 90 коп., сажень дровъ стоила 50 коп., возъ сѣна 24 коп.

цѣли; да и дѣйствительно, такіе способы не ведутъ къ уничтоженію бѣдности.

Зачисленіе дворянскихъ дѣтей въ гимназію, какъ кажется, было тогда обязательнымъ. По крайней мѣрѣ на такую мысль наводитъ насъ встрѣченный въ дѣлахъ паспортъ, выданный изъ губернской канцеляріи одному ученику. Паспортъ этотъ писанъ на гербовомъ двухъ-копѣечномъ листѣ; строки его не поперегъ страницы, какъ принято, а вдоль. Приводимъ этотъ документъ вполнѣ.

„По указу Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, самодержицы всероссійской, и прочая, и прочая, и прочая.

„Объявитель сего недоросль изъ дворянъ Николай, Гавриловъ сынъ, Даниловъ, который въ Казанскую губернскую канцелярію представленъ на смотръ при доношеніи отъ матери ево Ирины, Васильевой дочери, Даниловой, а въ томъ доношеніи объявлено, что ему отъ роду семь лѣтъ, россійской грамотѣ читать и писать не обученъ, и просила о дачѣ ему для обученія указныхъ наукъ въ домѣ ево паспорта; того ради, по указу Ея Императорскаго Величества и по резолюціи Казанской губернской канцеляріи велѣно означенному недорослю для обученія указныхъ наукъ изъ Казанской губернской канцеляріи дать паспортъ, чего ради сей и данъ. Іюля 12 дня 1764 года. Князь Петръ Вадбольскій.

У сего паспорта Ея Императорскаго Величества Казанской губерніи печать (М. П.) Въ Казанской губерніи коллегіи секретарь Андрей Мазалевскій. Канцеляристъ Алексѣй Филиповъ“.

Не лишены интереса отношенія мѣстныхъ властей и судебныхъ мѣстъ къ гимназіямъ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1764 года учитель танцованія и фехтованія датчанинъ Верцеліусъ за неплатежъ денегъ по векселю симбирскому купцу Пустынникову [1]), былъ взятъ казанскимъ

---

[1]) Пустынниковъ, иначе Мясниковъ, — былъ финансовая сила своего времени. Онъ былъ зять знаменитыхъ въ прошедшемъ столѣтіи заводчиковъ Твердышевыхъ. Фамилія Твердышевыхъ коренная симбирская: она извѣстна тамъ почти съ самаго построенія Симбирска. По крайней мѣрѣ въ концѣ XVII вѣка въ Симбирскѣ Твердышевы считались первыми торговцами. Существуетъ преданіе, что во время похода Петра Великаго на Кавказъ въ 1723 году, при отплытіи его изъ Симбирска, гребцами на его лодкѣ были Иванъ и Яковъ Борисовичи Твердышевы и женатый на ихъ сестрѣ Татьянѣ Иванъ Семеновичъ Пустынниковъ. Петръ, замѣтивъ ихъ бойкость и смѣтливость, посовѣтовалъ имъ, по примѣру Демидова, заняться горнымъ дѣломъ и на разживу далъ 500 рублей, обѣщая помогать и впослѣдствіи, если они отыщутъ руду. Въ царствованіе Елизаветы Твердышевы и Пустынниковъ уже имѣя 8 мѣдныхъ и

словеснымъ судьею Шапошниковымъ подъ арестъ. Конечно, Верцеліусъ обратился къ командиру гимназій съ просьбою о защитѣ: Кожинъ съ своей стороны офиціально просилъ губернатора, князя Тенишева, приказать магистрату освободить Верцеліуса изъ подъ ареста, такъ какъ, въ силу данныхъ университету и подвѣдомымъ ему учебнымъ заведеніямъ привиллегій, учителя судятся своимъ судомъ. Губернаторъ, однако, не уважилъ этого ходатайства и отвергнулъ представленные доводы. Тогда Кожинъ прибѣгъ подъ защиту университета и просилъ куратора Ададурова вступиться въ это дѣло. Наконецъ, при посредствѣ университета, Верцеліусъ былъ выпущенъ изъ подъ ареста; однако, на него наведенъ былъ такой страхъ, что онъ безвыходно сидѣлъ дома, боясь, что его вновь арестуютъ. Чтобы разсѣять этотъ страхъ въ несостоятельномъ должникѣ, по указу университетской канцеляріи, велѣно дать Верцеліусу солдата, который провожалъ бы его, когда онъ будетъ выходить изъ дома. Не будемъ разказывать весь ходъ этого дѣла, тѣмъ болѣе, что мы и не могли прослѣдить его до конца; но замѣтимъ, что переписка Кожина съ

желѣзныхъ заводовъ въ нынѣшнихъ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ; въ 1760 году всѣ они трое возведены были въ дворянское званіе. Замѣчательно, что какъ Твердышевъ, такъ и Мясниковъ-Пустынниковъ, не имѣли дѣтей мужескаго пола, а только однѣхъ дочерей. Екатерина II въ 1767 году останавливалась въ Симбирскѣ въ домѣ Твердышевыхъ, жившихъ вмѣстѣ съ Пустынниковымъ и, какъ разказываютъ, тремъ его дочерямъ сама назначила жениховъ, въ числѣ которыхъ былъ и извѣстный Г. В. Козицкій, состоявшій тогда въ свитѣ императрицы Громадныя имѣнія Твердышевыхъ и Пустынникова, простиравшіяся до 76.000 крестьянъ, кромѣ заводовъ, по женской линіи раздѣлились между дворянскими фамиліями Бекетовыхъ, Бибиковыхъ, Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, Дурасовыхъ, Кушниковыхъ, Лаваль, Мельгуновыхъ, Пашковыхъ и др. Изъ принадлежавшихъ Твердышевымъ домовъ въ Симбирскѣ, одинъ (въ которомъ останавливалась Екатерина) принадлежитъ нынѣ почтовому вѣдомству, а другой — губернской гимназіи. Оба они послѣ пожара 1864 года совершенно измѣнили свой видъ и расположеніе. О первомъ изъ нихъ ходитъ въ народѣ молва, будто изъ него существовалъ подземный ходъ на Волгу. Нѣкоторыя подробности о Твердышевыхъ сообщены въ *Симбирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* разныхъ годовъ и въ «Сборникѣ историч. и статистич. матеріаловъ о Симбирской губерніи» 1868 года, стр. 186—192; о заводахъ Твердышевскихъ можно найдти у *П. И. Рычкова* въ его «Оренбургской топографіи», ч. II, стр. 223 — 238; о роскошной жизни Н. А. Дурасова, одного изъ наслѣдниковъ Мясникова-Пустынникова, см. въ письмахъ миссъ *Вальмотъ*, жившей у княгини Е. Р. Дашковой (*Русскій Архивъ* 1873, стр. 1890) и въ «Семейной хроникѣ *С. Т. Аксакова*, стр. 406—414 (по изданію 1858 года). О раздѣлѣ имѣній Твердышевыхъ и Мясникова см. *Русскій Архивъ* 1872, стр. 235.

губернаторомъ по этому обстоятельству, въ связи съ другими, подъ конецъ приняла особенный характеръ. Такъ, напримѣръ, губернаторъ обратился къ Кожину не „отношеніемъ“, а „указомъ“. Кожинъ „указа“ не принялъ, считая для себя унизительнымъ такую форму официальной переписки. Не смотря на то, губернская канцелярія вторично прислала ему „указъ“. Видя въ этомъ почти оскорбленіе, Кожинъ просилъ Московскій университетъ разъяснить, слѣдуетъ ли ему, директору гимназій, ни мало не подчиненныхъ губернатору, принимать отъ него „указы“?

Нельзя оставить безъ замѣчанія, что если во всемъ этомъ со стороны Кожина и выказывалась крайняя преданность формальности, отчасти, быть можетъ, и его личное неумѣнье обращаться съ людьми,— тѣмъ не менѣе, со стороны губернскихъ властей проявлялось намѣренное покушеніе унизить гимназію, показать ей, что она ничто предъ мѣстною администраціею, хотя и ограждена особыми правами и преимуществами. Еще въ 1756 году, особымъ сенатскимъ указомъ 5-го марта, опубликовано было, что Московскій университетъ не подчиненъ никакому иному правительственному учрежденію кромѣ сената, что съ равными мѣстами и административными органами онъ сносится „промеморіями“, а въ низшія посылаетъ „указы“. Не смотря на то, многія присутственныя мѣста не уразумѣли, или не хотѣли уразумѣть, своихъ отношеній къ университету, точно также не признавали дарованныхъ ему правъ, не исполняли его требованій, относились къ нему съ-высока, арестовывали преподавателей и т. п. Университетъ даже вынужденъ былъ на все это жаловаться сенату и его жалобы вызвали, 22-го декабря 1757 года, новый указъ, повелѣвавшій: „всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ впредь онаго университета учителей, безъ сношенія съ тѣмъ университетомъ, отнюдь собою по дѣламъ касающимся до нихъ не брать, подъ опасеніемъ взысканія за то по указамъ“ [1]). Теперь слѣдуетъ припомнить, что Казанская гимназія, какъ значилось въ указѣ 21-го іюля 1758 года, учреждалась „съ такими же выгодами, какъ и въ Московскомъ университетѣ“. На этихъ основаніяхъ претензіи Кожина были весьма справедливы [2]). Впрочемъ, лѣтъ за 35 до описываемаго времени, въ Казани

---

[1]) Полн. Собр. Закон. т. XIV, № 10781.

[2]) Не лишнее, однако, замѣтить, что Кожинъ въ иныхъ случаяхъ безпрекословно исполнялъ желанія Тепляшева. Такъ, по его «требованію», онъ немедленно составилъ «изъясненіе, какимъ образомъ день всевысочайшаго тезоиме-

губернаторы относились къ учителямъ еще грубѣе: знаменитый Артемій Волынскій, въ своемъ загородномъ дворѣ, одного учителя духовной школы билъ батожьемъ передъ собою смертно, а оная школа, говоритъ митрополитъ Сильвестръ въ своемъ доношеніи синоду, строена и жалованье получаетъ изъ дому архіерейскаго, а не отъ губерніи [1]). Но о Волынскомъ и говорить нечего: онъ въ три или четыре пріема бивалъ немилостиво по обѣимъ щекамъ и не учителей семинарской школы...

V.

Управленіе гимназіями, какъ мы сказали выше, было оставлено за Кожинымъ до того времени, пока найдется на его мѣсто способный человѣкъ. Наконецъ, такой человѣкъ пріискался: 26-го августа 1764 г. главнымъ командиромъ гимназій назначенъ надворный совѣтникъ фонъ-Каницъ.

Онъ управлялъ гимназіями до конца своей жизни, послѣдовавшаго въ 1781 году, и въ теченіе всего этого времени, ревностно занимался устройствомъ порученныхъ ему заведеній, находилъ досугъ и возможность обращать вниманіе на многіе другіе предметы и вообще принималъ самое дѣятельное участіе въ важнѣйшихъ событіяхъ, какими ознаменовался этотъ почти семнадцатилѣтній періодъ для самой Казани. Все это даетъ Каницу полное право на добрую память о немъ и налагаетъ на насъ обязанность изложить по возможности подробнѣе событія этого періода, а съ тѣмъ вмѣстѣ сообщить болѣе свѣдѣній о личности самого Каница [2]).

Нѣкоторыя біографическія данныя о Каницѣ и первоначальной его службѣ мы находимъ въ собственномъ его прошеніи, которое онъ подавалъ въ февралѣ 1777 года на Высочайшее имя о производствѣ его въ слѣдующій чинъ.

Юлій Ивановичъ фонъ-Каницъ происходилъ изъ остзейскихъ дворянъ. Не извѣстно, когда онъ родился, но видно, что онъ съ 1743

нитства ея императорскаго величества въ городѣ Казани празднованъ», и отправилъ его въ канцелярію университета для припечатанія въ вѣдомостяхъ.

[1]) Матеріалы о Волынскомъ, стр. 111. *Чтенія Моск. Общества Исторіи* 1862, ч. IV.

[2]) Обѣщаніе такое заявлено было мною печатно еще за 20-ть лѣтъ назадъ. См. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1854, № 8, Отд. III, стр. 35.

года обучался въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1751 г. былъ выпущенъ арміи прапорщикомъ. Въ 1752 г. онъ былъ опредѣленъ при юстицъ-коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ поручикомъ, а въ 1754 г. назначенъ тамъ же секретаремъ; въ январѣ 1762 г. онъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника, а въ 1764 г., какъ сказано, переведенъ командиромъ гимназій въ Казань съ назначеніемъ жалованья 800 рублей. При отправленіи къ мѣсту новой службы ему выдано, не въ счетъ жалованья, 174 руб. 72 коп. на путевыя издержки [1]).

Каницъ прибылъ въ Казань уже 3-го января 1765 года, а 7-го числа вступилъ въ должность, принявъ отъ Кожина всѣ гимназическія зданія, дѣла, суммы и прочее имущество. Изъ составленныхъ при этомъ описей и журналовъ усматривается, что наличныхъ денегъ въ гимназіи было 1.320 руб. 20 коп. (въ томъ числѣ 104 руб. 20 коп. серебряною монетою, а остальныя 1.216 руб. мѣдною); гимназическая библіотека состояла только изъ 96 сочиненій нѣмецкихъ, французскихъ и латинскихъ. Относительно же гимназическихъ зданій сдѣланы, между прочимъ, такія замѣчанія: 1) зданія оказываются большею частію ветхими и въ такой неисправности, что нѣкоторыя комнаты зимою нельзя было топить; вообще же они тѣсны, особенно для помѣщенія новыхъ 60 воспитанниковъ изъ приказно-служительскихъ дѣтей, согласно указу 13-го декабря 1763 г.; 2) гимназическій домъ стоитъ „въ близости одной подозрительной улицы, отъ чего взрослые ученики весьма худымъ поступкамъ способъ и пользованіе имѣть могутъ“; 3) кромѣ того, гимназіи окружены большею частію пустыми мѣстами и садами, а притомъ овраги есть немалые при состоящихъ большихъ деревьяхъ, караулъ же при гимназіяхъ состоитъ изъ четырехъ человѣкъ при одномъ унтеръ-офицерѣ, безъ всякаго военнаго снаряда и не точію не имѣютъ ружей, но и тесаковъ при нихъ нѣтъ, то и можно заключить, что великое опасеніе гимназіямъ отъ злодѣевъ есть; 4) наконецъ усмотрѣно, что чрезъ одну только проѣзжую улицу отъ гим-

---

[1]) Каницъ, какъ видно, былъ всегда человѣкъ искательный. Изъ письма бывшаго оберъ-прокурора Глѣбова къ императрицѣ Екатеринѣ II (20-го февраля 1764 г.) открывается, что еще въ 1755 г. «бывшій тогда секретарь Каницъ» подстрекнулъ Глѣбова къ исканію руки вдовы графини М. С. Гендриковой, сообщивъ Глѣбову, «будто при дворѣ будетъ скоро одной знатной дамы съ камергеромъ сватьба»—М. С. Гендриковой съ С. Г. Строгоновымъ.—См. Бумаги императрицы Екатерины II, изд. *Пекарскимъ;* т. I, стр. 342.

назическаго дома складываютъ на небольшихъ тутъ пустыряхъ разныхъ чиновъ обыватели отъ самовольности великой скверной навозъ. отъ чего по вешнему времени можетъ происходить дурной воздухъ и народу тѣмъ наносить вредность".

О всѣхъ этихъ недостаткахъ и неудобствахъ Каницъ безотлагательно сдѣлалъ донесеніе по начальству, а о нѣкоторыхъ сообщилъ губернской канцеляріи и Казанской полицейской конторѣ. Такимъ образомъ, по его настоянію, полиція воспретила сваливать нечистоты вблизи гимназическихъ домовъ, а губернаторъ (дѣйств. ст. совѣтникъ Андрей Никитичъ Квашнинъ-Самаринъ) разрѣшилъ отправленіе военнаго караула къ гимназіямъ. На ходатайство же Каница о назначеніи особыхъ суммъ на покупку или на построеніе новыхъ зданій для гимназій кураторъ Ададуровъ, 22-го февраля 1765 г., отвѣчалъ въ формѣ частнаго письма, чтобъ онъ, „учиня о всемъ такое объясненіе *на россійскомъ языкѣ*, представилъ для разсмотрѣнія въ университетъ". Такой совѣтъ куратора показываетъ, что Каницъ обращался къ нему съ просьбою не на русскомъ языкѣ, а вѣроятно, на нѣмецкомъ; но изъ матеріаловъ, которыми мы пользовались, этого не видно. Мы можемъ при этомъ засвидѣтельствовать, что множество бумагъ, собственноручно писанныхъ Каницомъ, показываютъ, что онъ владѣлъ русскимъ языкомъ хорошо и что слогъ его былъ не хуже слога нѣкоторыхъ тогдашнихъ литераторовъ. Впрочемъ, ходатайство Каница по этому предмету еще довольно долго не получало разрѣшенія.

Каницъ съ первыхъ дней управленія гимназіями старался, какъ говорится, „подтянуть" разшатавшуюся дисциплину. Хотя и дана была отъ директора университета особая инструкція, относительно наблюденія „за порядочностію поступковъ учениковъ и учителей", однако она, какъ видно, соблюдалась не строго, тѣмъ болѣе, что университетъ, настаивая на исполненіи разныхъ своихъ предписаній, скупо надѣлялъ командировъ гимназій средствами къ тому. Сказано было выше, какъ неаккуратность высылки денегъ на содержаніе гимназій доводила учениковъ до нищенства и удаленія изъ гимназій подъ разными предлогами. Что касается учителей, то и имъ жалованье, вообще очень незначительное, выдавалось не сполна: такъ, напримѣръ, бывшій инспекторъ Траубенталь, только лично явившись въ Москву, выхлопоталъ свое прибавочное жалованье за цѣлый годъ; вдовѣ учителя геометріи Морозова, умершаго въ іюлѣ 1760 г., выдано университетомъ заслуженное ея мужемъ жалованье лишь въ декабрѣ 1765 г., послѣ неоднократныхъ, можно сказать, слезныхъ представленій со

стороны гимназіи [1]). Весьма естественно, что при такихъ порядкахъ трудно было находить преподавателей хорошихъ, какъ естественно и то, что командиры гимназій вынуждались смотрѣть сквозь пальцы на слабости и недостатки учителей. Самъ Каницъ, при всей своей строгости и настойчивости, далеко не достигалъ своихъ цѣлей, особенно въ первые годы управленія. Учениковъ нерадивыхъ и не являвшихся въ классы безъ объяснешія причинъ онъ началъ исключать; но увольнять учителей или принимать противъ нихъ особенныя мѣры онъ не могъ. Разрѣшая отпуски ученикамъ и учителямъ, онъ ввелъ „реверсы“ или подписки, что отпускаемые будутъ являться непремѣнно въ срокъ, а за просрочку „подвергаться вычетамъ изъ жалованья и сверхъ того штрафу, какой отъ главной команды положенъ будетъ“. Онъ завелъ также „штрафный журналъ“, въ который записывались всѣ проступки учителей и учениковъ. Желая, чтобъ учители всецѣло отдались гимназіи, Каницъ даже настаивалъ, чтобъ они, безъ его разрѣшенія, „въ партикулярныхъ домахъ учить приватно не дерзали“.

Каницъ, какъ видно, не чуждался обыкновенія дѣйствовать просвѣтительнымъ образомъ на народъ. при помощи различныхъ аллегорическихъ представленій. По крайней мѣрѣ, въ продолженіе своей службы въ Казани, онъ едва ли пропустилъ хоть одинъ высокоторжественный день, не устроивъ какого-либо празднества, и программы этихъ празднествъ, кажется, всегда сочинялись имъ самимъ. Считаемъ за должное привести описанія такихъ торжествъ, о которыхъ встрѣтили мы въ дѣлахъ гимназіи болѣе или менѣе обстоятельныя реляціи. Едва ли кто будетъ спорить, что такіе факты, при всей кажущейся маловажности, имѣютъ значеніе серьезное, какъ выраженіе вкусовъ и понятій извѣстнаго разряда людей, пытавшихся по собственному побужденію или призванныхъ силою обстоятельствъ быть руководителями массъ, сѣятелями въ нихъ началъ просвѣщенія.

Въ 1765 г. день рожденія государыни императрицы, 21-го апрѣля, былъ отпразднованъ слѣдующимъ порядкомъ. По окончаніи божественной литургіи и благодарственнаго молебствія, совершенныхъ въ каѳедральномъ Благовѣщенскомъ соборѣ архіепископомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ Веніаминомъ, былъ обѣденный столъ у губернатора Квашнина-Самарина. Послѣ обѣденнаго стола всѣ гости от-

---

[1]) *Владимірова*, Историч. Записка, I, стр. 91.—Каковы были учители того періода, см. тамъ же, 108.

правились въ гимназію, гдѣ благородными учениками представленъ нарочно для этого случая сочиненный прологъ, въ которомъ дѣйствующими лицами были: „Судьба, Россія и Казань“. Театръ представлялъ прекрасную рощу, въ концѣ которой находились три зеленыя, цвѣтами и плодами украшенныя, арки. Въ средней аркѣ видна была прозрачная картина, на которой изображалось Всевидящее Око, а подъ нимъ въ облакахъ — портретъ государыни императрицы. Въ боковыхъ аркахъ устроены были прозрачныя пирамиды, изъ которыхъ на одной изображался вензель имени императрицы, а на пьедесталѣ надпись: „Рождена къ моему благоденствію“; на другой же пирамидѣ изображенъ былъ вензель имени государя цесаревича Павла Петровича, съ надписью на пьедесталѣ: „Залогъ непремѣннаго Божія ко мнѣ благоволенія“. Посѣтители столько восхищены были представленіемъ пролога, что выразили желаніе видѣть его повтореніе. Вслѣдствіе этого и на другой день вновь сыгранъ былъ прологъ, а потомъ еще трагедія Сумарокова „Синавъ и Труворъ“: стеченіе зрителей въ этотъ разъ было еще многочисленнѣе прежняго [1]). Нельзя не пожалѣть, что при дѣлахъ гимназіи не сохранилось отпусковъ съ прологовъ, хотя извѣстно, что копіи съ нихъ всегда представлялись въ университетъ. Конечно, можно предполагать, что всѣ они составлены по общепринятому тогда реторическому рецепту и не отличались особенными литературными достоинствами, тѣмъ не менѣе они, какъ pièces du jour, будучи писаны къ случаю, съ предвзятою идеей, могутъ служить иногда очень правильнымъ мѣриломъ настроенія современныхъ умовъ. Съ этой стороны такія произведенія являются уже довольно важнымъ матеріаломъ при изученіи данной эпохи, и потому собраніе и обнародованіе ихъ можетъ признаваться полезнымъ.

Въ дѣлахъ описываемаго года встрѣчаются свѣдѣнія о личномъ составѣ преподавателей гимназій и распредѣленіи между ними предметовъ. Инспекторомъ гимназіи въ эту пору былъ Андрей Виллемсенъ, преподававшій нѣмецкій языкъ въ высшихъ классахъ; законоучителемъ—священникъ Григорій Котельницкій; учителями же состояли: студенты Петръ Ямпольскій—геометріи, Илья Грачевскій—ариѳметики и латинскаго языка въ высшихъ классахъ, Алексѣй Даниловъ—ариѳметики въ низшихъ классахъ; Петръ Тихомировъ—латинскаго въ среднихъ и Борисъ Петропавловскій—того же языка въ

[1]) *Прибавленія къ Казанскому Вѣстнику* 1828, № 44.

низшихъ; иностранцы—Карлъ Манженъ французскаго языка, Ааронъ Тихъ—нѣмецкаго, Іоганъ Верцеліусъ—танцованія и фехтованія и Даніилъ Орфеевъ—инструментальной музыки [1]).

Содержаніе гимназіи въ этотъ годъ обошлось въ 3.400 рублей, вмѣсто положенныхъ по штату 2.900 руб., потому что причислены были еще 500 руб. прибавочные къ жалованью фонъ-Каница. Занимаясь веденіемъ хозяйственной части съ возможною аккуратностію, Каницъ всѣ потребные для гимназіи матеріалы (даже канцелярскія принадлежности) пріобрѣталъ не иначе, какъ съ торговъ, которые обыкновенно публиковались въ городѣ „выставленными троекратно въ пристойныхъ мѣстахъ билетами“. Мы приведемъ здѣсь встрѣченныя нами цѣны на нѣкоторые поставленные въ гимназію предметы: стопа лучшей писчей бумаги стоила 1 руб. 30 коп., стопа бумаги простой—90 коп., фунтъ сургуча—1 руб. 12 коп., пудъ сальныхъ свѣчей—1 руб. 60 коп., сажень дровъ ильмовыхъ и березовыхъ 50 коп. („и ниже этого получить было не возможно“), сажень сосновыхъ, длиною въ полтора аршина 65 коп., липовыхъ и осиновыхъ—45 коп., бревна для заборныхъ столбовъ по 9 коп. каждое, ведро—3 коп., ушатъ—13 копѣекъ.

Не одна внѣшняя сторона благоустройства гимназій занимала фонъ-Каница; напротивъ, онъ представилъ свои замѣчанія и о разныхъ несообразностяхъ во внутренней организаціи ввѣреннаго ему заведенія. Кураторъ Ададуровъ, точно также занятый тогда составленіемъ новаго устава университета, какъ видно, принялъ замѣчанія Каница благосклонно, потому что поручилъ ему изложить ихъ въ правильной формѣ проекта положенія и штата. Каницъ занялся этимъ дѣломъ съ особеннымъ усердіемъ и представилъ свой проектъ въ концѣ декабря.

Проектъ этотъ, свидѣтельствующій о внимательномъ отношеніи фонъ-Каница къ возложеннымъ на него обязанностямъ, заслуживалъ бы приведенія его въ полномъ видѣ. Къ сожалѣнію, не снявъ съ него копіи, въ настоящую пору я долженъ ограничиться сообщеніемъ краткихъ выписокъ.

---

[1]) Въ «Историч. Запискѣ» г. Владимірова прозваніе этого учителя постоянно печатается «Орефьевъ», но мы свое чтеніе считаемъ болѣе правильнымъ. Безъ сомнѣнія, сынъ этого Орфеева, «протоколистъ Иванъ Даниловичъ Орфеевъ», упоминается Державинымъ въ описаніи потопленія Ѳ. М. Дубенскаго при переѣздѣ черезъ Неву въ 1796 г. Сочиненія *Державина*, издан. подъ редакціей *Я. Грота*, ч. I, стр. 512.

Каницъ проектировалъ, что дворянское отдѣленіе гимназіи должно было имѣть не менѣе 40 учениковъ, а отдѣленіе разночинское не менѣе 100, при чемъ дѣти дворянъ отличались отъ дѣтей разночинцевъ особымъ платьемъ и сидѣли за отдѣльными столами, покрытыми кожею или красною каразеею.

Опредѣливъ порядокъ занятій учениковъ какъ въ учебные, такъ и въ праздничные дни, Каницъ затѣмъ высказываетъ мнѣніе, что обученіе въ гимназіяхъ языкамъ и наукамъ должно имѣть цѣлью приготовить такихъ людей, „которые бы со временемъ во всякомъ чинѣ были въ состояніи оказывать услуги отечеству“. На этомъ основаніи курсъ гимназическаго ученія онъ значительно разширилъ и признавалъ необходимымъ преподавать слѣдующее: а) языки: латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій, итальянскій и еврейскій, — послѣдній лишь въ томъ случаѣ, если при университетѣ откроется богословскій факультетъ; б) науки: законъ божій, „правописаніе и штиль россійскаго языка“, реторику, поэзію, логику съ метафизикой, ариѳметику, геометрію, фортификацію, исторію и географію „съ особливѣйшимъ объясненіемъ о Россійскомъ государствѣ“ и генеалогію; в) искусства: рисованіе, музыку, танцованіе и фехтованіе. Кромѣ того, Каницъ, немедленно по вступленіи въ должность командира гимназій, составилъ изъ учениковъ хоръ пѣвчихъ подъ руководствомъ учителя ариѳметики Ильи Грачевскаго, которому обѣщалъ исходатайствовать за это особую награду [1]).

Нельзя не указать на то замѣчательное обстоятельство, что Каницъ первый изъ директоровъ озаботился ввести въ кругъ гимназическаго курса изученіе „правописанія и штиля россійскаго языка“ и обращалъ особенное вниманіе на преподаваніе этихъ предметовъ. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ ордеровъ по этому вопросу онъ вмѣняетъ информаторамъ при обученіи „россійскому языку“ чаще заставлять учениковъ писать подъ диктовку на доскѣ или въ тетрадяхъ „и чрезъ вопросы и отвѣты показывать имъ, гдѣ какая часть рѣчи или который падежъ, наклоненіе, время и прочее, непремѣнно наблюдая во всякомъ случаѣ орѳографію; а дабы они притомъ обу-

[1]) Учитель Грачевскій, какъ видно, былъ не только математикъ и латинистъ, но и пінта. Каницъ представлялъ въ университетъ сочиненную Грачевскимъ оду на день рожденія императрицы. Ададуровъ, изъявляя свою благодарность за сочиненіе оды, совѣтовалъ однако Грачевскому избѣгать выраженій несвойственныхъ русскому языку, напримѣръ, «воскрилять» и т. п., хотя бы ихъ и привелось употребить «для мѣры стиховной и отчасти для риѳмы».

чались разбиранію письма чужихъ рукъ, то должно, взявъ изъ конторы (то-есть, гимназической) рукописные указы, заставлять ихъ непремѣнно читать и обо всемъ оном паиревностнѣйшее придавать стараніе".

Обращая вниманіе университета на то, что цѣль правительства привлечь въ гимназіи наиболѣе дѣтей помѣщиковъ не вполнѣ достигается, и что „нѣкоторые дворяне, по непростительному о дѣтяхъ своихъ нерадѣнію, обыкли воспитывать ихъ паче въ деревняхъ своихъ безъ учителей и въ грубости, нежели отправлять въ посвященное мѣсто наукамъ и хорошему воспитанію",—Каницъ признавалъ весьма полезнымъ „сенатскимъ указомъ узаконить, чтобъ такіе люди нѣкоторымъ образомъ принуждены были дѣтей своихъ записывать въ гимназіи". Въ видахъ тщательности наблюденія за такими не радящими о своихъ дѣтяхъ родителями, Каницъ считалъ необходимымъ командиру гимназій „имѣть мѣсто и голосъ въ губернской канцеляріи, хотя и сверхъ штату".

Жалуясь на недостатокъ хорошихъ преподавателей, такъ какъ „съ охотою не пріѣзжаютъ сюда, яко въ отдаленное мѣсто, учители какъ чужестранные, такъ и природные россійскому отечеству", Каницъ въ своемъ проектѣ высказывалъ, что привлечь учителей возможно пожалованіемъ имъ офицерскихъ чиновъ. По его мнѣнію, сіи чины дозволили бы имъ приступить къ знатнымъ компаніямъ, которыми они теперь, какъ люди безчиновные, будучи презираемы, не пользуются, а чрезъ сіе лишаются случаевъ узнать, какъ жить въ свѣтѣ и научиться благородному поведенью, которое вкоренить должны въ юношество. На этомъ основаніи онъ считалъ приличнымъ учителямъ высшихъ классовъ присвоить чинъ поручика, учителямъ низшихъ классовъ — чинъ прапорщика, а инспектору — капитанскій рангъ или характеръ титулярнаго совѣтника".

Таковы были важнѣйшія изъ положеній составленнаго Каницемъ проекта устава и штата гимназій. Но проектъ этотъ хотя и составленъ былъ по вызову университетскаго начальства, однако оставался долго безъ исполненія. Замѣчательнѣе же всего то, что онъ большею частію послужилъ основаніемъ для устава Казанской гимназіи, Высочайше утвержденнаго императоромъ Павломъ 29-го мая 1798 года [1]). Между прочимъ, по всей вѣроятности выраженная Капицемъ

---

[1]) *Рыбушкинъ*, Исторія Казани, I, 117. *Прибавленія къ Казанскому Вѣстнику* 1828, г. № 44.

же идея подала впослѣдствіи поводъ къ именованію Казанской гимназіи „Императорскою“, хотя такого титула ей не было присвоено никакимъ указомъ или распоряженіемъ высшаго начальства. Въ 1-й статьѣ своего проекта Каницъ высказалъ слѣдующее: „Когда учрежденіе и содержаніе Казанскихъ гимназій, въ благодѣяніе всему обществу, зависитъ отъ иждивенія Ея Императорскаго Величества, то для приращенія ихъ знатности и славы, особливо въ здѣшнихъ странахъ, полезнѣе было бы именоваться имъ „Императорскими гимназіями“ [1]).

Мы ничего не можемъ сообщить о состояніи гимназіи въ 1766 году, потому что дѣлъ за этотъ годъ не отыскалось. Впрочемъ, изъ бумагъ 1767 года видно, что постоянною заботою Каница было желаніе обезпечить содержаніе учениковъ. И Веревкинъ, и Кожинъ, въ свое время, также хлопотали объ этомъ. Положенныхъ по штату 9

---

[1]) Титулъ «Императорской», сколько открыто по дѣламъ, стали придавать первой Казанской гимназіи губернаторы, которые, съ 1798 г. и до учрежденія Казанскаго университета, считались главными начальниками къ качествѣ попечителей. Съ тѣхъ поръ этотъ титулъ употреблялся официально во всѣхъ документахъ до 1829 года, когда министръ народнаго просвѣщенія, князь К. А. Ливенъ, вслѣдствіе представленія попечителя Казанскаго учебнаго округа, М. Н. Мусина-Пушкина, запретилъ употребленіе его на томъ основаніи, что «въ архивахъ какъ гимназіи, такъ и департамента народнаго просвѣщенія, кромѣ высказанныхъ предположеній Казанскихъ губернаторовъ, не отыскано достаточныхъ актовъ, которые могли бы присвоить этой гимназіи титулъ «Императорской» жалуемый только Высочайшею властію» (см. *Циркуляръ по Казан. учеб. округу* 1866, № 2, стр. 11—13). Не смотря на это, гимназія иногда называлась по прежнему «Императорскою» и позже: такъ, на похвальномъ листѣ, выданномъ въ 1833 г. моему товарищу по университету, ученику гимназіи П. Н. Холмогорову (послѣ былъ профессоромъ арабскаго языка въ Казанскомъ университетѣ) приложена печать съ надписью: «Императорской гимназіи». На этой печати изображался щитъ, раздѣленный на двѣ половины: въ верхней помѣщался государственный гербъ Имперіи, а въ нижней—гербъ Казанской губерніи. Надобно замѣтить, что совершенно такое же изображеніе велѣно было имѣть на пуговицахъ учителей, какъ видно изъ § 19 положенія гимназіи, Высочайше утвержденнаго 29-го мая 1798 г. (Полн. Собр. Зак., т. XXV, № 18.539). Такимъ образомъ, если и не была гимназія названа «Императорскою» въ Высочайшемъ указѣ Казанскому губернатору Ласси, то все-таки онъ и его преемники имѣли нѣкоторое основаніе давать ей такой титулъ. По случаю исполнившагося столѣтія, Высочайшимъ рескриптомъ на имя министра народнаго просвѣщенія, 5-го января 1868 г., въ ознаменованіе заслугъ общеполезной дѣятельности, Первой Казанской гимназіи Всемилостивѣйше присвоено наименованіе «Императорской».

рублей для дѣтей дворянскихъ и 6 руб. для разночинцевъ оказывалось не достаточно; поэтому ходатайствовали о разрѣшеніи увеличивать оклады, по крайней мѣрѣ, прилежнѣйшимъ: дворянамъ до 12 и 15 рублей, а разночинцамъ до 9 и 12 рублей. Этою мѣрою надѣялись возвысить и степень усердія учениковъ: „тѣ, кои малое жалованье получаютъ, побуждены будутъ чрезъ прилежаніе до большаго достигнуть“. Университетъ хотя и находилъ всѣ такія соображенія довольно основательными, однако, къ положительному разрѣшенію дѣла не приступалъ и увѣдомлялъ, что оно должно „остаться впредь до разсмотрѣнія“. Между тѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, университетъ все-таки выражалъ желаніе, чтобы число учениковъ и успѣхи ихъ въ наукахъ увеличивались, а сами они прилично и удовлетворительно содержались. Желаніе очень хорошее, но средствъ къ исполненію его не было. Отъ этого и случалось, что многіе ученики, по прежнему, вынуждались содержаться милостыней, а другіе считали за лучшее оставлять гимназію и записываться въ полки. Только это послѣднее обстоятельство и явилось сильно убѣдительнымъ, что необходимо разрѣшить этотъ вопросъ окончательно. Чтобъ удержать казенныхъ учениковъ отъ перечисленій въ военную службу, по представленію университета, состоялся 3-го сентября 1767 года Высочайшій указъ, которымъ повелѣно увеличить штатное „жалованье“ ученикамъ на половину противъ прежняго, то есть, дворянамъ вмѣсто 9 рублей выдавать по 13 руб. 50 коп., а разночинцамъ вмѣсто 6 руб. по 9 руб.

Важнѣйшимъ событіемъ 1767 года было посѣщеніе Казани императрицею Екатериною. Желая обозрѣть нѣкоторыя изъ отдаленныхъ губерній, государыня вознамѣрилась совершить путешествіе по Волгѣ [1]). Въ началѣ февраля мѣсяца, она, въ сопровожденіи блестящей свиты и нѣкоторыхъ иностранныхъ посланниковъ, отправилась въ Москву, гдѣ и пробыла до 28-го апрѣля. Отсюда переѣхала она въ Тверь, гдѣ за-

[1]) Для руководства въ этомъ путешествіи изданъ былъ (Академіею Наукъ?) дорожникъ подъ заглавіемъ «Географическое описаніе рѣки Волги отъ Твери до Дмитревска для путешествія Ея Императорскаго Величества по оной рѣкѣ», in 4°, стр. 16 (ненумер.) и 8 дов. подробныхъ картъ. Кромѣ того, приготовленъ былъ рукописный экземпляръ чрезвычайно подробнаго и тщательно исполненнаго атласа теченія рѣки Волги. Атласъ этотъ, составляющій огромный фоліантъ, кажется, оставался вовсе не извѣстнымъ нашимъ картографамъ до самаго послѣдняго времени и по какимъ-то обстоятельствамъ находился въ частныхъ рукахъ. Нынѣ этотъ атласъ (съ 1871 г.) принадлежитъ богатому собранію картъ гидрографическаго департамента морскаго министерства.

готовлены были для государыни и ея свиты красивыя галеры (Тверь, Волга, Ярославль и Казань), вооруженныя пушками [1]). Иностранные министры изъ Москвы уѣхали въ Ярославль, чтобы тамъ встрѣтить повелительницу громадной державы. Пробывъ въ Твери трое сутокъ (29-го апрѣля—2-го мая), государыня отправилась на галерахъ по Волгѣ. Главное начальство надъ всею флотиліей принялъ И. Г. Чернышевъ, бывшій тогда вице-президентомъ адмиралтействъ-коллегіи. Всѣхъ находившихся въ плаваніи, по заявленію самой императрицы, было „близко двухъ тысячъ человѣкъ всякаго званія“. Это путешествіе было рядомъ торжествъ и ликованій: берега Волги покрывались народомъ, стекавшимся отвсюду взглянуть на великолѣпное шествіе своей государыни, которую онъ вездѣ привѣтствовалъ восклицаніями; по ночамъ берега рѣки освѣщались зажженными кострами дровъ и смоляными бочками. Не смотря на остановки во всѣхъ значительныхъ городахъ, всегда сопровождавшихся торжественными встрѣчами и празднествами, государыня выказала, можно сказать, неутомимую дѣятельность. Не говоря о томъ, что вездѣ она входила въ подробныя объясненія съ представителями мѣстной администраціи, она ежедневно успѣвала отправить по нѣскольку писемъ (напримѣръ, къ графу Н. И. Панину, къ А. В. Олсуфьеву и другимъ), касающихся чрезвычайно разнообразныхъ предметовъ, иногда первостепенной важности, и находила досугъ заниматься литературою. Такъ, въ продолженіе этого плаванія она, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ состоявшихъ въ ея свитѣ царедворцевъ, перевела Мармонтелева „Велизарія“ и посвятила этотъ переводъ Тверскому епископу Гавріилу, „потому, что онъ мыслями, какъ и добродѣтелію съ Велизаріемъ сходенъ“ [2]). Упомя-

[1]) Галеры эти строены были мастеромъ Щепинымъ въ Твери и спущены на воду 3-го апрѣля 1767. См. (*Веселаго*), Списокъ русскихъ военныхъ судовъ съ 1668 г. по 1860 годъ,—стр. 2 и 3.

[2]) Слова изъ посвятительнаго письма Гавріилу. Этотъ переводъ напечатанъ былъ въ 1768 г. въ Москвѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Велизеръ, сочин. Г. Мармонтеля, переведенный съ французскаго на Волгѣ разными знатными особами». Списокъ лицъ, участвовавшихъ въ переводѣ, помѣщенъ при самой книгѣ, но имена и прозванія обозначены только начальными буквами. Впрочемъ, всѣ эти имена извѣстны. Главы 1 и 4-ю перевелъ Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, 2-ю графъ Зах. Григор. Чернышевъ, 3-ю Сергѣй Михайловичъ Кузьминъ, 5-ю графъ Гр. Гр. Орловъ; 6, 10, 11 и 12-ю Дмитр. Вас. Волковъ; 7 и 8-ю Алексѣй Васил. Нарышкинъ, 9-ю сама императрица; 13-ю Алекс. Ив. Бибиковъ; 14-ю князь Семенъ Бор. Мещерскій; 15-ю графъ Влад. Гр. Орловъ; 16-ю Григорій Васил. Козицкій; посвятительное письмо сочинилъ графъ Андр. Петров. Шуваловъ.

путныя письма императрицы позволяютъ намъ сообщить особенныя подробности о пребываніи ея въ Казани и о впечатлѣніи, какое произвелъ на нее этотъ городъ.

Backmeister. Russ. Bibliothek III, 522. Пастырь, которому такъ почтительно посвятила императрица переводъ Велизарія, принадлежитъ къ замѣчательнымъ іерархамъ Русской церкви. Гавріилъ, по прозванію Петровъ, родился въ маѣ 1730 года. По окончаніи курса въ Московской славяно-греко-латинской школѣ, сначала онъ былъ корректоромъ при Московской синодальной типографіи, а потомъ учителемъ реторики въ Лаврской семинаріи. Въ 1758 году онъ прибылъ въ Петербургъ, принялъ постриженіе и быстро началъ возвышаться: на другой день по постриженіи онъ рукоположенъ въ іеродіаконы, еще черезъ день въ іеромонахи, черезъ недѣлю назначенъ «первымъ соборнымъ іеромонахомъ» Троицко-Сергіевской лавры и ректоромъ семинаріи, а черезъ мѣсяцъ «намѣстникомъ» лавры. Въ 1761 году онъ посвященъ въ санъ архимандрита и сдѣланъ ректоромъ Московской академіи. Въ 1763 году онъ получилъ хиротонію и назначенъ на Тверскую каѳедру, но вскорѣ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для исправленья «послѣдованія въ недѣлю православія». При открытіи коммиссіи для составленія новаго уложенія, Гавріилъ избранъ депутатомъ отъ духовенства и, по смерти митрополита Санктпетербургскаго Дмитрія (Сѣченова), назначенъ членомъ въ дирекціонное отдѣленіе этой коммиссіи. Вскорѣ затѣмъ онъ совсѣмъ перемѣщенъ на каѳедру Новгородскую и Санктпетербургскую съ саномъ архіепископа, а въ 1783 г. возведенъ въ митрополиты и назначенъ первенствующимъ членомъ Синода. Въ этомъ званіи онъ оставался до 1800 г., хотя послѣднее время проводилъ въ Новгородѣ, гдѣ и умеръ въ январѣ 1801 г. Высокое уваженіе къ Гавріилу Екатерина II выразила какъ посвященіемъ «Велизарія», такъ въ особенности тѣмъ, что повелѣла сноситься съ нимъ по дѣламъ тайнымъ генералъ-губернаторской канцеляріи и вообще во многихъ важныхъ случаяхъ спрашивала его мнѣнія. Императоръ Павелъ также оказывалъ ему свою благосклонность и на него первато изъ духовныхъ особъ возложилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, а черезъ полгода пожаловалъ и брилліанты къ нему. Такіе знаки довѣрія и милостей двухъ монарховъ были вполнѣ заслужены преосвященнымъ Гавріиломъ, отличавшимся глубокимъ умомъ, обширными знаніями и вѣрнымъ пониманіемъ стремленій правительства. Но дѣла административныя не отвлекли его отъ прямыхъ обязанностей пастырскихъ; напротивъ того, онѣ составляли для него главную цѣль. Такъ, въ періодъ самыхъ горячихъ работъ по коммиссіи объ уложеніи онъ написалъ «Краткое христіанское нравоученіе» и вмѣстѣ съ знаменитымъ Платономъ (Левшинымъ) составилъ «Поученія на всѣ воскресные и праздничные дни» для чтенія по церквамъ во всей Россіи, а впослѣдствіи, въ дополненіе къ тому, издалъ «Краткія поученія на каждый день во весь годъ». Нѣтъ нужды доказывать пользу этихъ книгъ; онѣ многихъ въ свое время познакомили съ правилами вѣры и христіанской нравственности. Не говоримъ о другихъ трудахъ его, извѣстныхъ печатно и въ рукописяхъ, а прибавимъ только, что его знаніе отечественной словесности и любовь къ ней доставили ему званіе члена академій Россійской и Наукъ, и что эти званія онъ носилъ не по одному имени.

Еще при первомъ извѣстіи о намѣреніи императрицы прибыть въ Казань, фонъ-Каницъ началъ заботиться о томъ, какъ приличнѣе устроить встрѣчу государынѣ, если она удостоитъ своимъ посѣщеніемъ гимназію. Само собою разумѣется, что прибытіе ея въ городъ должно было ознаменоваться иллюминаціей съ приличными случаю аллегорическими картинами; но Каницъ предполагалъ, сверхъ того, привѣтствовать государыню рѣчами и прочитать предъ нею какія-либо разсужденія. О своихъ предположеніяхъ онъ представилъ университету; но оттуда, еще прежде, отъ 3-го апрѣля отправлено было предписаніе, поставлявшее директору въ обязанность, чтобъ „во время прибытія государыни въ Казань, въ классахъ ученики отнюдь не были въ подлыхъ одѣяніяхъ (нагольныхъ тулупахъ, сѣрыхъ кафтанахъ, лаптяхъ и т. п.)“. Въ отвѣтъ же на представленіе Каница присланъ былъ указъ, 25-го апрѣля № 249, разрѣшавшій, для прибытія государыни, построить особую залу и сдѣлать иллюминацію, употребивъ на то до 100 рублей; вмѣстѣ съ этимъ дозволено произнести ученикамъ различныя рѣчи, „а диссертаціи, яко такія сочиненія, которыя требуютъ большаго и основательнѣйшаго въ наукахъ познанія и искусства, нежели какого отъ учениковъ гимназическихъ ожидать можно, были-бъ отставлены“.

Отплывая изъ Твери, государыня разчитывала, что прибудетъ въ Казань недѣли черезъ двѣ или даже дней черезъ двѣнадцать, однако плаваніе ея, за остановками въ городахъ, и отчасти, по причинѣ неблагопріятной погоды, замедлилось почти вдвое, хотя „въ дѣйствительномъ походѣ“ насчитывалось только 8 сутокъ и 9 часовъ, а стоянки на якоряхъ заняли 15 сутокъ и 15 часовъ.

Приведемъ здѣсь свѣдѣнія о посѣщеніи императрицею нѣкоторыхъ мѣстъ, находящихся въ предѣлахъ Казанской губерніи, выше Казани. Мая 25-го она была въ городѣ Чебоксарахъ и отозвалась о немъ: „Чебоксаръ для меня во всемъ лутче Нижняго“; а о Нижнемъ прежде того писала: „Сей городъ ситуаціей прекрасенъ, а строеніемъ мерзокъ“ [1]). Въ синодикѣ Троицкаго Чебоксарскаго монастыря, въ 1846 году, я нашелъ слѣдующую запись о пребываніи императрицы въ г. Чебоксарахъ „При архимандритѣ Хрисанѳѣ было шествіе ея императорскаго величества внизъ по Волгѣ до Казани и до Симбирска. 1767 года, мая 25-го дня, приближася къ городу Чебоксару къ 7-му часу по полу-

[1]) Письма къ гр. Н. И. Панину, стр. 22 и 23; *Чтенія Моск. Общ. Исторіи* 1863, ч. II.

ночи, стали на якорь, а ея императорское величество въ 9-мъ часу изволила въ шлюпкахъ поити къ предуготовленной преизрядною столярною работою пристани, на которой Казанскій губернаторъ съ воеводою того города и множествомъ окрестъ живущихъ дворянъ ожидали прибытія ея. Въ препровожденіи всѣхъ сихъ взошедъ ея величество на гору принята духовнымъ соборомъ подъ предводительствомъ архимандрита монастыря Живоначальныя Троицы Хрисанѳа, за которымъ приложася къ Животворящему Кресту изволила поити въ соборную монастыря того церковь, а оттуда, по возглашеніи многолѣтія, соблаговолила пройти въ домъ отставного надворнаго совѣтника Соловцова, гдѣ всемилостивѣйше жаловала къ рукѣ: 1) воеводу і съ нимъ дворянъ, 2) ихъ женъ, 3) тамошнее купечество. Посемъ ея величество соизволила поити въ коретахъ за городъ, дабы собственнымъ возрѣніемъ осмотрѣть принадлежащія для корабельнаго строенія адмиралтейству дубовыя рощи, куда прибывъ нѣсколько времени пѣшкомъ по онымъ ходить изволила. Оттуда возвратясь опять къ городской пристани изволила въ шлюпкѣ на свою галеру, а по окончаніи обѣденнаго стола, повелѣла, во 2 часа по полудни, поднять якорья и по семичасномъ на греблѣ плытьи стать для ночлега на якорь ниже села Кушникова [1]). А сіе писано сего жъ монастыря игуменомъ Севастіяномъ своеручно". Прибавимъ къ этому, что верстахъ въ пяти отъ Чебоксаръ, по Московскому тракту, показывали прежде большой дубъ, подъ которымъ, по преданію, останавливалась Екатерина для завтрака.

Въ томъ же 1846 году, пересматривая старинныя бумаги Свіяжскаго Богородицкаго монастыря, не особенно тщательно хранившіяся въ сундукѣ съ отломанною крышкою, между прочимъ, встрѣтилъ я синодскій указъ 30-го іюня 1767 года за № 1210, въ которомъ объяснялось, что въ проѣздъ императрицы черезъ Казанскую губернію одинъ купецъ поднесъ ей образъ Святыя Троицы, на которомъ изображено три лица съ четырьмя глазами. Указомъ запрещалось распространеніе въ народѣ подобныхъ изображеній. Копіи съ этого указа я не снялъ; но сколько помнится, въ немъ и не объяснялось подробно, какъ сдѣлано было это изображеніе. По всей вѣроятности, это образъ довольно извѣстный, хотя и нельзя сказать, что онъ очень распространенъ: онъ пишется обыкновенно на доскѣ, на

---

[1]) Въ 45-ти верстахъ ниже Чебоксаръ. См. № 2902 Списка населен. мѣстъ Казанской губ.

плоскости которой утверждены ребромъ, подъ прямымъ угломъ, желѣзныя пластинки или тонкія деревянныя дощечки, шириною въ полвершка и въ разстояніи одна отъ другой на $^1/_4$ вершка, такъ что вся доска представляется состоящею изъ желобковъ или бороздокъ. Если на такую икону смотрѣть съ правой стороны, то можно видѣть лишь правыя стороны утвержденныхъ на ней пластинокъ, и тогда представляется изображеніе Бога-Отца; при взглядѣ на икону съ лѣваго бока видятся только лѣвыя стороны пластинокъ съ изображеніемъ Бога-Сына; наконецъ, если стать противъ образа прямо, то можно видѣть Бога-Духа въ видѣ голубинѣ.

Въ Казань прибыла императрица 26-го мая вечеромъ. По случаю весенняго половодья, царская галера подошла по рѣчкѣ Казанкѣ почти къ самой крѣпости. Встрѣча была вполнѣ торжественная.

По принятому обычаю, государыня прежде всего посѣтила каѳедральный Благовѣщенскій соборъ. На пути отъ пристани, съ Казанки, въ крѣпость, чрезъ Тайницкія ворота, дорога покрыта была краснымъ сукномъ. Во время этого шествія наивное благоговѣніе къ особѣ царской выражено было нѣкоторыми изъ зрителей намѣреніемъ поставить свѣчи передъ государынею...

По выслушаніи молебствія въ соборѣ, августѣйшая посѣтительница отправилась въ назначенный для ея пребыванія домъ, принадлежавшій содержателю суконной фабрики купцу Дряблову. Домъ этотъ былъ каменный и самый большой и богато убранный въ Казани; сама государыня замѣтила его роскошную отдѣлку и писала къ Н. И. Панину: „Я живу здѣсь въ купеческомъ каменномъ домѣ; девять покоевъ енфиладою, всѣ шелкомъ обитые, креслы и канапеи вызолоченые, вездѣ трюмо и марморные столы подъ ними“. Домъ Дряблова находился не въ дальнемъ разстояніи отъ крѣпости, за гостинымъ дворомъ, близь Петропавловской церкви, основанной предмѣстникомъ Дряблова по управленію фабриками, купцомъ Михляевымъ, во время пребыванія Петра I въ Казани. Близь дома, на счетъ купечества, устроены были большія тріумфальныя ворота, состоявшія изъ одной главной и двухъ боковыхъ арокъ; къ нимъ далѣе примыкала галлерея изъ колоннъ и пилястровъ, между которыми поставлены большія, въ ростъ человѣка вырѣзанныя, статуи и другія фигуры; надъ галлереей возвышался куполъ; все это было вызолочено и раскрашено яркими красками. Другія тріумфальныя ворота устроены были Каницомъ близь гимназическихъ зданій: надъ главною аркою воротъ утвержденъ былъ огромный щитъ съ изображеніемъ государственнаго герба

Россійской имперіи, а около воротъ поставлены разныя прозрачныя картины. Весь городъ, сколь возможно было по тогдашнимъ средствамъ, иллюминованъ великолѣпно. Къ сожалѣнію, по имѣвшимся у насъ матеріаламъ, большихъ подробностей о всѣхъ этихъ сооруженіяхъ сообщить мы не можемъ [1]). Надобно прибавить къ этому, что домъ Дряблова стоялъ на одномъ изъ возвышеннѣйшихъ пунктовъ въ городѣ, вообще расположенномъ значительною частью на мѣстности неровной, можно сказать холмистой, и позволялъ обозрѣвать общую праздничную его картину, тѣмъ удобнѣе, что Казань тогда не была такъ застроена высокими каменными домами [2]).

Какъ видно, все это произвело на государыню впечатлѣніе чрезвычайно благопріятное. На другой день по пріѣздѣ, въ письмѣ къ Н. И. Панину, она выражалась такъ: „Мы вчера вечеру сюда пріѣхали и нашли городъ, которой всячески можетъ слыть столицею большаго царства; пріемъ мнѣ отмѣнной, намъ отмѣнно онъ кажется; четвертую недѣлю видимъ вездѣ ровную радость, а здѣсь еще отличнѣе; естьлибъ дозволили, они бы себя вмѣсто ковра послали, а въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ мужики свѣчи давали, чтобъ предо мною поставить, съ чемъ ихъ прогнали. Кутухтою быть здѣсь не долго, однако, выключая сего эксесса, вездѣ весьма чинно все происходитъ; здѣсь тріумфальные ворота такіе, какъ я еще лутче не видала“ [3]). Почти тѣми же фразами она выражалась и въ письмѣ къ А. В. Олсуфьеву: „Сей городъ безспорно послѣ Москвы въ Россіи первой; а Тверь послѣ Петербурга лутчей; во всемъ видно же, что Казань—столица большаго царства. Пріемъ по всей дорогѣ мнѣ былъ весьма

---

[1]) Въ дѣлахъ гимназическихъ особенныхъ подробностей объ этихъ сооруженіяхъ мы не встрѣтили; но у *Сопикова* въ «Опытѣ Россійск. Библіографіи», подъ № 7662 находимъ слѣдующее: «Описаніе и изъясненіе картинъ и эмблемъ на тріумфальныхъ воротахъ, въ Казани построенныхъ для прибытія императрицы Екатерины II. Изображено и сочинено *Каницомъ*. М. 1767, — въ 4°». Изданіе это намъ не извѣстно, а было бы интересно получить о немъ болѣе подробныя свѣдѣнія.

[2]) Домъ, въ которомъ останавливалась Екатерина, впослѣдствіи пріобрѣтенъ былъ дворянскимъ обществомъ Казанской губерніи. Въ одной изъ его комнатъ, въ память посѣщенія императрицы, сдѣлана была надпись. Она существовала до случившагося въ 1815 году большаго пожара. (*Рыбушкинъ*, Исторія Казани, I, 127). Въ пожаръ 26-го августа 1842 года этотъ домъ подвергся новому полному опустошенію; послѣ того онъ перешелъ въ частныя руки и нынѣ совершенно перестроенъ.

[3]) *Чтенія Моск. Общ. Исторіи* 1863 г., II, отд. II, стр. 24.

ласковый и одинаковой, только здѣсь, кажется, еще градусомъ выше, по причинѣ рѣдкости для нихъ видѣть. Однако же съ Ярославомъ, Нижнимъ-Новгородомъ и съ Казанью да сбудется французская пословица, что отъ господскаго взгляду лошади разжирѣютъ: вы уже по сенату свѣдуете, что я для сихъ городовъ распоряженіе дѣлала“ [1]). О пріятномъ впечатлѣніи пребыванія въ Казани императрица вспоминала и впослѣдствіи. Въ извѣстномъ разборѣ путешествія аббата Шаппа („Антидотъ“) государыня пишетъ: „...въ Казани мы могли бы, еслибы хотѣли, танцовать въ теченіе мѣсяца на девятнадцати балахъ: когда мы увидѣли это, то потеряли желаніе возвратиться въ столицу, и не будь къ тому необходимости, не знаемъ, чѣмъ бы кончилось дѣло“ [2]).

Государыня провела въ Казани болѣе пяти сутокъ, съ вечера 26-го мая до утра 1-го іюня, когда она отправилась въ дальнѣйшій путь, въ Жегулевскія имѣнія графовъ Орловыхъ. Въ теченіе всего этого времени происходили въ Казани разныя празднества и овацiи, которыя, однако, нисколько не помѣшали Екатеринѣ заниматься внутренними и внѣшними дѣлами всего государства, пристально всмотрѣться въ положеніе всего здѣшняго края и съ чрезвычайною вѣрностію опредѣлить его значеніе. Вотъ что она писала къ Панину наканунѣ своего отъѣзда изъ Казани: „Отселѣ выѣхать нельзя; столько разныхъ объектовъ, достойныхъ взгляду, idées же на десять лѣтъ здѣсь собрать можно; c'est un Empire à part et il n'y a qu'ici, où l'on peut voir ce que c'est que l'immense entreprise de nos lois, et combien celles d'à présent sont peu conformés à l'état de l'Empire en général; они извели народу безчисленно, котораго состояніе шло по сихъ поръ къ изчезанію, а не къ умноженію, таково же и съ имуществомъ онаго поступлено“. Должно, однако, замѣтить, что этотъ отзывъ едва ли можно относить исключительно къ Казани; кажется, его надобно распространять на весь за-Казанскій край и едва ли не главнымъ образомъ на Ири-Уральскую сторону. По крайней мѣрѣ изъ другихъ писемъ государыни видно, что она, между прочимъ, довольно занята была отношеніями нашими къ Ордынцамъ и Бухарцамъ и на-

---

[1]) *Русскій Архивъ* 1863, стр. 446 и 447. Надобно полагать, что послѣдними словами Екатерина указывала на правила 4-го іюня 1767 г. (Полн. Собр. Закон., т. XVIII, № 12908) для споспѣшествованія къ устроенію каменныхъ домовъ въ Казани. См. Городскія поселенія въ Россійской имперіи, II, 288.

[2]) Осьмнадцатый Вѣкъ, кн. IV, стр. 388.

дѣялась многое разрѣшить личнымъ свиданіемъ съ Оренбургскимъ губернаторомъ въ Казани. А между тѣмъ, въ Оренбургскомъ краю уже съ 1765—1766 гг. ходили слухи, что императоръ Петръ III живъ и разъѣзжаетъ по Яику, для развѣдыванія о народныхъ обидахъ. Распространитель этой молвы, отчаянный проходимецъ казакъ Ѳедоръ Каменщиковъ, извѣстный также подъ прозвищами Слудникова и Алтынаго Глаза, по наказаніи кнутомъ и вырѣзаніи поздрей, сосланъ былъ въ Нерчинскіе заводы въ тягчайшую работу вѣчно; тѣмъ не менѣе толки о разъѣздахъ Петра III и его довѣренныхъ лицъ находили полную вѣру въ недовольныхъ казакахъ и поддерживали между ними волненіе до того, что въ 1767 году привелось ихъ усмирять силою оружія [1]). Черезъ пять лѣтъ послѣ, все это, какъ извѣстно, разыгралось въ страшно-кровавую драму... Мы считаемъ пустословіемъ, когда, при изложеніи какихъ-либо историческихъ событій, задаются вопросы: что̀ случилось бы, еслибы то или иное лицо поступило вотъ такъ, какъ желательно историку. Передавая фактъ совершившійся, нечего уже разсуждать, какъ можно было бы совершить его иначе. Но при всемъ томъ и мы не можемъ не допустить, что многаго, быть можетъ, не случилось бы вовсе, а многое произошло бы иначе въ Оренбургскомъ краѣ, еслибъ Екатерина въ это путешествіе ознакомилась съ нимъ лично...

Въ Казани Екатерина находила себя „весьма хорошо, истинно какъ дома“, по собственному ея выраженію. Нѣтъ сомнѣнія, что этому внутреннему довольству главною причиною была, собственно ей одной принадлежавшая, необыкновенная способность обращаться съ людьми, привлекать къ себѣ всѣхъ и каждаго, съ кѣмъ только вступала она въ какія-либо отношенія. 28-го мая она посѣтила Казанскій дѣвичій Богородицкій монастырь: отслушавъ здѣсь литургію, она, къ славной чудотворной иконѣ Богоматери приложила небольшую брилліянтовую корону, а другую такой же величины пожертвовала на мѣстный образъ Спасителя [2]). Сама она разказываетъ слѣдующее въ письмѣ къ П. И. Панину: „Скажите брату вашему, что я была въ здѣшнемъ дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ у воротъ встрѣтилъ меня его дѣдушка, Кудрявцевъ, и такъ мнѣ обрадовался, что почти гово-

---

[1]) *Оренб. Губ. Вѣд.* 1854, № 37. Тѣже документы о Каменщиковѣ напечатаны въ «Памятникахъ Новой Русской Исторіи», историческомъ сборникѣ, изд. *А. Базуновымъ*, т. III, стр. 384—396.

[2]) *Рыбушкинъ*, Исторія Казани, I, 79.

рить не могъ: я остановилась и съ нимъ начала говорить, и онъ мнѣ сказывалъ, что онъ очень слабъ и почти слѣпъ, и какъ онъ головою все подвигался, чтобъ меня видѣть, то и я гораздо къ нему подвинулась, чѣмъ онъ казался весьма довольнымъ: онъ уже ни ходить, ни одѣваться не можетъ, — его водятъ". Это утонченное вниманіе, эта царственно-женская ласка, очаровали дряхлаго старика въ высочайшей степени: желая выразить свою благоговѣйную благодарность императрицѣ, этотъ „безсмертный дѣдъ Петра Ивановича" (Панина) подарилъ ей весьма изрядный цугъ вороныхъ лошадей; а она ему послала золотую табакерку [1]). Свою вѣрноподданническую любовь къ царицѣ Кудрявцевъ впослѣдствіи запечатлѣлъ смертію: въ 1774 году, 12-го іюля, въ разгромъ Казани Пугачевымъ, онъ велѣлъ себя перенести на креслахъ въ монастырь, гдѣ такъ милостиво разговаривала съ нимъ государыня, и встрѣтилъ здѣсь мятежниковъ обличеніемъ и воззваніемъ къ изъявленію покорности. Смѣлыя рѣчи старика прерваны были смертельными выстрѣлами бунтовщиковъ [2]).

---

[1]) *Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн.* 1863 г., II, стр. 25, 26, 30.

[2]) Нефедъ (Меѳодій) Никитичъ Кудрявцевъ началъ службу при Петрѣ Великомъ, и между прочимъ, въ 1712 году посланъ былъ на Волгу и въ Казань для осмотра и описи корабельныхъ лѣсовъ (см. Бумаги императора Петра I, стр. 227), а затѣмъ, въ чинѣ поручика преображенскаго полка, совершилъ съ государемъ Персидскій походъ (1722—1723). Послѣ того онъ былъ вице-губернаторомъ въ Казани и ссорился съ губернаторомъ Волынскимъ (Памятники Новой Русской Исторіи, т. II, стр. 234). Въ 1733 году встрѣчаемъ его оберъ-коммисаромъ Казанскаго адмиралтейства. Гмелинъ въ своихъ запискахъ о сибирской экспедиціи сохранилъ извѣстіе о пиршествѣ, которое было у Кудрявцева 22-го октября—день праздника Казанской Божіей Матери (*I. G. Gmelin*, Reise, Th. I, s. 69—71). Кудрявцевъ при этомъ подарилъ Гмелину и Миллеру нѣсколько камней, находимыхъ въ головѣ бѣлуги (*П. Пекарскій*, Жизнь Рычкова, стр. 89). Большую же часть своей службы Кудрявцевъ провелъ въ походахъ: при Аннѣ Іоанновнѣ—въ Крымъ, при Елизаветѣ—въ Пруссію; въ началѣ царствованія Екатерины II онъ уволенъ, по прошенію, въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора (*Бантыша-Каменскаго*, Словарь достопам. людей, III, 127). Дѣдомъ графу П. И. Панину онъ приводился потому, что дочь Кудрявцева была женою Татищева, строителя извѣстнаго «ледянаго дома» при Аннѣ Іоанновнѣ, а дочь этого Татищева, Анна Алексѣевна, была первою женою графа П. И. Панина. И. И. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ (Взглядъ на мою жизнь, стр. 25) несправедливо говоритъ объ убіеніи Кудрявцева при ракѣ мощей: въ Казанскомъ Богородицкомъ монастырѣ никакихъ мощей не почиваетъ.

Отецъ Нефеда Кудрявцева, стольникъ Никита Алферовичъ (Елевферьевичъ)—также лицо замѣчательное для Казани: съ 1692 года онъ, въ званіи стольника, былъ здѣсь воеводскимъ товарищемъ, въ 1706 году—воеводою, съ 1710 года—

Наканунѣ отъѣзда государыни, 31-го мая, въ загородномъ губернаторскомъ домѣ происходило особое празднество. Сюда собраны были представители всѣхъ инородцевъ Казанской и сосѣднихъ съ нею губерній: этотъ интересный маскарадъ, или скорѣе, этнографическая выставка очень понравилась государынѣ. Она милостиво обошлась съ инородцами, и вообще довольная пріемомъ, встрѣченнымъ отъ Казанскихъ жителей, въ знакъ особеннаго своего благоволенія, пожаловала золотую шпагу президенту Казанскаго магистрата купцу Аникѣеву.

Не видно изъ гимназическихъ дѣлъ, чтобъ императрица удостоила своимъ посѣщеніемъ гимназіи; но ихъ обозрѣвали графъ Влад. Гр. Орловъ и нѣкоторые другіе царедворцы, состоявшіе въ свитѣ государыни. Во всякомъ случаѣ, надобно думать, что именно этому обозрѣнію гимназіи обязаны увеличеніемъ содержанія учениковъ, на основаніи указа 3-го сентября 1767 года, о чемъ такъ долго хлопотали всѣ директоры. Извѣстно, однако, что Екатерина съ большимъ участіемъ распрашивала, какъ идутъ при гимназіи драматическія представленія? Узнавъ, что они прекращены по случаю неудовольствія между губернаторомъ и директоромъ гимназіи, она изъявила крайнее сожалѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтила Квашнину-Самарину, чтобъ онъ постарался не только о возобновленіи ихъ, но и о томъ, чтобы къ этому роду удовольствій привлечено было дворянство, такъ какъ „посредствомъ сихъ представленій оно могло научиться пріятному обращенію и необходимой въ свѣтѣ ловкости“ [1]). Таковъ былъ взглядъ государыни на образовательное значеніе театра. Но кромѣ того, кажется, въ этомъ ея отзывѣ можно усмотрѣть и то, что она нашла казанское дворянство не совсѣмъ обладающимъ „пріятнымъ обращеніемъ и необходимою въ свѣтѣ ловкостію“.

Утромъ 1-го іюня государыня опять перешла на свою галеру „Тверь“, и вся блестящая флотилія отправилась внизъ по Волгѣ въ Симбирскую провинцію. Такъ закончилось пребываніе императрицы въ Казани.

оберъ-комендантомъ, съ 1714—вице-губернаторомъ и наконецъ, съ 1717 года—«опредѣленъ къ отправленію корабельныхъ лѣсовъ». (См. *Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн.* 1859 г., IV, отд. II, стр. 17, 54—56, 69—75, 146—153). Исполненіе обязанностей по этимъ дѣламъ поставило его въ прямыя сношенія съ Петромъ Великимъ: Кудрявцевъ умѣлъ оправдать довѣріе монарха, отъ чего и пользовался его расположеніемъ.

[1]) *Рыбушкинъ*, Ист. Казани, I, 118, 122, 128.

Прослѣдимъ вкратцѣ остальной путь Екатерины въ предѣлахъ Казанской губерніи.

На другой день по отплытіи изъ Казани, 2-го іюня, государыня посѣтила развалины древней болгарской столицы, гдѣ нынѣ стоитъ село Бо́лгары или Успенское, верстахъ въ пяти отъ берега Волги, при рѣчкахъ Меленкѣ и Болгаркѣ [1]). Для проѣзда съ пристани въ село, окрестными помѣщиками устроена была особая дорога, отъ которой давно не осталось слѣдовъ, но и понынѣ она въ народѣ зовется „Государскою“. О посѣщеніи Бо́лгаръ сама императрица записала слѣдующее: „Мы ѣздили на берегъ смотрѣть развалины старинаго, Тамерланомъ построеннаго, города Болгары и нашли дѣйствительно остатки большихъ, но не весьма хорошихъ строеній, два турецкіе минарета весьма высокіе, и все, что̀ тутъ ни осталось, построено изъ плиты очень хорошей. Татары же великое почтеніе имѣютъ къ сему мѣсту и ѣздятъ Богу молиться въ сіи развалины. Сему одинъ гонитель, Казанской архіерей Лука, при покойной императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ позавидовалъ и много разломалъ, а изъ оныхъ построилъ церковь, погреба и подъ монастырь занялъ, хотя Петра I указъ есть, чтобъ не ломать и не вредить сію древность“ [2]).

Изъ Бо́лгаръ Екатерина отправилась въ Симбирскъ; но прежде того два дня провела въ деревнѣ графа Ивана Григорьевича Орлова, близъ нынѣшней границы Казанской и Самарской губерній, въ 6 верстахъ отъ пригорода Маинска [3]).

О здѣшнихъ мѣстахъ императрица сдѣлала такіе отзывы въ своихъ письмахъ къ Панину: „Здѣсь народъ по всей Волгѣ богатъ и весьма сытъ, и хотя цѣны весьма высокія, но всѣ хлѣбъ ѣдятъ и никто не жалуется и нужду не терпитъ... Сія деревня въ 6 верстахъ отъ пригородка Маинскъ, который отчасти брату вашему принадлежитъ, а онъ, я чаю, и отъ роду въ немъ не бывалъ; а мы вчерась его луга потоптали. Хлѣбъ всякаго рода такъ здѣсь хорошъ, какъ еще не видали; по лѣсамъ же вездѣ вишни и розаны дикіе, а лѣса иного нѣтъ, какъ дубъ и липа; земля такая черная, какъ въ другихъ мѣстахъ въ садахъ на грядахъ не видятъ: однимъ словомъ, сіи люди

---

[1]) Въ нынѣшнемъ Спасскомъ уѣздѣ, въ 142 верстахъ отъ Казани. См. № 1648 Списка населен. мѣстъ Казан. губ.

[2]) Письма къ графу Н. И. Панину, стр. 27.

[3]) Нынѣ село Старая Майна, № 2.204 Списка населен. мѣстъ Самарской губерніи.

Богомъ избалованы; я отъ роду такихъ рыбъ вкусомъ не ѣдала, какъ здѣсь, и все въ изобиліи, что̀ себѣ представить можешь, и я не знаю, въ чемъ бы они имѣли нужду,—все есть, и все дешево“ [1]).

Изъ Симбирска, 8-го іюня, государыня отправилась сухопутно, чрезъ Алатырь, Арзамасъ и Муромъ въ Москву. Ея галера „Тверь“ отведена была въ Казань и оставлена тамъ въ адмиралтействѣ. Она сохраняется и доселѣ въ особомъ зданіи. Галера эта окрашена зеленою краскою; по бортамъ сдѣланы рѣзныя изображенія статуй. Въ кормовой части галеры каюты расположены въ два этажа: нижній изъ 8 комнатъ назначался для прислуги, а верхній — состоящій изъ 7 комнатъ и довольно обширной залы—занимала сама императрица; эти комнаты обиты сукномъ и другими матеріями. Въ носовой части галеры устроены двѣ комнаты, гдѣ помѣщалась кухня. До 1804 года въ Казани же хранились еще четыре галеры, только меньшихъ размѣровъ, но онѣ по Высочайшему повелѣнію разобраны [2]).

Въ заключеніе всего прибавимъ, что отъ многихъ волжскихъ бурлаковъ и прибрежныхъ жителей намъ случалось слышать, будто именно Екатериной установлены „перемѣны“ или „гребецкія станціи“, которыя соблюдаются и нынѣшними пловцами, когда идутъ по Волгѣ на веслахъ.

Возвращаемся къ продолженію нашей гимназической лѣтописи.

Слѣдующій за отъѣздомъ государыни изъ Казани годъ (1768) замѣчателенъ по особому расширенію правъ командира гимназій. Ордромъ директора университета М. М. Хераскова, 10-го января 1768 года, предписано, чтобы „Казанскихъ гимназій главный командиръ информаторамъ и прочимъ членамъ за непослушаніе и грубые поступки предписывалъ по своему разсужденію штрафъ, а университету только репортовать“; чтобы „никто изъ гимназическихъ чиновъ о своихъ нуждахъ, мимо команды своей, никакихъ прошеній въ главную команду подавать и присылать не отваживались“, и чтобъ „информаторы безъ вѣдома и позволенія командира въ партикулярныхъ домахъ приватно учить не дерзали“. Надобно сказать, что такого результата добился Каницъ во время личнаго посѣщенія Москвы. Изъ самой сущности этого ордера можно видѣть, что онъ имѣлъ цѣлію дать большій авторитетъ командиру гимназій и полнѣе подчинить ему учителей, ко-

---

[1]) Письма къ графу Н. И. Панину, стр. 27, 28.

[2]) *Рыбушкина*, Исторія Казани, I, 129.—О галерѣ Тверь, см. *Тверскія губ. вѣд.* 1864 г., № 24.

торые — надобно сказать правду — держали себя не всегда прилично своему званію, а самостоятельность и независимость свою выражали только ссорами съ директоромъ и инспекторомъ и ябедами другъ на друга.

Возвратившись въ Казань, Каницъ въ полномъ собраніи учителей и учениковъ 18-го февраля объявилъ эти распоряженія и „въ слушаніи и непремѣнномъ исполненіи по онымъ“ взялъ подписку. Французъ Монженъ однако заявилъ скромный протестъ противъ запрещенія давать приватные уроки.

Но въ эту самую пору, когда Каницъ пріобрѣлъ такое значеніе между своими подчиненными, у него произошло непріятное столкновеніе съ мѣстною высшею властію въ Казани. Мы видѣли, что и предмѣстники Капица не всегда ладили съ губернскимъ начальствомъ, которое такъ или иначе нарушало привиллегіи гимназій. Съ начала своего прибытія въ Казань, Каницъ имѣлъ пріязненныя отношенія къ губернатору Квашнину-Самарину; но затѣмъ между ними возникли неудовольствія, едва ли не изъ-за того, что Каницъ, какъ сказано было выше, хлопоталъ, по примѣру Веревкина, о званіи члена губернской канцеляріи. Эти неудовольствія были причиною, что Каницъ прекратилъ сценическіе спектакли въ гимназіяхъ, о возобновленіи которыхъ, какъ мы видѣли, императрица Екатерина посовѣтовала Квашнину-Самарину озаботиться. Конечно, какъ ни мягко выраженъ былъ императрицей этотъ совѣтъ, губернаторъ не могъ его не принять за изъявленіе высочайшаго неудовольствія и, можетъ быть, считалъ его слѣдствіемъ интригъ Капица, а новое расширеніе правъ директора гимназіи окончательно вооружило губернатора противъ него. Начались различныя мелочныя притязанія къ гимназіи, учителямъ, ученикамъ; наконецъ, Квашнинъ-Самаринъ послалъ въ Московскій университетъ доносъ, что въ гимназіи происходятъ большіе безпорядки, что въ ней учителей больше нежели учениковъ, и что денежная казна едва ли вполнѣ сохранна. Университетъ отправилъ въ Казань ревизора (ассессора Гинцеля), который нашелъ гимназіи въ порядкѣ, а дѣйствія Капица совершенно безупречными. По ходатайству университета состоялся даже сенатскій указъ, которымъ разныя притязанія губернатора признаны неосновательными. Тѣмъ не менѣе Квашнинъ-Самаринъ, съ своей стороны, настаивалъ, что единственно вѣрнымъ ручательствомъ за благосостояніе гимназій можетъ послужить полное подчиненіе ихъ главному надзору губернатора, и добился того, что указомъ сената 12-го февраля 1769 года было предо-

ставлено губернатору получать ежемѣсячные и полугодовые рапорты о состояніи гимназій, безъ всякаго впрочемъ вмѣшательства во внутреннія распоряженія ихъ командира.

Состояніе гимназій, однако, вообще находилось въ какомъ-то неопредѣленномъ, можно даже сказать, шаткомъ положеніи. Съ одной стороны гимназіи какъ будто дѣлали успѣхи въ расширеніи и улучшеніи своемъ, съ другой же—чувствовалась вопіющая крайность въ ихъ содержаніи и проч. Такъ, съ 12-го мая 1769 года въ кругъ гимназическаго преподаванія введенъ былъ татарскій языкъ, преподавателемъ котораго опредѣленъ „Старой и Новой татарской слободъ депутатъ (то-есть, въ Коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія) и Адмиралтейской конторы переводчикъ Сагитъ Хальфинъ“ [1]) и въ

---

[1]) Званіе учителя татарскаго языка въ гимназіи сдѣлалось наслѣдственнымъ въ родѣ Хальфиныхъ въ продолженіе 60 лѣтъ. Это обстоятельство даетъ право на сообщеніе нѣкоторыхъ подробностей о Хальфиныхъ.—*Сагитъ Хальфинъ*, толмачъ и депутатъ (см. Списокъ депутатовъ, напечатанный *М. Н. Лонгиновымъ* въ приложеніи къ *Русскому Вѣстнику* 1861 г. № 12), — при опредѣленіи на должность учителя въ гимназіи былъ пожалованъ «въ переводчики съ чиномъ и жалованьемъ противъ губернскаго переводчика», а вмѣстѣ съ тѣмъ исключенъ со всѣмъ семействомъ изъ податнаго оклада, «дабы онъ съ своей стороны къ обѣимъ ему порученнымъ должностямъ прилежаніе, а дѣти его къ изученію себя впредь годными къ службѣ надежное одобреніе имѣть могли». Впослѣдствіи Сагитъ Хальфинъ былъ также переводчикомъ въ слѣдственной коммиссіи по Пугачевскому бунту. Онъ составилъ татарскую азбуку, которая, по распоряженію Мелиссино, была отпечатана на счетъ Московскаго университета (*Сопиковъ*, Опытъ, № 1891) и прислана въ гимназію для руководства въ концѣ 1774 года. Сагитъ былъ учителемъ до 1785 года, и отказался отъ преподаванія по старости лѣтъ. — Преемникомъ ему былъ его сынъ *Искакъ Хальфинъ*, извѣстный какъ участникъ въ переводѣ «Учрежденія о губерніяхъ» и «Устава управы благочинія» съ русскаго на татарскій языкъ, за что̀ получилъ чинъ губернскаго секретаря и 1.000 руб. деньгами. — Во время отсутствія Искака Хальфина въ С.-Петербургъ для участія въ упомянутыхъ переводахъ временно преподавалъ татарскій языкъ его братъ *Измаилъ*.—По смерти Искака, съ 1800 по 1828 годъ, былъ учителемъ его родной сынъ *Ибраимъ Хальфинъ*, впослѣдствіи считавшійся и адъюнктомъ при Казанскомъ университетѣ. Онъ извѣстенъ какъ издатель «Азбуки» и «Граматики татарскаго языка» и въ особенности «Жизни Джингызъ-Хана и Аксакъ-Тимура»—служившей долгое время единственною татарскою хрестоматіею. — Кромѣ того онъ же для графа Н. П. Румянцева, по указанію знаменитаго Х. Д. Френа (*П. С. Савельева*, О жизни и учен. трудахъ Френа, стр. 37 и 38), занимался изданіемъ текста извѣстной «исторіи Монголовъ и Татаръ» сочиненной въ XVII столѣтіи Хивинскимъ ханомъ Абулъ-Гази-Багадуръ-ханомъ (Abulghazi Bahadur-chani Historia Mongolorum et Tatarorum, nunc primum

то же время, по распоряженію куратора Ададурова, велѣно давать при гимназіяхъ театральныя представленія; а между тѣмъ число казеннокоштныхъ учениковъ, по недостатку средствъ, опять положено уменьшить и вмѣсто 80 содержать только 60.—Замѣтимъ здѣсь, что Казанскій директоръ въ 1769 году представилъ въ университетъ наблюденія, произведенныя надъ прохожденіемъ Венеры чрезъ солнце и они были напечатаны въ прибавленіи къ *Московскимъ Вѣдомостямъ* № 146 [1]).

Всего лучше состояніе гимназій, въ отношеніяхъ учебномъ и хозяйственномъ, можно видѣть изъ рапорта фонъ-Каница 16-го іюня 1771 года, писаннаго вслѣдствіе офиціальнаго требованія университетскимъ начальствомъ (ордеръ 16-го марта) о доставленіи обстоятельнѣйшихъ свѣдѣній объ ученикахъ, достойныхъ перевода въ университетъ, и о недостаткахъ и неисправностяхъ гимназическихъ.

Рапортъ этотъ, вмѣстѣ съ принадлежащими къ нему смѣтами и разчетами, въ оригиналѣ составляетъ 32 полулиста [2]). Существеннѣйшее въ немъ состоитъ въ слѣдующемъ.

---

tatarice edita, etc. Kazani, 1825, folio.—О переводахъ произведенія Абулъ-Гази на русскій языкъ, а потомъ на нѣмецкій и французскій и съ этого вновь на русскій, сообщены подробности въ *Библіографическихъ Запискахъ* 1861 г. стр. 361 и въ «Энциклопед. Лексиконѣ» т. I, 49—51; см. также Русскій Архивъ, 1869, стр. 623). Ибрагимъ Хальфинъ умеръ въ 1828 г.—Преподаваніе Хальфиныхъ, по отзыву одного изъ компетентныхъ судей въ подобномъ дѣлѣ, было вполнѣ удовлетворительно: «изъ ихъ школы вышли многіе знатоки, которые на разныхъ ступеняхъ государственной службы оправдывали ожиданія правительства» (см. *І. М. Ковалевскаго*, Обозрѣніе хода и успѣховъ преподаванія азіатскихъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ, Казань, 1843.—Ср. *К. К. Фойгта*, Отчетъ Казанскаго университета и учебнаго округа за 17 лѣтъ, 1827 — 1844, Казань, 1844, стр. 17 и 47). Въ «Исторической Запискѣ о первой Казанской гимназіи» *г. Владимірова* (ч. I, стр. 39—77) изложенъ, къ сожалѣнію, не совсѣмъ у мѣста и очень сбивчиво, очеркъ хода преподаванія восточныхъ языковъ въ гимназіи съ 1769 по 1854 годъ.

[1]) *Шевырева*, Исторія Московск. университета, стр. 162. — Прохожденіе Венеры чрезъ солнце въ предѣлахъ Россійской имперіи наблюдаемо было въ прошедшемъ столѣтіи въ 1761 году въ Селенгинскѣ, а въ 1769 году въ Колѣ—астрономомъ академіи наукъ С. Я. Румовскимъ (Подробности объ этомъ у *И. П. Пекарскаго*, Исторія Акад. Наукъ, II, 696, 723, 749, 868 и др.), который потомъ былъ первымъ попечителемъ Казанскаго университета съ 1805 по 1812 г. Квадрантъ, которымъ были производимы наблюденія, хранится нынѣ въ астрономической обсерваторіи Казанскаго университета (См. Прогулки по Казани, стр. 92—94, 233).

[2]) См. Столпъ дѣламъ 1771 года.

Желая изобразить полную картину быта учениковъ, Каницъ сообщаетъ, что одни изъ нихъ живутъ въ домахъ родителей и родственниковъ, другіе—въ наемныхъ квартирахъ. „Съ самаго вступленія въ должность", говоритъ онъ, „прилагалъ я стараніе объ улучшеніи состоянія гимназій; но какъ ученики жили не въ гимназіи, а занимали квартиры гдѣ случалось, и чрезъ то они внѣ классовъ совсѣмъ находились своевольными, имѣя сверхъ того безпрестанно предъ глазами негодные поступки своихъ подлыхъ хозяевъ; иногда принуждены были имъ въ ихъ домашнихъ надобностяхъ чинить вспоможеніе, дабы чрезъ то квартиру и содержаніе дешевле получать могли, такъ что иные до того доведены были, что въ тѣ часы, въ которые имъ въ гимназіяхъ быть надлежало, по рынкамъ скитаясь, всякими мелочами торговали. Строжайшія наказанія и отвратительныя увѣщанія удержать ихъ отъ сего хорошему воспитанію столь вредительнаго зла ни мало были не сильны, для того, что бѣдность и нужда гораздо сильнѣе, нежели всѣ принуждающіе способы надъ ними дѣйствовали". Прибавимъ къ этому, что и самые учителя, по недостатку содержанія, были вынуждаемы исполнять разныя обязанности, не совсѣмъ сообразныя съ званіемъ педагоговъ. Въ числѣ бумагъ этого 1771 года находится жалоба учителя Краута на Царевококшайскаго воеводу Веригина, требовавшаго съ него деньги, якобы должныя его брату. Краутъ объяснялъ: „Гимназіямъ не безъизвѣстно, что онъ (то-есть, братъ Веригина) съ меня за тотъ постой денегъ не требуетъ, потому что я у него въ домѣ имѣлъ нѣкоторыя исправленія, а паче въ саду".

Главною причиною крайней нужды, терпимой учениками, была дороговизна на всѣ предметы потребленія и на квартиры, постоянно увеличивающаяся отъ неоднократныхъ въ Казани пожаровъ, особенно же отъ бывшихъ въ 1749 и 1757 годахъ. Цѣна на хлѣбъ въ теченіе этого времени поднималась иногда почти впятеро и вообще утроилась противъ прежняго. Хотя правительствомъ и выданы были немаловажныя ссуды погорѣвшимъ на возобновленіе домовъ, однако городъ отстраивался не быстро, да къ тому же и съ новыми домами цѣнность квартиръ почти не понижалась. Если въ 1767 году (см. выше), послѣ посѣщенія Казани императрицею, и разрѣшено увеличить жалованье ученикамъ, то это не оказало важной перемѣны въ положеніи учениковъ. „И хотя при сихъ худыхъ обстоятельствахъ", говоритъ Каницъ, „прилежаніе въ ученіи при гимназіяхъ весьма наблюдаемо было, однако, время отъ времени убавлялось число какъ

казеннаго содержанія, такъ и прочихъ учениковъ; ибо бѣдные не записывали дѣтей своихъ въ гимназіи, видя худое содержаніе учениковъ казеннаго кошту и недостатокъ въ пропитаніи. А богатые не хотѣли допустить дѣтей своихъ въ сообщеніе такихъ учениковъ, которые изъ скудости чрезъ презрительные способы пропитаніе себѣ сами искать принуждены были. Для того бо́льшая часть своихъ дѣтей, какими они ни были невѣжами, лучше въ службу въ здѣшніе батальоны записывали [1]), или въ гарнизонную службу отдавали, гдѣбъ они провіантъ, квартиру и платье получать могли, а такимъ образомъ отнимали у отечества, можетъ статься, многихъ способными и полезными быть имѣющихъ членами".

Въ виду такихъ обстоятельствъ, Каницъ прибѣгалъ къ различнымъ мѣрамъ. Такъ, онъ обращался къ общественной благотворительности и уговаривалъ жителей помогать ученикамъ одеждою, квартирою и проч. Чтобъ отвлечь учениковъ „отъ подлости" и дать имъ средства къ содержанію, заведены были театральныя представленія, при чемъ „для славы гимназій, непристойно показалось цѣну положить зрителямъ, но всякъ, при вступленіи своемъ, на свѣчи и музыку дать могъ сколько хотѣлъ: оныя деньги каждый разъ между учениками казеннаго содержанія съ точною справедливостію были раздѣляемы, что̀ имъ въ ихъ содержаніи гораздо помогало, хотя представленія и не часты были". Чтобы привлечь общество къ гимназіямъ, Каницъ положилъ дважды или единожды въ годъ производить торжественныя собранія съ произнесеніемъ рѣчей, и экземпляры этихъ рѣчей раздавать посѣтителямъ. Затѣмъ, въ самомъ преподаваніи введены нѣкоторые предметы, совершенно новые, наиболѣе могущіе вліять нравственно на учениковъ и публику; таковы были, между прочимъ, классы: а) правилъ о приведеніи сердецъ и поступокъ въ порядокъ и б) какъ удобнѣе и съ плодомъ читать полезныя книги. Эти прибавочные классы не стоили казнѣ ничего, потому что преподаваніе производилось тѣми же учителями и безъ особаго вознагражденія. Между тѣмъ все это, по словамъ Каница, оказывало видимое благопріятное дѣйствіе на публику, потому что число казенныхъ учениковъ стало увеличиваться: при вступленіи его въ должность ихъ было только 24 (дворянъ 11 и разночинцевъ 13), а потомъ увеличилось до 40; а общее число учащихся, по прежнему, воз-

[1]) Надобно замѣтить, что ученики гимназій встрѣчаются лѣтъ довольно солидныхъ, какъ напримѣръ, въ эту самую пору были даже 24-лѣтніе.

расло до 100. Разночинцевъ оказывалось болѣе, „ибо всегда не столько на рожденіе, какъ на способность и прилежаніе предпочитаемо было“.

Въ заключеніе своего рапорта Каницъ вновь повторилъ прежнія ходатайства о расширеніи средствъ гимназій и просилъ утвердить слѣдующія его предположенія: 1) казенныхъ учениковъ снабдить бѣльемъ и одеждою, полагая на дворянина 23 р. 29 к. (на бѣлье 7 р. 26 к., и на платье 16 р. 3 к.), а на разночинца 21 р. 19 к. (на бѣлье 7 р. 26 к., и на платье 13 р. 93 к.); 2) доставить ученикамъ квартиры, для чего было бы весьма полезно или нанять одинъ изъ ближайшихъ къ гимназіи каменныхъ домовъ (князя Вас. Мих. Голицына), или купить (домъ Бекетова, за 700 руб.); а всего лучше построить новый на 18-ти саженяхъ, что̀ обойдется не дороже 5.191 р. 67 коп., и если деньги получить изъ капитала, назначеннаго Казанцамъ въ ссуду, съ уплатою въ теченіе десяти лѣтъ, то годовой расходъ увеличится лишь на 519 р. 16 к., а мѣсто для постройки дома въ гимназическомъ дворѣ очень удобно и прилично, потому что по новому плану, вмѣсто прилегающихъ къ гимназіямъ садовъ, положено образовать улицу; 3) о предметахъ гимназическаго ученія составить печатныя объявленія и разослать ихъ въ разныя губерніи, дабы и изъ другихъ провинцій могли являться ученики; вмѣстѣ съ этимъ увеличить число преподавателей, такъ какъ наличное количество ихъ весьма недостаточно; 4) увеличить число казеннокоштныхъ, попрежнему, до 80 человѣкъ; 5) жалованье казеннокоштнымъ ученикамъ не увеличивать по пропорціи 6, 9, 12, 15 рублей, а выдавать—какъ и установлено—дворянамъ по 13 р. 50 к., а разночинцамъ по 9 р. постоянно, потому что на казенный коштъ принимаются они не иначе, какъ послѣ полнаго убѣжденія въ ихъ способностяхъ и прилежаніи; 6) дозволить открыть въ Казани пансіонъ для обученія первымъ основаніямъ наукъ, чрезъ что̀, съ одной стороны, въ гимназіи будутъ поступать ученики хоть сколько-нибудь подготовленные, а съ другой—родители и родственники учениковъ будутъ избавлены отъ необходимости принимать къ себѣ въ дома всякихъ „шатающихся учителей“; этотъ пансіонъ долженъ быть подчиненъ наблюденію гимназіи.

Предположенія Каница почти всѣ остались неосуществленными pia desideria, не смотря на то, что онъ, повидимому, находился въ личныхъ хорошихъ отношеніяхъ съ новымъ дѣйствительнымъ куратором университета, И. И. Мелиссино, который, самъ усердно радѣя о пользахъ университета и гимназій, тотчасъ по вступленіи въ должность

издалъ въ свѣтъ „Способъ ученія пріуготовляющаго къ университету“, для большей извѣстности, переведенный на языки латинскій, нѣмецкій и французскій [1]). Этотъ „Способъ“, имѣвшій главною цѣлію привести воспитаніе повсемѣстно въ Россіи къ единству и предлагавшій весьма раціональные методы преподаванія разныхъ предметовъ и языковъ, замѣчателенъ въ особенности тѣмъ, что предписывалъ „стараться ученіемъ не истребить охоты къ ученію“, справедливо признавая, что соблюденіе такого правила можетъ служить лучшимъ ручательствомъ успѣховъ въ пріобрѣтеніи знаній и въ ихъ прочности. Предлагаемые методы и изданные университетомъ учебники приняты были въ руководство по Казанскимъ гимназіямъ; но измѣненій въ экономическомъ устройствѣ ихъ, какъ сказано, не послѣдовало.

Между тѣмъ, Каницъ, какъ въ былое время Веревкинъ, продолжалъ придумывать новыя средства къ поднятію значенія гимназій и къ привлеченію въ нихъ бо̀льшаго числа учениковъ. Такъ, 4-го августа 1771 г., онъ просилъ университетъ: „къ ободренію отличившихся учениковъ, а прочихъ къ поощренію къ такой же прилежности, прислать для раздачи имъ 22-го сентября (день коронаціи) въ публичномъ собраніи восемь серебряныхъ медалей и нѣсколько книгъ“, опираясь въ этомъ случаѣ на § 15 проэкта университета, составленнаго Шуваловымъ, и на 6-й пунктъ штатовъ 1760 года. На это представленіе послѣдовалъ отвѣтъ спустя полгода слишкомъ: 22-го февраля 1772 года, директоръ университета, Приклонскій, отвѣчалъ Каницу, что § 15 проэкта относится собственно къ университету, и слѣдовательно, примѣнять его нельзя къ ученикамъ гимназій, которые могутъ быть награждаемы лишь только книгами. Вмѣстѣ съ этимъ возвращено и самое представленіе Каница, „поелику въ немъ усмотрѣна въ высочайшемъ титулѣ писцова неисправность“. Молчаливый отказъ или черезъ долгій промежутокъ времени уклончиво-неопредѣленный отвѣтъ — почти всегдашній результатъ всѣхъ представленій Каница.

Совершенно иначе шли официальныя сношенія командира гимназій съ университетомъ, какъ только дѣло касалось какихъ-либо другихъ обстоятельствъ, особенно̀ устроенія празднествъ въ высоко-

---

[1]) Ададуровъ съ 1770 года жилъ въ Петербургѣ, и хотя до конца своей жизни (1778) сохранилъ званіе куратора, однако дѣйствительнымъ кураторомъ съ 17-го февраля 1771 г. былъ Мелиссино, служившій прежде директоромъ университета. *Шевырева*, Ист. Моск. унив., стр. 177—181.

торжественные дни. Мы можемъ изложить съ подробностію всѣ эти торжества, о которыхъ въ особенности много свѣдѣній сохранилось въ дѣлахъ гимназій [1]).

21-е апрѣля, какъ извѣстно, было днемъ рожденія императрицы Екатерины. Въ 1771 г. этотъ день торжествованъ былъ въ Казани слѣдующимъ образомъ, какъ видно изъ „покорнѣйшаго рапорта“ Каница:

„21-го числа апрѣля, то-есть, въ день Высочайшаго рожденія Ея Императорскаго Величества, прибылъ его высокопревосходительство здѣшней господинъ губернаторъ и кавалеръ Яковъ Ларіоновичъ фонъ-Брантъ со всѣми прочими знатными особами въ соборную церковь, гдѣ святѣйшаго правительствующаго синода членомъ, преосвященнымъ Веніаминомъ, архіепископомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ, совершалась божественная литургія, и пѣтъ былъ съ пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ благодарственный молебенъ. По окончаніи сего слѣдовали, какъ его преосвященство съ знатнѣйшими изъ духовенства, такъ и всѣ военныя и статскія особы, дворянство и знатнѣйшее купечество, въ домъ его высокопревосходительства къ обѣденному столу, въ продолженіе котораго, при питіи за Высочайшія здравія, производилась пушечная пальба.

„Въ вечеру у его жъ высокопревосходительства открытъ былъ балъ, и противъ его дома зажжена была иллюминація, равномѣрно и всѣ улицы освѣщены были.

„Оной же всевысочайшаго рожденія Ея Императорскаго Величества праздникъ въ Казанскихъ гимназіяхъ, на другой день, то-есть, 22-го апрѣля, торжествованъ былъ слѣдующимъ порядкомъ:

„По возбужденію и предводительству здѣшняго господина губернатора, здѣшнее дворянство, для засвидѣтельствованія всеподданнѣйшаго почтенія, въ Казанскихъ гимназіяхъ представляло самолично трагедію *Синавъ и Труворъ*.

„Дѣйствующія лица были слѣдующія:

Синавъ – Алексѣй Васильевичъ Мельгуновъ.

Труворъ—графъ Петръ Андреевичъ Толстой.

Ильмена—Елисавета Егорьевна Барботъ-де Марни, племянница его высокопревосходительства здѣшняго господина губернатора.

---

[1]) Большая часть ихъ однако попала въ собраніе бумагъ 1777 г., вѣроятно, по смѣшенію цифръ 1 и 7.

Гостомыслъ—Григорей Ивановичь Алябьевъ.

Вѣстникъ—князь Василей Борисовичъ Болховской.

Пажъ—Павелъ Александровичь Мансуровъ, сынъ здѣшняго господина оберъ-коменданта.

„Передъ начатіемъ же оной трагедіи представленъ былъ нѣкоторыми Казанскихъ гимназій учителями *прологъ*, содержащей истинную похвалу и великія дѣла сей премудрой Монархини, который сочиненъ для торжествованья сего наищастливѣйшаго въ Россіи праздника надворнымъ совѣтникомъ и главнымъ оныхъ гимназій командиромъ [1]).

„Дѣйствующія въ ономъ лица были:

Аполлонъ,

Духъ-хранитель Казанской губерніи,

Богъ побѣды и

Нептунъ.

„Украшеніе театра при прологѣ состояло изъ перспективнаго колоната (колоннады), иллюминованныхъ прозрачныхъ, фестонами и эмблемами украшенныхъ картинъ.

„Въ задней части онаго видѣнъ былъ портретъ всепресвѣтлѣйшія Монархини въ облакахъ, геніусами и добродѣтелями держимой, надъ нимъ же Око Провидѣнія въ свѣтѣ лучезарномъ.

„По обѣимъ сторонамъ сего возвышались съ Высочайшимъ вензелемъ и надписями двѣ иллюминованныя пирамиды.

„По одну сторону театра картины представляли сей безпримѣрной Монархини великія душевныя дарованія и добродѣтели; равно какъ и по другую стоящія показывали великія предпріятія и безсмертныя благодѣянія, которыя Россія отъ рукъ сей несравненной Матери Отечества, къ своему непрерывному благоденствію въ семъ девятилѣтнемъ преславномъ и счастливомъ царствованіи получила.

„Прочія зеленымъ листвіемъ облеченныя эмблемы и надписи равномѣрно къ сему превосходнѣйшему предмету и радостному торжеству сего дражайшаго дня соотвѣтствовали.

„Какъ скоро занавѣса театра открыта была, тутъ начинали пѣвчіе его преосвященства здѣшняго архіепископа, стоящіе по обѣимъ сто-

---

[1]) «А къ сочиненію сего пролога принужденнымъ я себя нашелъ потому, что какъ господинъ губернаторъ учредилъ для сего высочайшаго праздника представить дворянству трагедію, которую индѣ представить было негдѣ, какъ въ Казанскихъ гимназіяхъ, то бы очень было непристойно, что при семъ торжествѣ только бъ гимназіи были зрителями, а сами ничего не дѣйствовали». Эти строки однако перечеркнуты. См. листъ 712, въ дѣлахъ 1777 года.

ропамъ оркестра, пѣть россійской кантъ, сему торжественному дню соотвѣтствующей, соглашаясь съ инструментальною музыкою.

„По окончаніи пролога и трагедіи, представлена была нѣкоторыми тѣхъ гимназій благородными учениками небольшая комедія: *Приданое обманомъ*.

„И симъ торжествованіе сего Высочайшаго дня для засвидѣтельствованія глубочайшаго и усерднѣйшаго почтенія сей великой и преизящной Монархинѣ, къ чрезвычайному удовольствію здѣшнихъ обитателей учиненное, окончилось.

„При семъ же имѣю честь вашему высокопревосходительству сообщить того сочиненнаго мною пролога на нѣмецкомъ и россійскомъ языкахъ по одному экземпляру [1]).

„Такъ же имѣю честь донесть вашему высокопревосходительству о принадлежащемъ до украшенія при прологѣ картинъ, то употреблены были тѣже самыя, кои дѣланы были въ силу указа канцеляріи университета апрѣля 25-го дня 1767 года и прописаннаго въ немъ отъ его высокопревосходительства господина куратора и кавалера Василья Евдокимовича Ададурова ордера, для иллюминаціи къ Высочайшему прибытію Ея Императорскаго Величества въ Казань, а за недостаткомъ оныхъ, по приказанью господина губернатора, взяты были отъ Казанскаго Магистрата, которыя дѣланы отъ здѣшняго купечества къ тому жъ Ея Императорскаго Величества Высочайшему прибытію для иллюминаціи жъ.

„Свѣчи же, плошки, музыканты и прочія принадлежащія къ сему торжеству потребности даны были отъ господина губернатора.

„И такимъ образомъ на сіе всерадостнѣйшее торжество изъ казенной гимназической суммы денегъ ничего употреблено не было".

Нельзя не обратить особеннаго вниманія на заключительную фразу рапорта: въ ней выражается удовольствіе Каница, что онъ устроилъ все, не вводя казну въ расходы.

Рапорты Каница къ Мелиссино и Приклонскому были писаны

---

[1]) Послѣ этого въ черновой реляціи приписано: «и если ваше высокопревосходительство за благо разсудить соизволите чтобъ оной прологъ для чести гимназій былъ напечатанъ»—но далѣе фраза не докончена. За тѣмъ слѣдующія строки: «а для напечатанія оной реляціи въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, по требованію генерала-поручика и здѣшняго господина губернатора и кавалера, статскому совѣтнику и Московскаго университета директору Михайлѣ Васильевичу Приклонскому таковая жъ реляція при рапортѣ отправлена». Но эти строки вычеркнуты.

24-го апрѣля, а изъ Москвы отвѣты на нихъ получены были уже въ половинѣ мая. Директоръ университета Приклонскій официально, 11-го мая, приносилъ благодарность Казанскому губернатору фонъ-Бранту за посѣщеніе торжества, устроеннаго въ гимназіи „и собственными къ сему торжеству принадлежащими вещами снабженіе". Мелиссино, 9-го мая, собственноручнымъ очень обширнымъ письмомъ, на нѣмецкомъ языкѣ, весьма любезно отвѣчалъ Каницу, хвалилъ его заботы о приращеніи гимназій и въ особенности старапіе развивать юношество театральными представленіями, и проч. Вмѣстѣ съ этимъ сообщилъ свои критическія замѣчанія на нѣкоторыя мѣста пролога. Придавая особую важность заявленіямъ куратора, Каницъ переводы съ нихъ присоединилъ къ числу официальныхъ гимназическихъ бумагъ. Мы также признаемъ подобные документы замѣчательными и потому приводимъ письмо Мелиссино вполнѣ:

„Высокоблагородный и высокопочтеннѣйшій господинъ
надворный совѣтникъ!

„Вашего высокоблагородія письма отъ 14 и 24-го апрѣля [1]) читалъ я съ полнымъ услажденіемъ. Сіе произвело во мнѣ особливую радость и удовольствіе, что вы о приращеніи тамошнихъ гимназій столь похвальнымъ образомъ стараетесь. И я совсѣмъ вашего мнѣнія, что чрезъ такія публичныя театральныя дѣйствія юношество весьма полезнымъ быть можетъ; оно пріобучается къ благородной пристойности и купно въ остроумныхъ изображеніяхъ почерпаетъ хорошій вкусъ, а время отъ времени становится исправнымъ. Вашъ прологъ, по важности своего изобрѣтенія и украшенія, одобреніе и похвалу заслуживаетъ. Я уже давно пріобыкъ отъ изобрѣтенія и пера вашего высокоблагородія ничего не ожидать посредственнаго. Увѣренъ я, что подъ вашимъ распоряженіемъ самое представленіе весьма изрядно было и въ зрителяхъ сего торжествованія произвело достойное вниманіе. Сіе мое истинное мнѣніе, съ которымъ я приношу мою благодарность, что вы сіе торжество въ тамошнихъ гимназіяхъ столь пристойнымъ, полезнымъ и достохвальнымъ образомъ праздновали и чрезъ то, безъ сомнѣнія, онымъ пріобрѣли пріятелей и благодѣтелей. Мы въ ученомъ обществѣ обязаны при такихъ торжественныхъ случаяхъ также стараться и о томъ, чтобъ не только ученая, но и неученая

[1]) Мы не знаемъ, или быть можетъ, въ свое время не замѣтили внимательно, что̀ заключало въ себѣ письмо отъ 14-го апрѣля.

публика нами довольна была. Симъ бы я могъ и окончить; но ваше высокоблагородіе изволили на меня наложить немалой трудъ, но съ пріятностью соединенный, пространнѣе писать; токмо покорно прошу мои критическія примѣчанія за благо принять, ибо я будучи такой же человѣкъ, какъ и прочіе, ошибаться могу; мы имѣемъ въ критическомъ обществѣ много разныхъ посторонніхъ мнѣній, кои также терпимы быть должны. Прологъ въ разсужденіи представленія судилъ я достойнымъ быть великой похвалы. Но какъ ваше высокоблагородіе хотите, чтобъ онъ былъ напечатанъ, и моего на то мнѣнія просите, то я для сей довѣренности не долженъ быть неблагодаренъ. Многимъ въ представленіи довольну быть можно, и театральныя дѣйствія препятствуютъ точности изъясненія и его аллегоріи разсматривать; но въ печати сей великой выгоды нѣтъ. Читатель на свои собственныя декламаціи и покойныя примѣчанія всѣхъ мелочей оставленъ: прелестнаго представленія, которое наши мысли распространяетъ, въ оной не находится, и тѣмъ наипаче читатель ко всему внимательнѣе будетъ. Сія истинная причина, для которой бы я желалъ нѣкоторыя маленькія пятна вашего хорошаго труда критическимъ перомъ вычеркнуть. Можетъ быть, что ваша мастерская рука малыми чертами сіи невеликія несовершенства также въ красоты преобразить можетъ. Прошу не позабыть господину губернатору и его сожительницѣ мое нижайшее почтеніе засвидѣтельствовать. Я имъ обоимъ весьма обязанъ за вниманіе и благосклонность къ тамошнимъ гимназіямъ, за что всегда буду готовъ къ ихъ услугамъ. Равномѣрно моимъ благодареніемъ извольте увѣрить всѣхъ благодѣтелей въ вашемъ пріуготовленіи; я съ радостію моею буду имъ на самомъ дѣлѣ совершеннѣйшую оказывать благосклонность, съ которою остаюсь

вашего высокоблагородія покорнѣйшій слуга
Иванъ Мелиссино“.

При дѣлахъ 1771 года нѣтъ ни пролога, ни сдѣланныхъ на него „критическихъ примѣчаній“; поэтому мы не можемъ судить съ точностію, на сколько въ письмѣ Мелиссино заключается правды относительно его достоинствъ и на сколько тонкой и даже иронической лести. Неоспоримо справедлива мысль, что не всякое драматическое произведеніе одинаково хорошо на сценѣ и въ печати. Но это правило общее, а недостатки, исключительно принадлежащіе по мнѣнію Мелиссино, „прологу“, остаются намъ неизвѣстны. Вообще же, какъ намъ кажется, похвалы куратора относятся, главнымъ образомъ, къ на-

мѣренію автора, нежели къ самому произведенію. Кромѣ вышеприведеннаго письма, Мелиссино къ своимъ „примѣчаніямъ“ присоединилъ слѣдующее post-scriptum:

„Если моя критика не удалась, то погрѣшность сію извольте приписать множеству моихъ нынѣшнихъ дѣлъ: я къ сему принадлежащаго времени употребить былъ не въ состояніи. Однакожъ не хотѣлъ я вашему высокоблагородію не показать желаемаго знака искренней моей дружбы. Легче критиковать, нежели самому что-либо сочинить. Я поколику весьма отдаленъ отъ того, чтобъ ваши употребляемые труды хулить, то какъ за оные, такъ и за вашу дружескую довѣренность приношу надлежащее мое благодареніе. Намѣреніе похвально, и вамъ въ немъ весьма удалось; ибо сочиненіе, какъ своему сочинителю, такъ и Казанскимъ гимназіямъ много чести дѣлаетъ; изобрѣтеніе преизящно и весьма сходно какъ съ высочайшимъ рожденія праздникомъ, такъ при томъ и собравшимися обстоятельствами. Особливо хвалитъ оно плодовитый разумъ своего изобрѣтателя, отъ котораго, для приращенія учености въ тамошнихъ странахъ, еще доказательства его искусства и истиннаго прилежанія ожидаю, которыхъ исполненіе съ великимъ желаніемъ предвижу. Я не имѣю времени на бѣло переписать сіе мое начерно написанное мнѣніе; для того я вамъ оное посылаю, какъ оно есть. Я надѣюсь, что кромѣ насъ двоихъ никто не будетъ читать мои вышеписанныя примѣчанія; ежели вы ихъ найдете справедливыми, то можете по нихъ сдѣлать перемѣну въ оригиналѣ пролога, который я при семъ обратно посылаю, дабы вы нашли тѣ мѣста, которыя мною замѣчены. И если тогда хорошій русскій переводъ съ того сдѣланъ будетъ, то я неукоснительно сіе сочиненіе для напечатанія отправлю. Въ заключеніе сего его превосходительству господину губернатору приношу должное мое благодареніе за благодѣтельное участіе, которое онъ для приращенія пользы и чести гимназій въ семъ случаѣ показалъ. Рекомендуйте вы, дражайшій другъ, сему любви достойному наукъ любителю, наикрѣпчайшимъ образомъ наши тамошнія пріуготовленія, также меня и супругу мою въ память ея превосходительству его супругѣ. При семъ посылаю вамъ нѣсколько экземпляровъ той небольшой рѣчи, которую я держалъ во время вступленія въ мою должность при университетѣ“ [1]).

---

[1]) Письмо Мелиссино и приписка къ примѣчаніямъ были уже напечатаны въ *Біографическихъ Запискахъ* 1858 года, № 24, стр. 739 — 742. Упоминаемая

День восшествія императрицы на престолъ, 28-го іюня, также сопровождался аллегорическими изображеніями, о чемъ Каницъ сохранилъ подробности въ дѣлахъ гимназій. Послѣ обѣдни, совершенной соборне архіепископомъ въ присутствіи всѣхъ губернскихъ властей, архіерей и вся знать отправились въ загородный губернаторскій домъ (которому со времени посѣщенія его государынею давали названіе дворца). Между обоими флигелями сего дома находящаяся открытая галлерея зеркалами и живописью украшена и вездѣ фестонами весьма хорошо убрана была. Въ срединѣ галлереи, въ аркѣ, былъ поставленъ портретъ государыни, фестономъ изъ розъ свѣжихъ и листвія сдѣланнымъ украшенный. Близь галлереи, въ аллеѣ, данъ былъ обѣденный столъ, подъ краснымъ сукномъ, на 80 персонъ. Высочайшіе тосты пились при пушечной пальбѣ, а народъ кричалъ ура. Вечеромъ галлерея и аллея были иллюминованы; въ галлереѣ танцовали. На полѣ, противъ галлереи, данъ затѣйливый фейерверкъ. Устроенъ былъ храмъ Похвалы съ дверями къ четыремъ странамъ свѣта; на верху храма парила гласящая Слава; на средней аркѣ предъ храмомъ выставленъ гербъ Россійской имперіи, „дабы показать, что Россія, будучи обладаема великою Екатериною, достопамятствіе вѣчной похвалы, чрезъ славныя побѣды и чрезъ премудрые законы, сама себѣ воздвигнула“. Въ серединѣ храма изображалась Паллада въ панцырѣ и шлемѣ, держащая одною рукою копіе, лаврами обвитое, а другою опирающаяся на щитъ съ лучезарно-сіяющимъ вензелемъ императрицы. При входѣ въ храмъ изображены были: съ одной стороны, богъ Войны и Побѣдъ, а съ другой—нѣсколько въ отдаленіи—Миръ и подлѣ него Благополучіе Россійской имперіи съ рогомъ изобилія. Передъ входомъ въ храмъ представлена была, въ видѣ женщины, Казань, въ коронѣ изъ городскихъ стѣнъ, колѣнопреклоненная предъ Палладою и опирающаяся на щитъ съ изображеніемъ герба города и числа „28-го іюня“. Празднество закончилось богатымъ ужиномъ.

На другой день, 29-го іюня, по случаю тезоименитства государя наслѣдника Павла Петровича, по совершеніи торжественной литургіи, былъ обѣдъ у губернатора, а вечеромъ балъ и иллюминація.

Приведемъ еще другой рапортъ Каница, отъ 29-го сентября 1771

небольшая рѣчь произнесена Мелиссино на латинскомъ языкѣ въ публичномъ собраніи конференціи университета 17-го февраля 1771 года. Сущность ея изложена *Шевыревымъ* въ его Исторіи Московскаго университета, стр. 178 и 179.

года, въ которомъ изложено, какимъ образомъ въ Казани праздновались дни рожденія государя наслѣдника (20-го сентября) и коронаціи (22-го сентября):

„20-го сентября, то-есть, на всерадостнѣйшій день рожденія его императорскаго высочества всея Россіи наслѣдника и великаго князя Павла Петровича, отправляема была въ соборной церквѣ его преосвященствомъ, святѣйшаго правительствующаго синода членомъ, великимъ господиномъ архіепископомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ, божественная служба, при пушечной пальбѣ. Къ обѣденному столу приглашены были къ его превосходительству г. губернатору, генералу-порутчику и кавалеру фонъ-Бранту, его преосвященство, знатнѣйшіе изъ духовенства, главнѣйшія чиновныя особы, дворянство и знатнѣйшее купечество, гдѣ при питіи за высочайшія здравія производилась пушечная пальба. Въ вечеру былъ балъ и ужинъ, и сверхъ иллюминаціи, которая горѣла передъ домомъ, также и весь городъ былъ иллюминованъ.

„22-го числа, то-есть, въ день высочайшаго коронованія ея императорскаго величества, равномѣрно приносимы были съ благоговѣйною радостію благодарственныя Всевышнему жертвы, съ пушечною пальбою. Потомъ у его превосходительства господина губернатора былъ великолѣпный обѣденный столъ, за которымъ присутствовали его преосвященство и прочія знатныя особы, и пито было за высочайшія здравія съ пушечною пальбою. Въ вечеру въ домѣ его превосходительства былъ большой маскарадъ и передъ домомъ горѣла изъ-за прозрачныхъ картинъ иллюминація, и улицы также были иллюминованы.

„Сіе же высочайшее празднество на слѣдующій день въ Казанскихъ гимназіяхъ слѣдующимъ образомъ торжествовано было: къ которому приглашена была чрезъ программы публика, и какъ собравшіеся при продолженіи музыки заняли мѣста въ аудиторіи, то съ каѳедры однимъ изъ господъ информаторовъ говорена была рѣчь на россійскомъ языкѣ, сему всерадостному дню соотвѣтствующая и при томъ разсужденіе *Коперниковой системы* содержащая, другимъ же на латинскомъ языкѣ *о исторіи*; потомъ передъ катедрою говорены были сочиненія на разныхъ языкахъ *изъ разныхъ матерій* нѣкоторыми благородными учениками, за чѣмъ послѣдовала *ода* въ достодолжную похвалу ея императорскаго величества, на россійскомъ языкѣ сочиненная. Наконецъ, какъ ученики способными оказавшіеся къ отправленію въ Императорскій университетъ въ студенты отъ испек-

тора на латинскомъ языкѣ публично представлены были и отъ главнаго командира на томъ же языкѣ конфирмацію получили, то одинъ изъ нихъ на россійскомъ языкѣ говорилъ рѣчь *о пользѣ наукъ и воспитаніи*, и при семъ приносилъ покорнѣйшее благодареніе за всевысокомонаршескія благодѣянія, коими здѣшнія гимназіи до нынѣ наслаждались.

„Наконецъ сіе ученое торжество еще чрезъ слѣдующее, отъ господина губернатора учрежденное и достойности праздника весьма приличное прибавленіе пріятнымъ образомъ украшено было. Въ близости за тѣмъ мѣстомъ аудиторіи, гдѣ читаны были рѣчи, по окончаніи оныхъ, вдругъ поднята была занавѣса, за которой видѣнъ былъ престолъ изъ зеленаго штофу съ позументами; на креслахъ, такимъ же штофомъ обитыхъ, находилось изображеніе монархини. Тогда съ обѣихъ сторонъ престола вышли шесть малолѣтнихъ благородныхъ юношей и столько же благородныхъ дѣвицъ въ пастушей одеждѣ и представляли, при одной къ сему изготовленной инструментальной и вокальной музыкѣ, балетъ, въ которомъ они чувствованія глубочайшаго почтенія и благоговѣнія для всевысочайшаго благополучія дражайшія матери отечества пріятнымъ и искуснымъ образомъ изъясняли: двое изъ оныхъ, взошедъ на ступень престола, окружали высочайшій портретъ фестонами, при чемъ прочіе пали на колѣна въ двѣ линѣи передъ престоломъ, коего окружность при основаніи осыпали цвѣтами. Чрезъ сіе и другія искусныя дѣйствія, а особенно чрезъ нѣкоторыя молящія движенія, аріи соотвѣтствующія, сія нѣжная юность наполняла сердца присутствующихъ радостнымъ и усерднѣйшимъ чувствованіемъ, отъ коихъ получила за сіе благодарственную похвалу.

„По окончаніи симъ торжествованія его преосвященство здѣшней господинъ архіепископъ свое преимущественное удовольствіе въ торжествованіи сего дражайшаго дня чрезъ изрядную и чувствительности исполненную рѣчь стоящимъ передъ нимъ юношамъ публично изъявить соизволилъ. Обстоятельство, коего драгоцѣнность всего собранія почтеннѣйшее дѣйствіе произвело въ здѣшнихъ гимназіяхъ съ возбудительнымъ и нижайшимъ благодареніемъ всегда незабвенно пребудетъ.

„Имена благороднаго юношества при балетѣ суть слѣдующія:

Елисавета и Екатерина фонъ-Брантъ, — дочери здѣшняго господина губернатора.

Шарлота фонъ-Баннеръ, — дочь господина отъ артиллеріи генералъ-маіора и кавалера.

Дарья Голицына,—дочь маіора сей фамиліи.
Екатерина фонъ-Варенстетъ,—дочь маіора той же фамиліи.
Княжна Ѳедосья Черкасская Некичъ.
Петръ Петровичъ Татищевъ [1]).
Густавъ Петровичъ Баннеръ.
Князь Василій Михайловичъ Голицынъ.
Михайла Васильевичъ Матюнинъ.

---

[1]) Петръ Петровичъ Татищевъ даетъ намъ поводъ привести нѣсколько генеалогическихъ подробностей о фамиліи Татищевыхъ и родствѣ ея съ другими фамиліями Казанскихъ помѣщиковъ.—Алексѣй Даниловичъ Татищевъ, деньщикъ при Петрѣ I, строитель «ледянаго дома» при Аннѣ, изобрѣтатель клеймъ для преступниковъ и генералъ-полицмейстеръ при Елисаветѣ, — былъ женатъ на Маріѣ Нефедовнѣ Кудрявцевой, дочери Нефеда Никитича Кудрявцева, Казанскаго помѣщика и вице-губернатора. — Отъ этого брака у Татищевыхъ были дѣти: сынъ Петръ и дочери: Анна (въ замужествѣ за графомъ П. И. Панинымъ) и Марья (за княземъ В. М. Голицынымъ). Петръ Алексѣевичъ Татищевъ служилъ по обыкновенію того времени въ гвардіи, но далѣе маіора не пошелъ. По выходѣ въ отставку, онъ жилъ въ Казани и во время Пугачевскаго разгрома похоронилъ полусгорѣвшій трупъ своего дѣда Нефеда Кудрявцева (*Бантышъ-Каменскій*, Словарь достопам. людей, III, 128). Впослѣдствіи онъ переселился въ Москву, и обладая громаднымъ состояніемъ, роскошничалъ и впалъ въ пресыщеніе, апатію и мизантропію. Чтобъ разсѣять одолѣвавшую тоску, онъ вступилъ въ масоны и скоро сдѣлался мастеромъ стула въ ложѣ «Трехъ Знаменъ». «Работы» по масонству сблизили его съ извѣстнымъ Шварцемъ и Новиковымъ и привели его къ тому, что онъ пожертвовалъ значительную долю своего состоянія на упроченіе организаціи и матеріальныхъ средствъ основаннаго Новиковымъ и Шварцемъ «Дружескаго ученаго общества» (*Лонгиновъ*, *М. Н.*, Новиковъ и Московскіе мартинисты, 138—145.—*Ешевскаго*, Замѣчанія, въ *Русск. Вѣстникѣ*, 1857, ч. XII, стр. 183). П. А. Татищевъ былъ женатъ на Настасьѣ Парамоновнѣ Плещеевой и имѣлъ сына Петра и дочерей—Анну (умершую дѣвицей), Елисавету (за помѣщикомъ Чириковымъ) и Екатерину (за извѣстнымъ Л. Энгельгардтомъ). Этотъ самый Петръ Петровичъ Татищевъ и былъ одинъ изъ участниковъ въ балетѣ. Въ 1774 г. онъ, въ уваженіе какъ вѣрноподданической смерти Нефеда Кудрявцева, приводившагося ему прадѣдомъ, такъ и заслугъ гр. П. И. Панина, доводившагося ему дядею, по высочайшему повелѣнію, зачисленъ былъ въ гвардію поручикомъ. Когда отецъ его переѣхалъ на житье въ Москву, Петръ Петровичъ былъ уже взрослымъ юношей и съ 1781 г. получалъ окончательное образованіе подъ руководствомъ Шварца, съ которымъ вмѣстѣ совершилъ путешествіе за границу. П. П. Татищевъ впослѣдствіи былъ также усерднымъ масономъ. Онъ былъ женатъ на сестрѣ масона Гине и имѣлъ единственную дочь Анастасью, отличавшуюся различными странностями и вышедшую замужъ за кн. П. М. Долгорукова, также большаго эксцентрика (*Лонгинова*, *М.*, Новиковъ, стр. 139, 150, 232).

Иванъ Яковлевичъ фонъ-Фалькенбергъ.

Иванъ Александровичъ Трофимовъ.

„Учители же и ученики, тѣ, которые въ сіе торжество держали рѣчи, на другой день прошены были къ его превосходительству господину губернатору къ обѣденному столу.

„При семъ имѣю честь вашему высокопревосходительству сообщить сказываемыя учителями и учениками рѣчи.

„А для напечатанія оной реляціи въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, по требованію генерала-поручика и здѣшняго господина губернатора, статскому совѣтнику и Московскаго университета директору Михайлѣ Васильевичу Приклонскому таковая жъ реляція при репортѣ отправлена.

„Также имѣю честь вашему высокопревосходительству донесть, что къ украшенію трона, занавѣса, штофъ и все къ тому потребное, также и музыканты, даны были отъ господина губернатора, а платье на представляющихъ юношахъ было ихъ собственное.

„И такимъ образомъ, на сіе всерадостнѣйшее торжество изъ казенной гимназической суммы денегъ ничего употреблено не было, кромѣ какъ на оболочку въ переплетѣ сказываемыхъ рѣчей, для раздачи здѣшнему духовенству и знатному дворянству, на золотую бумагу, и къ прибитію ельника на гвозди, которымъ вся аудиторія убрана была“.

На этотъ рапортъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, Мелиссино отвѣчалъ такимъ письмомъ:

„Высокоблагородный господинъ надворный совѣтникъ!
Дражайшій другъ!

„Изъ пріятнаго ко мнѣ письма вашего высокоблагородія, отъ 29-го сентября, усмотрѣлъ я съ отмѣнною радостію и совершеннымъ удовольствіемъ великіе труды, которые вы для приращенія тамошнихъ гимназій прилагаете. И какъ я ваши учрежденія и распоряженіе весьма одобряю и хвалю, то также за должное себѣ почитаю ваше высокоблагородіе увѣрить, что я никакого случая пропускать не буду, чтобъ стараться о награжденіи вашей къ услугамъ ревности, и ничего такъ нетерпѣливо не желаю, какъ чтобъ наискорѣе могъ исполнить сіе мое благожеланіе. Мнѣ извѣстны ваши таланты, ваше трудолюбіе и особенное стараніе о всемъ томъ, что къ умноженію пользы вашихъ учрежденій касается: и для того я обязанъ не только похвальнѣйшія объ васъ давать свидѣтельства, но также стараться и о томъ, чтобъ

они вамъ были полезны. О чемъ тѣмъ наипаче менѣе сомнѣваться можно, чѣмъ съ большимъ удовольствіемъ сіе торжественное дѣйствіе Казанскихъ гимназій въ высочайшее мѣсто было принято, и для того весьма было мнѣ пріятно, что вы письма господина статскаго совѣтника Эпинуса мнѣ прислали [1]).

„Только госпожа губернаторша слишкомъ противъ своихъ почитателей и друзей совѣстна и воздержна. Она, имѣя столь великое участіе въ вышерѣченной рекомендаціи Казанскихъ гимназій, едва тѣхъ удостоиваетъ радости наслаждаться удовольствіемъ милостивѣйшей монархини, которые однакожъ весьма чувствуютъ какою благодарностію госпожѣ губернаторшѣ обязаны, и сколько она сей знакъ императорскаго удовольствія заслужила. Старайтесь ваше высокоблагородіе госпожи губернаторши и господина ея супруга къ гимназіямъ сохранить благоволеніе и соединенными силами тамошнихъ дворянъ къ любви свободныхъ наукъ и знаній возбудить.

„Что касается до вашей нѣмецкой рѣчи, то я, не взирая на всѣ ваши извиненія, усматриваю въ ней мастерскую руку, которая превосходнымъ образомъ основаніе оной начертала и равномѣрно столь искусно оное въ совершенство привела бы, если бы время и обстоятельства дозволили. Также смотрѣть должно, кто говоритъ? И въ

---

[1]) Францъ-Ульрихъ-Теодоръ Эпинусъ (род. 1725) былъ профессоромъ астрономіи въ Берлинѣ, а съ 1756 года профессоромъ въ С.-Петербургской академіи наукъ. Имя его пользуется извѣстностью въ исторіи физики по новому объясненію теоріи электричества и магнетизма (Tentamen theoriae electricitatis et magnetismi) и еще потому, что онъ первый открылъ электрическія свойства въ турмалинѣ. При академіи С.-Петербургской онъ состоялъ лѣтъ 10 и въ это время не мало враждовалъ съ Ломоносовымъ, поводомъ къ чему была изобрѣтенная Ломоносовымъ «ночезрительная труба» (tuba nyctoptica), а потомъ снаряженіе экспедиціи для наблюденія прохожденія Венеры мимо солнца (*Пекарскаго*, Ист. Ак. Наукъ, II, 641, 648, 696, 701). Впослѣдствіи Эпинусъ занималъ разныя должности въ С.-Петербургѣ, не относившіяся прямо къ академической ученой профессіи. Между прочимъ онъ преподавалъ высшую математику великому князю Павлу Петровичу (*С. Порошина*, Записки, стр. 294 и *Русскій Архивъ*, 1869, стр. 13, 37, 39). Былъ также членомъ особой коммиссіи объ установленіи въ государствѣ училищъ (*Русскій Архивъ*, 1865 г., стр. 824—830. Указъ 7-го сентября 1782 г.; Полн. Собр. Зак. XXI, № 16507). Еще прежде того, именно въ 1760 г., по вызову И. И. Шувалова, онъ, вмѣстѣ съ академиками Брауномъ, Фишеромъ, Протасовымъ и Котельниковымъ, обсуждалъ вопросъ объ устройствѣ училищъ и далъ отзывъ, что учрежденіе гимназіи въ Казани необходимо прежде всего (*П. Пекарскій*, Ист. Ак. Наукъ, I, стр. 629). Эпинусъ умеръ въ 1802 году въ Дерптѣ.

семъ случаѣ ораторъ много хорошаго сказалъ; и если бы сочинитель рѣчи ему болѣе повѣрилъ, то сіе бы излишно было. Я бы ваше высокоблагородіе болѣе хвалилъ, если бы въ своей рѣчи мнѣ менѣе похвалы приписывали. Будьте увѣрены, что я всѣ сіи изъясненія, якобы свидѣтельства вашего ко мнѣ доброжелательнаго сердца, съ благодарностію принимаю. Но прошу также принять мое наставленіе: такіе дни и рѣчи единственно для похвалы ея величества означены. Мы имѣемъ здѣсь не мало матерій. Жатва велика и обильна; останемся при ней. Такія посторонности и чужая употребленная въ нихъ похвала отъ другихъ неравно разсуждаемы быть и намъ зависть причинить могутъ; и мы другъ друга чрезъ панегирикъ въ непредвидимую досаду привести можемъ. Мысли мои въ семъ примѣчаніи благи и честны; вспомните ихъ впередъ. Притомъ посылаю вамъ также нѣсколько экземпляровъ моихъ трудовъ; раздайте ихъ моимъ благодѣтелямъ и друзьямъ. Если имъ поправится мой переводъ, то, мои труды довольно награждены будутъ. На ваши сочиненія, въ коихъ вы три года упражнялись, имѣю великую надежду. По совершенству вашего просвѣщеннаго разума, вы, конечно, въ чемъ-нибудь хорошемъ упражнялись. Чтобъ такое ни было, я отъ вашей ко мнѣ довѣренности никогда не отрекусь; но вамъ мое мнѣніе, такъ какъ другъ, то-есть, по самой искренности, объявлю. Въ сей дружбѣ я васъ увѣряю, что навсегда съ великимъ почтеніемъ остаюсь

вашего высокоблагородія

покорнѣйшій слуга Иванъ Мелиссино“ [1]).

Это письмо открываетъ намъ, что Каницъ свои офиціальные рапорты сопровождалъ особыми посланіями, въ которыхъ, какъ надобно полагать, сообщалось болѣе подробностей и съ большею откровенностію. Усматривается также и то, что Каницъ умѣлъ воскурять оиміамъ начальству, но какъ надобно полагать, въ настоящемъ случаѣ перешелъ далеко за границу, потому что Мелиссино счелъ необходимымъ замѣтить, что такая „похвала отъ другихъ неравно разсуждаема быть и зависть причинить можетъ“. Не совсѣмъ ясно для насъ то, что говоритъ Мелиссино о губернаторшѣ. Въ рапортахъ Каница объ участіи ея не упоминается, а между тѣмъ Мелиссино выражаетъ

---

[1]) Это письмо также было напечатано въ *Библіограф. Запискахъ* 1858 г. № 24, стр. 743 и 744. Замѣтимъ также, что подлинные переводы этихъ писемъ Мелиссино почему-то переплетены въ «Столбѣ дѣламъ 1777 года», листъ 197 и 291.

сожалѣніе, что „она, имѣя столь великое участіе въ рекомендаціи гимназій, противъ своихъ почитателей и друзей совѣстна и воздержна". По всей вѣроятности, губернаторша отозвалась, что изъявляемая ей благодарность не заслужена ею. Губернаторъ также очень уклончиво отвѣчалъ университету на полученное отъ него благодареніе. Онъ также старался отклонить отъ себя похвалы и довольно ловко обратилъ ихъ на Каница: „Почитая себя со всемъ обществомъ здѣшнимъ", писалъ онъ,—„сколько счастливыми, то не менѣе и благодарными, что по благоразумному Императорскаго Московскаго университета учрежденію и по отличнымъ трудамъ и усердности директора фонъ-Каница имѣемъ случай пользоваться полезнымъ симъ училищемъ, къ славѣ и чести отечества съ успѣхомъ процвѣтаемымъ". Этотъ отзывъ показываетъ, что желаніе куратора о пріобрѣтеніи Каницемъ благоволенія госпожи губернаторши и господина ея супруга увѣнчалось успѣхомъ. Впрочемъ, и удивляться этому нечего: и губернаторъ, и директоръ были соплеменники... Да и нельзя дурное мыслить о Каницѣ, который дѣйствительно усердно трудился „для приращенія гимназій" и въ то же время занимался разными изслѣдованіями. Мы не знаемъ, о какомъ говоритъ Мелиссино сочиненіи, надъ которымъ Каницъ упражнялся уже три года; но намъ извѣстно, что онъ занимался описаніемъ естественныхъ произведеній Казанскаго края и изслѣдованіемъ его древностей, о чемъ будетъ упомянуто далѣе.

Этотъ 1771 годъ, какъ замѣчено выше, наиболѣе отличался веселостями. Тезоименитство государыни, 24-го ноября, отпраздновано блестяще, при чемъ и гимназіи принимали участіе.

Утромъ всѣ „коронѣ служащія особы", а также дворянство и купечество приносили поздравленія губернатору, а когда ударили въ колоколъ, всѣ съ губернаторомъ отправились въ соборъ, гдѣ, по литургіи, отпѣтъ молебенъ при пушечной пальбѣ и звонѣ колоколовъ. Отъ обѣдни всѣ отправились къ архіепископу Веніамину, а оттуда на обѣдъ къ губернатору. Питіе за всевысочайшее здоровье, какъ и должно, сопровождалось пушечными выстрѣлами.

„По наступленіи вечера начался въ залѣ балъ, въ срединѣ которой зажженъ былъ высочайшій вензель ея императорскаго величества, какъ преизящный предметъ всеобщія радости сего предражайшаго дня. Насупротивъ дома также горѣла иллюминація изъ за-прозрачныхъ картинъ, и притомъ всѣ городскія улицы фонарями были иллюминованы".

Дворяне выразили желаніе дать спектакль и выпросили позволеніе

представить трагедію Сумарокова „Семиру“, что̀ и было исполнено на другой день въ гимназіи. „Его преосвященство господинъ архіепископъ, дворянство и множество прочихъ зрителей смотрѣли съ живымъ удовольствіемъ, какъ симъ театральнымъ дѣйствіемъ торжество сего всему Россійскому государству столь драгоцѣннаго дня оканчивалось“. Дѣйствующія лица въ трагедіи были:

Семира—Елисавета Егоровна Барботъ де-Марни, племянница губернатора.

Избранна—Анна Николаевна Мельгунова.

Олегъ—Сергѣй Михайловичъ Полянскій.

Ростиславъ—Алексѣй Васильевичъ Мельгуновъ.

Оскольдъ—графъ Петръ Андреевичъ Толстой.

Возведъ—князь Василій Борисовичъ Болховской.

„Для меньшихъ ролей сей трагедіи, такъ какъ и для свиты воиновъ, нѣкоторые благородные студенты здѣшнихъ гимназій приглашены были, коими, по окончаніи трагедіи, представленъ былъ русской небольшой піэзъ“ [1]).

Изъ событій, не относящихся прямо къ гимназіямъ, но по какимъ-либо обстоятельствамъ упоминаемыхъ въ дѣлахъ гимназическихъ, мы замѣтимъ за 1771 годъ слѣдующее:

Извѣстно, что въ этотъ годъ проникла въ Россію чума, виновницею чего, по преданію, была какая-то корыстолюбивая и скупая воеводша, воспользовавшаяся имуществомъ послѣ умершихъ Армянъ или другихъ какихъ-то азіатскихъ торговцевъ. Съ особенною свирѣпостію чума дѣйствовала въ Москвѣ, и между прочимъ, была поводомъ къ народному мятежу, жертвою котораго сдѣлался Московскій архіепископъ Амвросій (Зертисъ-Каменскій). Энергическими мѣрами лицъ, начальствовавшихъ въ Москвѣ, мятежъ былъ прекращенъ, тѣмъ не менѣе совершеннаго спокойствія не водворилось. Какъ и всегда въ эпоху особенныхъ бѣдствій, масса народа становится чрезвычайно легковѣрна и податлива на всякую молву, такъ и въ эту пору стали

---

[1]) Эта реляція, а также реляціи о празднованіи 21-го апрѣля и 22-го сентября, напечатаны г. *Владиміровымъ* въ его «Историч. Запискѣ» (I, 114—118), но съ пропусками и съ замѣчательными ошибками, свидѣтельствующими о неправильномъ чтеніи рукописей и нерѣдко искажающими подлинный смыслъ. Такъ, напримѣръ, у г. Владимірова напечатано «*учиненное* торжество», а нужно «*ученое*» или «нѣжная *знать*», а нужно «*юность*» и т. п.—Вообще приведенными г. Владиміровымъ выписками изъ дѣлъ можно пользоваться только съ крайнею осмотрительностію.

повсемѣстно распространяться разные нелѣпые толки, какъ о причинахъ эпидеміи, такъ и о мѣрахъ правительства. Между прочимъ, стали появляться по деревнямъ ложные указы и всякіе вѣстовщики, увѣрявшіе, что само правительство призываетъ народъ въ Москву, и что туда должно являться вооруженнымъ, кто какъ можетъ. Вообще время было неспокойное: на юго-западной границѣ Россія занята была войною въ Турціи и Польшѣ, а у предѣловъ юго-восточныхъ уже начиналось броженіе умовъ: смирные и тихіе Калмыки, кочевавшіе въ южномъ Заволжьѣ, притѣсняемые приставами и не получавшіе удовлетворенія по жалобамъ, въ числѣ 33.000 кибитокъ, откочевали въ предѣлы китайскіе; назначенные въ погоню за ними Яицкіе казаки выказали неповиновеніе, а вслѣдъ затѣмъ и вовсе возмутились. Правда, большая часть этихъ событій происходила далеко отъ Казани и Казанской губерніи, однако, нельзя сказать, что они не оказывали здѣсь никакого вліянія. Напротивъ видно, что ложные указы о чумѣ проникали и въ здѣшнее Приволжье, а самая чумная зараза обнаруживалась хотя не въ сильной степени, въ селѣ Богородскомъ, лежащемъ противъ устья Камы и всегда служившемъ мѣстомъ привала судовъ, идущихъ съ Волги на Каму или обратно [1]); были смертные случаи и въ самой Казани. Впрочемъ особенныхъ бѣдствій не случилось: въ пору принятыя мѣры, сообразно инструкціямъ, распубликованнымъ при манифестѣ отъ 21-го сентября 1771 года [2]), не допускали развиться заразѣ въ Казанской губерніи.

Въ слѣдующій 1772 годъ Каницъ особенно занятъ былъ приведеніемъ въ должный порядокъ педагогической части въ гимназіяхъ и хлопотами о лучшемъ устройствѣ самаго помѣщенія гимназіи.

Программа или „Способъ ученія“, изданный по распоряженію Мелиссино въ 1771 году, во главу ученія и обученія полагалъ слѣдующее правило: „Никто, не имѣющій воспитанія самъ, другихъ воспитывать не можетъ“. Отсюда естественно вытекала мысль о строгомъ выборѣ наставниковъ, имѣющихъ быть образцами для своихъ учени-

---

[1]) Обширное торговое село съ пристанью въ Тетюшскомъ уѣздѣ (№ 1878 Списка населен. мѣстъ Казан. губ.). Въ «Описаніи моровой язвы», изданномъ въ 1775 г., о дѣйствіяхъ чумы въ Казанской губерніи только упомянуто,—стр. 79,—но никакихъ подробностей не сообщено.

[2]) Полн. Собр. Зак. т. XIX, № 13657. Изъ другихъ бумагъ 1771 года видно, что въ эту пору почтовые прогоны, по случаю войны и другихъ обстоятельствъ, назначены по 1 деньгѣ на версту, тогда какъ прежде были по 3 коп. за 10 верстъ.

ковъ, и правительственный контроль надъ тѣми и другими, хотя бы они находились и въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Съ этою цѣлію было постановлено, чтобы передъ лѣтнею ваканціей, содержатели частныхъ пансіоновъ непремѣнно представляли своихъ учениковъ въ гимназію для экзамена вмѣстѣ съ гимназистами. Университетъ желалъ распространить эту мѣру и на дѣтей домашняго воспитанія, однако не сдѣлалъ ея обязательною для родителей, представляя на собственное ихъ усмотрѣніе исполненіе ея.

Примѣняя эти правила къ Казанской гимназіи, Каницъ особенно строго смотрѣлъ на учителей иностранцевъ, не имѣвшихъ университетскихъ аттестатовъ. Онъ даже просилъ университетъ, 1-го февраля 1772 года, разрѣшить ему, при содѣйствіи губернатора, выслать всѣхъ такихъ преподавателей, занимающихся обученіемъ частно. Это представленіе, кажется, не достигло своей цѣли, хотя оно главнымъ образомъ опиралось на Высочайшій указъ 5-го мая 1757 года, которымъ, подъ страхомъ штрафа въ 100 руб., положительно запрещалось держать и принимать въ учителя не аттестованныхъ отъ университета иностранцевъ. Сколько извѣстно, университетъ и самъ крайне озабоченъ былъ такимъ вопросомъ и даже доносилъ сенату (31-го декабря 1772 г.) о томъ, что Высочайшее повелѣніе 1757 г. почти вовсе не исполняется: сенатъ, однако (въ 1777 г.), отклонилъ подтвержденіе этого повелѣнія [1]).

Что касается введенія преподаванія всѣхъ предметовъ въ гимназіи, согласно съ изданнымъ „Способомъ“, то главное препятствіе въ исполненіи этого поставлялось невозможностію имѣть достаточное число вполнѣ способныхъ учителей. Въ рапортѣ 30-го августа Каницъ объяснялъ, что хотя приложено всевозможное стараніе сообразоваться въ преподаваніяхъ съ присланными отъ университета программами, однако Казанскія гимназіи вполнѣ достичь равенства съ гимназіями Московскими не могутъ, потому что въ послѣднихъ всегда есть достаточное число преподавателей, притомъ гораздо лучшихъ по знаніямъ и значительнѣе обезпеченныхъ. Необходимость вынуждала, для полноты курса, поручать одному и тому же учителю преподаваніе нѣсколькихъ предметовъ и снисходительно смотрѣть на неудовлетворительность преподаванія. Такъ, напримѣръ, учитель высшаго ариѳметическаго класса Григорій Горенковъ, кромѣ ариѳметики, училъ также по гречески и по латыни и когда просилъ, чтобы въ

[1]) *Шевырева*, Ист. Моск. унив., 106, 107.

высшій ариѳметическій классъ переводили учениковъ, знающихъ дроби, то учитель нижняго ариѳметическаго класса отозвался, что „онъ далѣе дѣленія одного рода и самъ не знаетъ". Чтобы поправить дѣло и удовлетворить справедливому желанію Горенкова, поручено преподаваніе ариѳметики учителю языковъ россійскаго и латинскаго Крылову.

Выше было замѣчено, что съ 1769 г. введено въ гимназіяхъ преподаваніе татарскаго языка, „а какъ гимназіямъ не совсѣмъ было извѣстно, сколь далеко намѣреніе ея величества въ разсужденіи ученія сему языку исполнено, поколику въ гимназіяхъ никто по татарски читать и писать не зналъ" (14-го декабря 1772 г.),—то Каницъ, желая основательнымъ образомъ удостовѣриться въ успѣхахъ учениковъ въ этомъ языкѣ, обыкновенно приглашалъ на экзамены муллъ Старой и Новой татарскихъ пригородныхъ слободъ и ихъ отзывы принималъ за окончательную аттестацію.

Такимъ образомъ, Каницъ, не смотря на ограниченность средствъ, старался не только достигать большихъ успѣховъ въ обученіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ всячески старался о расширеніи круга преподаванія въ гимназіяхъ. Въ эту пору въ Московскомъ университетѣ предположено было по середамъ и субботамъ читать публично лекціи физики съ производствомъ опытовъ; кромѣ того „открыть вновь лекціи толкованія критическимъ и историческимъ образомъ всѣхъ любопытныхъ происшествій, упоминаемыхъ въ газетахъ, съ присоединеніемъ къ тому нѣкоторыхъ географическихъ описаній мѣстъ, гдѣ оныя дѣйствія происходить будутъ", и наконецъ, объяснять разныя достопримѣчательности изъ генеалогіи, геральдики, нумизматики и проч. Чтеніе этихъ лекцій принялъ на себя „почетный профессоръ" университета, Французъ Берляндъ де-ла-Борделіеръ, изъявившій при томъ намѣреніе издавать еженедѣльно листочки, въ которыхъ сообщались бы эти лекціи съ присоединеніемъ анекдотовъ и т. п. При первомъ извѣстіи объ этомъ предпріятіи Каницъ просилъ (16-го августа 1772 года) директора Приклонскаго о высылкѣ въ гимназію нѣсколькихъ экземпляровъ этихъ листочковъ, какъ для чтенія ихъ въ гимназіи, такъ и для распространенія ихъ въ публикѣ. Изданіе это, однако, не состоялось, хотя лекціи и читались въ университетѣ въ теченіе двухъ лѣтъ (1772—1774 г.) [1]).

---

[1]) *Шевыревъ*, Ист. Моск. унив., 138.

Каницъ хлопоталъ также и о томъ, чтобы при гимназіяхъ были постоянные учители рисованія и танцованія, и просилъ, 6-го декабря, разрѣшить ему пріискать такихъ учителей, потому что „многіе родители о томъ въ гимназіяхъ провѣдывали". Каницъ, въ нѣкоторомъ родѣ, хотѣлъ поставить гимназіи въ такое положеніе, чтобъ онѣ считались источникомъ или разсадникомъ всевозможныхъ отраслей знаній и искусствъ.

Но хлопоты его объ исправленіи гимназическихъ зданій и постройкѣ новаго дома, по прежнему, оставались не разрѣшенными, хотя губернаторъ изъявлялъ полную готовность содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ. Старый же гимназическій домъ, построенный изъ весьма тонкаго лѣса, лѣтъ за 20 до открытія гимназій въ 1757 году, пришелъ въ такую ветхость, что оказывался не безопаснымъ для обитанія: въ немъ даже разваливались стѣны, а отъ этого не было возможности держать въ исправности печи, не смотря на частыя ихъ передѣлки и поправки. Какъ ни настойчивы были представленія Каница объ этомъ, какія доказательства ни приводилъ онъ, что постройка новаго дома необходима и не введетъ въ большіе расходы, — гимназіи такъ и остались не поправленными, пока не сгорѣли вовсе въ 1774 году.

Однако и въ этихъ ветхихъ зданіяхъ порою проводилось время весело. Изъ рапорта Каница директору университета Приклонскому 19-го января 1772 года видно, что въ продолженіе святокъ этого года въ гимназіяхъ пять разъ давались театральныя представленія, въ присутствіи губернатора и прочихъ знатныхъ лицъ. Какія разыгрывались пьесы—мы отыскать не могли. Спектакли эти устраивались возможно экономическимъ образомъ. Сборъ за посѣщеніе назначать было неприлично, но чтобы покрывать издержки по спектаклю, выставлялся у дверей театральной залы запечатанный ящикъ для добровольныхъ приношеній. Зрители, входя, „полагали въ сей ящикъ за музыку и свѣчи по собственному ихъ соизволенію деньги", и ихъ оказывалось всегда достаточно на покрытіе этихъ издержекъ, а остатки дѣлились между учениками; бо́льшую долю, конечно, получали участвовавшіе въ представленіяхъ.

Подобнымъ образомъ повторены были спектакли и въ святки 1772—1773 года; а день рожденія великія и премудрыя монархини, дражайшія матери отечества, 21-го апрѣля 1773 г., отпразднованъ опять маскарадомъ и балетомъ. Реляція объ этомъ торжествѣ со-

ставлена по формѣ прежнихъ, однако, мы приведемъ ее въ возможно полномъ видѣ [1]):

„Какъ въ церквахъ молитвенныя жертвы для сего драгоцѣннаго дня при пушечной пальбѣ торжественнѣйшимъ образомъ Богу принесены были, то святѣйшаго правительствующаго синода членъ, преосвященный Веніаминъ, архіепископъ Казанскій и Свіяжскій, съ первѣйшими изъ духовенства, чиновныя особы, дворянство и знатнѣйшіе изъ гражданъ, слѣдовали къ его высокопревосходительству здѣшнему господину губернатору, генералъ-порутчику и кавалеру фонъ-Бранту къ обѣденному кушанью, во время котораго при питіи за высочайшія здравія производилась пушечная пальба. Въ вечеру у его жъ высокопревосходительства для каждаго въ пристойной маскѣ прибывшаго былъ маскарадъ. Предъ домомъ изъ-за прозрачныхъ картинъ горѣла иллюминація, также и всѣ улицы города были иллюминованы.

„Въ слѣдующій день, 22-го числа, сей всерадостнѣйшій праздникъ также въ Казанскихъ гимназіяхъ, по старанію директора оныхъ надворнаго совѣтника фонъ-Каница, торжествованъ былъ слѣдующимъ образомъ. Какъ скоро публика, которая чрезъ программы приглашена была, при продолженіи музыки, заняла мѣста въ авдиторіи, то гимназіи инспекторомъ говорена была съ катедры *рѣчь* на латинскомъ языкѣ, сему торжественному дню, сверхъ ученаго содержанія, соотвѣтствующая; потомъ информаторомъ на россійскомъ языкѣ—*о пользѣ математики*. Послѣ онаго передъ катедрою говорены были *сочиненія* на разныхъ языкахъ изъ разныхъ матерій нѣкоторыми благородными учениками. Затѣмъ читана была другимъ информаторомъ съ катедры жъ *ода* въ достодолжную похвалу преизящнѣйшей монархинѣ, на россійскомъ языкѣ.

„Наконецъ, по окончаніи сего ученаго торжествованія, еще чрезъ слѣдующее, по парочному требованію господина губернатора, на его иждивеніи учрежденное и достойности праздника весьма приличное прибавленіе пріятнѣйшимъ образомъ украшено было. Въ близости того мѣста половины авдиторіи, покрытаго краснымъ сукномъ, гдѣ читаны были рѣчи, вскорѣ по окончаніи оныхъ, вдругъ поднята была

---

[1]) Эта реляція, адресованная къ директору Приклонскому, найдена была нами ва дѣлахъ 1772 года писанною съ большими и многочисленными помарками, а листы ея (223—229) довольно поврежденными, такъ что (говоря откровенно) нѣкоторыя фразы, быть можетъ, пріурочили мы невсегда правильно.

двумя, въ римское платье одѣтыми, занавѣса, за которой увидѣнъ былъ престолъ изъ зеленаго штофу съ золотомъ; на креслахъ, такимъ же штофомъ обитыхъ, находилось изображеніе монархини. поддерживаемое двумя щитодержателями, въ римское жъ платье одѣтыми. Внизу на ступеняхъ престола сидѣла въ обыкновенномъ своемъ уборѣ Минерва, которая съ удивленіемъ къ всевысочайшему портрету взоръ свой устремляла. Съ обѣихъ сторонъ престола вышли пять малолѣтныхъ благородныхъ юношей и столько же благородныхъ малолѣтныхъ дѣвицъ [1]), въ красивой пастушьей одеждѣ, и представляли при одной къ сему изготовленной инструментальной и вокальной музыкѣ балетъ, въ которомъ сему нѣжному юношеству удалось чувствованія глубочайшаго почтенія съ невиннымъ усердіемъ для всевысочайшаго благополучія дражайшія обладательницы восхищать и весьма искусснымъ образомъ изъяснять. Двое изъ нихъ, въ срединѣ балета, вступивъ на нижнюю ступень престола, окладывали всевысочайшій портретъ фестонами. Тогда прочіе пали на колѣна въ двѣ линіи предъ престоломъ, и при вставаніи, осыпали окружность онаго цвѣтами изъ своихъ корзинокъ. Напослѣдокъ сидящая на ступени престола Минерва вступила съ прочими въ рядъ. И такимъ образомъ, сія цвѣтущая юность, чрезъ столь разныя искусныя дѣйствія, а особливо чрезъ нѣкоторыя молящія движенія, аріи соотвѣтствующія, сердца присутствующихъ наполняла радостнымъ и усерднѣйшимъ чувствованіемъ, которое чувствительнѣйшіе изъ зрителей изъявляли радостными слезами.

„Имена благороднаго юношества при балетѣ суть слѣдующія:

Дѣвицъ:

Елисавета, Екатерина и Анна фонъ-Брантъ,—дочери господина здѣшняго губернатора, изъ коихъ послѣдняя, имѣющая еще четвертой годъ, въ разсужденіи ея лѣтъ съ удивительною пристойностію и невинности исполненною пріятностію публику приводила во удивленіе [2]).

---

[1]) Далѣе, однако, поименованы не пять, а шесть дѣвицъ.

[2]) Форма отзыва о дочеряхъ губернатора, особенно о меньшой, какъ видно, очень озабочивала Каница. Въ черновой реляціи она измѣнена четыре раза: мы привели ту, которая оказалась съ меньшими поправками. Однако, на особо вложенномъ листѣ (занумерованномъ 224) собственноручно Каницемъ было написано еще вотъ что: «Между благороднымъ юношествомъ, кое сей балетъ пред-

Шарлота фонъ-Баннеръ.
Дарья Голицына.
Екатерина Бекетова.

Юношей:

Густавъ фонъ-Баннеръ.
Михайла Палицынъ.
Иванъ Неяловъ.
Иванъ Фалкенбергъ.
Андрей Копытовъ.

„Также имѣю честь вашему высокородію донести, что для сего торжествованія, въ которомъ г. губернатору отказать не можно было, ничего отъ гимнизіи употреблено не было, поколику все касающееся до балета и украшенія на его иждивеніи было, кромѣ какъ на оболочку на переплетъ сказыванныхъ рѣчей для раздачи публикѣ, которые, если отъ вашего высокородія приказано будетъ, къ вамъ присланы быть имѣютъ“ [1]).

Относительно учебной части въ 1773 году наиболѣе замѣчательны по нашему мнѣнію, слѣдующія обстоятельства.

Московскій университетъ особеннымъ ордеромъ предписывалъ фонъ-Каницу сообщить университету „о россійскихъ древностяхъ, если примѣчанія и любопытства достойныя въ гимназіяхъ находятся“. Каницъ отвѣчалъ на это, что въ гимназіяхъ никакихъ нѣтъ древностей; но это предписаніе, по всей вѣроятности, послужило, такъ сказать, вызовомъ къ тому, что Каницъ занялся изслѣдованіемъ Казанской старины и впослѣдствіи составилъ планъ древняго расположенія Казани.

Кромѣ того, конференція университета нашла несообразнымъ введеніе въ гимназическій курсъ нѣкоторыхъ предметовъ преподаванія и предписывала, чтобы „классамъ для ученія о состояніи неба и земли,

---

ставляло, находились три дочери г. губернатора, изъ коихъ одна, будучи по четвертому году, въ разсужденіи ея лѣтъ, съ невинною пристойностью приводила публику въ пріятное удивленіе». Какая редакція осталась въ бѣловомъ рапортѣ, мы не знаемъ.

[1]) Этотъ заключительный параграфъ также подвергся неоднократнымъ измѣненіямъ. Мы приводимъ редакцію, писанную собственноручно Каницемъ на особомъ листкѣ, помѣченномъ цифрою 229. Другія редакціи буквально сходны съ заключеніями реляцій прежнихъ годовъ. Говорится только, что бумага на переплетъ рѣчей употреблена «турецкая».

также для приведенія поступки и сердца въ порядокъ, при гимназіяхъ быть не слѣдуетъ, а производимо бъ было ученіе по изданному при университетѣ методу“,—то-есть, по „Способу ученія“, составленному Мелиссино. Во исполненіе такого положительнаго запрещенія, Каницъ прекратилъ эти уроки и донесъ университету: „Классъ, которой для приведенія поступокъ и сердецъ въ порядокъ до 1772 года по субботамъ состоялъ, а по полученіи новаго способа, тогда же отставленъ“.

VI.

Празднество 21-го апрѣля 1773 года замѣчательно въ томъ отношеніи, что оно было послѣднимъ. Надолго послѣ него, прекратились въ Казани всякія торжества и театральныя зрѣлища [1]). Въ сопредѣльномъ съ Казанскою губерніей Оренбургскомъ краѣ было очень неспокойно; явленіе самозванца между Яицкими казаками наводило уныніе и страхъ на всѣхъ. Съ этого времени въ дѣлахъ гимназическихъ чаще и чаще начинаютъ встрѣчаться бумаги, касающіяся не столько устройства учебной части или внѣшняго благосостоянія гимназій, сколько мѣръ предосторожности на случай внезапныхъ тревогъ. Очевидно, что хотя гроза проходила еще далеко, однако горизонтъ уже помрачался сильно и здѣсь: паника увеличивалась.

Впрочемъ, нечего и удивляться распространявшемуся здѣсь унынію. Пугачъ, проявившійся на Яикѣ подъ именемъ „государя Петра Ѳедоровича“, за три мѣсяца до настоящихъ происшествій находился въ Казани, какъ арестантъ, но пользовался значительною свободою и ходилъ по городу; въ острогѣ его посѣщали многіе доброжелатели, и при ихъ помощи, среди бѣлаго дня, онъ ускакалъ въ повозкѣ изъ города. Теперь очевидными становились для всѣхъ, съ одной стороны крайняя оплошность начальства въ отношеніи къ важному арестанту, а съ другой — то, что этотъ арестантъ имѣлъ въ городѣ и въ губерніи надежныхъ единомышленниковъ и пособниковъ.

Неумѣстно излагать здѣсь исторію Пугачевскаго бунта, но при всемъ томъ нельзя не войдти въ нѣкоторыя подробности объ этомъ событіи, имѣвшемъ важныя послѣдствія для Казани и Казанскихъ гимназій.

---

[1]) *Рыбушкинъ*, Ист. Казани, I, 123,—утверждаетъ, что никакихъ театральныхъ представленій не было до 1791 года.

Извѣстно, что Пугачевъ, въ концѣ 1772 года, былъ арестованъ въ селѣ Малыковѣ (нынѣ гор. Вольскъ Саратовской губерніи), какъ подговорщикъ волновавшихся Яицкихъ казаковъ къ выселенію, по примѣру Некрасовцевъ, въ турецкія владѣнія, на рѣку Лабу. Пересылаемый для допросовъ и передопросовъ по инстанціямъ, Пугачевъ изъ Симбирской воеводской канцеляріи былъ отправленъ въ Казань, куда и приведенъ 4-го января 1773 года. Казанскій губернаторъ фонъ-Брантъ, „сей любви достойный наукъ любитель“ какъ называлъ его Мелиссино,—„только поглядѣлъ на приведеннаго арестанта“. Черезъ нѣсколько дней губернаторскій секретарь Адріанъ Абрамовъ потребовалъ Пугачева въ канцелярію и прочиталъ ему допросъ, снятый съ него въ Малыковѣ; а когда Пугачевъ отрекся отъ взведенныхъ на него показаній, то „секретарь, не дѣлая никакого письменнаго допроса, только плюнулъ и приказалъ съ рукъ сбить желѣза“. Вообще на этого арестанта не было обращено большаго вниманія: въ ту пору не считались рѣдкостью разглашатели разныхъ толковъ о дѣлахъ Яицкихъ казаковъ, и фонъ-Брантъ, донося сенату 21-го марта, признавалъ Пугачева просто „вралемъ“. Тѣмъ не менѣе 6-го мая послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы Пугачева, наказавъ, за его враки и за утайку своего званія, плетьми, сослать въ городъ Пелымъ, и тамъ, употребляя его въ работу, въ какую годенъ будетъ, производить кормовыхъ по три копѣйки на день, по смотрѣть за нимъ на-крѣпко, чтобы не сдѣлалъ оттуда побѣгу.

Эта резолюція получена была въ Казани 1-го іюня, а за три дня до того, 28-го мая, Пугачевъ бѣжалъ...

Принятъ былъ Пугачевъ какъ колодникъ секретный, и первоначально содержался при губернской канцеляріи; но послѣ, въ ожиданіи отвѣта изъ Петербурга, перемѣщенъ въ общій острогъ, гдѣ содержался вмѣстѣ съ другими арестантами, безъ особенныхъ предосторожностей. Его не только высылали на разныя казенныя работы наравнѣ съ простыми колодниками, но выпускали также ходить по городу для сбора милостыни и къ разнымъ благодѣтелямъ. Благодѣтелей же онъ пріобрѣлъ себѣ довольно, потому что, какъ самъ говорилъ впослѣдствіи, „велъ порядочную жизнь, вина тогда не пилъ и временемъ молился Богу, почему прочіе колодники, также и солдаты, почитали его добрымъ человѣкомъ“. Отъ этого и подаянія ему дѣлались значительнѣе: нѣкоторые вдругъ по рублю и больше, спрашивали при подачѣ именно: кто, де, здѣсь Емельянъ Пугачевъ?—вотъ, де, ему рубль. Такимъ образомъ у него постоянно водились и поря-

дочныя деньги. Особеннымъ благотворителемъ для него былъ зажиточный Казанскій купецъ Василій Григорьевъ Щелоковъ, ревностный раскольникъ и пріятель Иргизскаго игумена Филарета, у котораго Пугачевъ имѣлъ пріютъ, по выходѣ изъ знаменитой Вѣтки. Щелоковъ не только присылалъ ему неоднократно милостыню, но хлопоталъ за него у губернатора и давалъ взятки секретарю. Чрезъ Щелокова же онъ подбился въ милость къ другому важному раскольнику, Московскому купцу Ивану Иванову Хлѣбникову, который также обѣщалъ ходатайствовать объ его освобожденіи. Секретарь губернаторской канцеляріи даже положительно обнадеживалъ въ этомъ Пугачева: „Будетъ, мой другъ время“—говорилъ онъ ему. Законнаго освобожденія не послѣдовало; но льготы и послабленія въ содержаніи открыли Пугачеву возможность побѣга.

Въ числѣ арестантовъ былъ купецъ изъ пригорода Алата Парѳенъ Дружининъ, содержавшійся по какимъ-то казеннымъ взысканіямъ, но ожидавшій себѣ наказанія кнутомъ и ссылки, отчего и поговаривалъ: „Бѣжалъ бы куда ни есть, только не знаю, гдѣ скрыться будетъ“. Съ нимъ особенно сдружился Пугачевъ и поддержалъ въ немъ мысль о побѣгѣ, утѣшая: „Если бы, де, можно было отсель уйдти, такъ бы я тебя вывелъ на Донъ, а тамъ бы вѣрно нашли мѣсто, гдѣ прожить“. Дѣло было полажено тѣмъ скорѣе, что содѣйствовать побѣгу согласился еще одинъ изъ солдатъ, въ которомъ Пугачевъ замѣтилъ „малороссійскую наклонность къ неудовольствію въ его жизни“. Дружининъ поручилъ своему сыну приготовить лошадь и кибитку и въ назначенное время поджидать ихъ. Утромъ 28-го мая, Дружининъ съ Пугачевымъ отпросились у караульнаго офицера къ одному знакомому попу для полученія милостыни. Провожатыми ихъ были два солдата, изъ которыхъ одинъ, какъ сказано, самъ участвовалъ въ замыслѣ. Попа, однако, они не застали дома и потому возвратились въ острогъ, а потомъ, часа черезъ два, „въ обѣдъ“, опять отправились къ нему. На этотъ разъ попъ оказался дома, радушно принялъ колодниковъ и ихъ конвойныхъ и на данныя Дружининымъ деньги купилъ вина и меду. Заговорщики пили умѣренно, „а болѣе старались подпоить не согласнаго къ побѣгу солдата“, и вполнѣ достигли своей цѣли. Тогда они распрощались съ попомъ, сказавъ, что идутъ въ острогъ; попъ проводилъ ихъ за ворота и хлопнулъ за ними калиткой. Какъ же скоро вышли, то сынъ Дружинина на одной лошади, запряженной въ кибитку, ѣдетъ на встрѣчу, къ которому Дружининъ, хотя и зналъ, что сынъ его ѣдетъ, но чтобъ отвесть въ смотри-

теляхъ подозрѣніе, закричалъ: „Ямщикъ, что возьмешь довезть до острогу?“ А сынъ сказалъ: „Много ли васъ?“ А какъ ему сказано, что четверо, то запросилъ 5 копѣекъ, за которую плату всѣ четверо, а сынъ Дружинина пятый, и сѣли, и покрылъ тотъ мнимый для другихъ извощикъ привязанною къ кибиткѣ рогожкой, и такъ поѣхали, говоря несогласному солдату къ побѣгу, что ѣдутъ въ острогъ. А какъ закрытые всѣ рогожкою ѣдутъ долго, то солдатъ спрашивалъ: „Что, де такъ долго ѣдемъ?“ На то ему Пугачевъ отвѣчалъ: „Видно, де, не въ ту дорогу поѣхали“. Когда же выѣхали на Арское поле, то рогожку открыли, и солдатъ удивился, что за чудо, и спрашивалъ, зачѣмъ выѣхали изъ Казани. „Оставайся, де, съ благополучіемъ!“ А сами въ путь поѣхали; онаго солдата отнюдь не били...

Такія подробности о побѣгѣ сообщилъ самъ Пугачевъ, когда его допрашивали 16-го сентября 1774 года въ отдѣльной секретной коммиссіи въ Яицкомъ городѣ [1]).

Но и самый побѣгъ Пугачева, какъ кажется, не возбуждалъ на первыхъ порахъ въ Казани особенныхъ опасеній. Донесеніе о побѣгѣ его, написанное только 21-го іюня, пролежало не отправленнымъ еще семь дней; а между тѣмъ эти четыре недѣли надѣлали много разницы въ успѣхахъ Пугачева. Кромѣ того, есть поводъ думать, что первоначальныя распоряженія о поимкѣ бѣжавшихъ арестантовъ были разосланы въ такія мѣста, гдѣ Пугачеву не зачѣмъ было и скрываться... Все это раскрылось уже впослѣдствіи, но и то не разъяснило дѣла вполнѣ за смертію Бранта; а секретарь Абрамовъ оправдался тѣмъ, что онъ дѣйствовалъ какъ подчиненный...

И вотъ этотъ-то бѣжавшій арестантъ-бродяга, черезъ три мѣсяца послѣ побѣга изъ Казани, поднимаетъ все Яицкое казачье войско, забираетъ крѣпости и станицы, осадилъ самый Оренбургъ. Забунтовали Башкиры и начали грабить и раззорять русскія селенія; другіе инородцы этого края, Чуваши, Мордва, Черемисы, также волновались и приставали къ бунтовщикамъ. Киргизскій ханъ Нурали вошелъ въ сношенія съ самозванцемъ и готовится къ набѣгамъ. Крестьяне господскіе и горнозаводскіе явно выказывали свою приверженность къ Пугачеву, провозглашавшему полную свободу. Въ короткое время мятежное броженіе умовъ охватило весь край отъ Яика до Волги, Камы, Вятки и Тобола, край, занимаемый нынѣшними губерніями Оренбург-

[1]) *Чт. Моск. Общ. Ист.* 1858, ч. II, стр. 8—10, 42; 1859, ч. III, стр. 104.— *Москвитянинъ*, 1845, № 9, стр. 26—31.

скою, Самарскою, Уфимскою, Казанскою, Вятскою, Пермскою, Тобольскою. Вездѣ образовались шайки, предводители которыхъ, титулуя себя атаманами, есаулами и полковниками „государя-батюшки Петра Ѳедоровича", распространяли Пугачевскіе манифесты, захватывали казенное имущество, грабили и убивали всѣхъ остававшихся вѣрными законному правительству. При напряженномъ состояніи силъ государства, какъ по случаю военныхъ дѣйствій въ Турціи и Польшѣ, такъ и по причинѣ недавно свирѣпствовавшей чумы и вызванныхъ его мѣръ,—нельзя было ручаться за сохраненіе спокойствія и во внутреннихъ губерніяхъ.

При всей своей рѣшительности и находчивости, императрица Екатерина не безъ тревожнаго чувства взглянула на возникшее бѣдствіе: по странному стеченію обстоятельствъ, появленіе самозванца совпадало съ наступленіемъ совершеннолѣтія государя наслѣдника Павла Петровича [1]). Наскоро собрано нѣсколько ротъ и эскадроновъ изъ Петербурга, Новгорода и Москвы и отправлены въ Казань. Начальство надъ этими войсками, высочайшимъ указомъ 14-го октября 1773 года, поручено генералъ-маіору Кару, пріобрѣвшему большую извѣстность своими воинскими способностями во время дѣйствій въ Польшѣ. Губернаторамъ Оренбургскому Рейнсдорпу и Казанскому Бранту повелѣно оказывать всякое вспоможеніе Кару, которому вообще предоставлено было право распоряжаться вездѣ именемъ государыни. Вмѣстѣ съ этимъ обнародованъ повсемѣстно манифестъ о появленіи самозванца и о принятыхъ противъ мятежа мѣрахъ. Независимо отъ того, государыня особымъ рескриптомъ Казанскому архіепископу Веніамину повелѣла, чтобъ онъ составилъ для священниковъ подвѣдомой ему епархіи [2]) наставленія, кои бы они своимъ прихожанамъ во увѣщаніе читать и тѣмъ удерживать ихъ могли отъ присоединенія къ

---

[1]) Вѣсть о самозванствѣ Пугачева, какъ сообщаетъ *Державинъ* (Записки, стр. 49), разнеслась въ Петербургѣ въ день свадьбы Павла Петровича, 29-го сентября 1773 года.

[2]) Къ Казанской епархіи тогда принадлежала значительная часть Оренбургскаго края; остальная же часть его относилась къ епархіи Тобольской, почему Веніаминъ о волѣ государыни сообщилъ Тобольскому епископу Варлааму, и тотъ также разослалъ по своей епархіи наставленія духовенству. *Чтенія Московскаго Общества Исторіи* 1859 г., I, стр. 51, 52. Епископъ Вятскій Варѳоломей также издалъ «Краткое увѣщаніе къ народу своей епархіи». См. *Чтенія Моск. Общ. Ист.* 1848, № 7, а также мое описаніе рукописей Казанскаго университета, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1854, № 8, отд. III, стр. 44.

самозванцу. Увѣщанія Веніамина могли имѣть особенную важность, потому что онъ, до перемѣщенія въ Казань, занималъ архіепископскую каѳедру въ Петербургѣ и въ 1762 году былъ очевидцемъ событій, сопровождавшихъ воцареніе Екатерины. И дѣйствительно, Веніаминъ, въ одномъ изъ своихъ увѣщаній, свидѣтельствуясь Богомъ, объявлялъ, что бывшій императоръ всероссійскій Петръ III скончался въ 1762 году; что тѣло его, привезенное на утренней зарѣ въ Александроневскій монастырь, было поставлено въ залѣ тѣхъ деревянныхъ покоевъ, въ которыхъ самъ Веніаминъ имѣлъ тогда жительство; что нѣсколько дней, по обычаю древнему, приходили туда для отданія ему послѣдняго христіанскаго долга вельможи, всякаго званія люди и простой народъ, и что въ присутствіи ихъ перенесено оно потомъ съ подобающею церемоніей въ церковь, гдѣ по отпѣтіи запечатлѣно земною перстью имъ самимъ [1]).

Что касается дѣйствій Казанскаго губернатора, то онъ еще до назначенія Кара успѣлъ собрать нѣсколько сотенъ гарнизонныхъ солдатъ, а также отставныхъ, поселенныхъ по Закамской чертѣ, и расположить ихъ преимущественно по рѣкѣ Черемшану (въ нынѣшнемъ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губерніи) и у Кичуйской крѣпости [2]); на Волгу также высланъ былъ небольшой отрядъ для пре-

---

[1]) *Бантыша-Каменскаго*, Словарь достопам. людей, I, 264. *Энциклоп. Лексиконъ*, IX, 418.

[2]) Нынѣ село въ Бугульминскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, № 434 Списка населенныхъ мѣстъ Самарской губ. Устройство Закамской черты или сторожевой линіи начато было въ XVII столѣтіи, когда значительно усилились набѣги кочевниковъ изъ Киргизскихъ степей. Этихъ линій было двѣ: первая, называвшаяся «Старою», начиналась отъ р. Волги у села Бѣлый Яръ (№ 2186, Ставропольскаго уѣзда Самарск. губ.) и тянулась на востокъ по направленію рѣчки Черемшана до устья р. Ика. Но когда эта линія оказалась ненадежнымъ оплотомъ для Казанской области, то въ 1732 году провели «новую» черту гораздо южнѣе первой, между р. Самарой и тѣмъ же Икомъ. На этихъ «чертахъ» поселены были стрѣльцы, бѣлопашенные казаки, ландмиліціонеры, драгуны и гвардейскіе солдаты. Такая колонизація прекратилась только въ 1764 году. Поселенцы, подъ именемъ «пахатныхъ солдатъ», составили особое сословіе, освобожденное отъ рекрутства, но обязанное выставить по востребованію въ военную службу всѣхъ годныхъ молодыхъ людей. Это и послужило поводомъ къ названію ихъ «малолѣтними». При учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ, они обращены въ государственныхъ крестьянъ, что не обошлось безъ замѣшательствъ. См. Списки населенныхъ мѣстъ Казанской губ., стр. XLVII и слѣд., Самарской губ., стр. XXI. — Описаніе Закамскихъ линій, составленное *Ивановымъ*, помѣщено въ *Вѣстникѣ Ист. Геогр. Общ.* 1851, ч. I, отд. VI, стр. 57—72.

слѣдованія разныхъ шаекъ, постоянно издревле появлявшихся на этой рѣкѣ. При всемъ томъ фонъ-Брантъ находилъ эти силы крайне недостаточными и просилъ Московскаго главнокомандующаго князя Волконскаго [1]) о присылкѣ войска, но и тотъ могъ отрядить не болѣе трехсотъ человѣкъ съ одною пушкою, и отправилъ ихъ въ Казань на подводахъ.

Не знаемъ, дождался ли фонъ-Брантъ прибытія этого отряда, только онъ, когда успѣхи Пугачевщины разгорѣлись, „возымѣлъ изъ

---

[1]) Князь Михаилъ Никитичъ Волконскій, сынъ князя Никиты Ѳедоровича, бывшаго при императрицѣ Аннѣ шутомъ и оберегателемъ ея гончей собаки (*Mannstein*, Nachrichten von Russland, Leipzig, 1771, s. 340; въ русскомъ переводѣ ч. I, 61) и Аграфены Петровны, урожденной Бестужевой-Рюминой, сосланной при императорѣ Петрѣ II, род. 9-го октября 1713 года, ум. 8-го декабря 1788 года. Онъ ждетъ еще себѣ біографа: доселѣ напечатанныя его біографіи (*Бантыша-Каменскаго*, Словарь, I, 327; *Языкова*, Энциклоп. Лексиконъ, X, 356; *Бартенева*, Русскій Архивъ 1865, стр. 1039), весьма недостаточны. Его дѣятельность на поприщахъ военномъ, дипломатическомъ и административномъ была обширна и разнообразна. Въ родовомъ имѣніи князей Голицыныхъ-Прозоровскихъ, въ селѣ Зубриловкѣ, Балашовскаго уѣзда Саратовской губерніи (№ 629 Списка населен. мѣстъ Саратовской губ.), мы имѣли случай въ 1854—1855 гг. видѣть весьма значительную коллекцію писемъ и рескриптовъ къ князю М. Н. Волконскому отъ Елизаветы I, Петра III, Екатерины II и Павла (бывшаго еще наслѣдникомъ); кромѣ того, и дневники Волконскаго. О богатствѣ содержанія этихъ бумагъ, особенно эпохи Екатерининской, и говорить нечего. Нѣкоторыя извлеченія изъ этой коллекціи сообщены были въ *Москвитянинѣ* 1845 г., № 9, стр. 26 — 58; въ *Зрителѣ* 1863 г., №№ 12 — 20; въ *Русскомъ Архивѣ* 1865 г., стр. 1042 — 1080; въ *Осмнадцатомъ вѣкѣ* I, стр. 52 — 161. Тѣ же документы послужили матеріаломъ для статьи г. *Дубровина* «Наканунѣ перваго раздѣла Польши» (*Вѣстн. Европы* 1870, іюль, 191 — 251; Срав. 1868, ноябрь, 83, декабрь, 543). Но мы прибавимъ къ этому, что въ Зубриловкѣ, кромѣ того, находятся и бумаги графа А. П. Бестужева-Рюмина (приходившагося дядею Волконскому), А. В. Макарова, извѣстнаго кабинетъ-секретаря, на дочери котораго (Елизаветѣ Александровнѣ), былъ женатъ князь Волконскій; затѣмъ вообще фамильныя бумаги князей Голицыныхъ, особенно князя Сергѣя Ѳедоровича. Коллекція фамильныхъ портретовъ, вооруженій, утвари, жалованныхъ вещей, также значительны и любопытны. Все это заслуживало бы хорошаго добросовѣстнаго описанія. *Ф. Ф. Вигель* въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (*Русскій Вѣстникъ* 1864, № 2) сообщаетъ довольно извѣстій о Зубриловкѣ и ея владѣльцахъ; есть упоминаніе у *Я. К. Грота* въ примѣчаніяхъ къ «Сочиненіямъ Державина» (изд. 2-е, т. I, стр. 159). Извѣстное стихотвореніе Державина «Осень во время осады Очакова» называется также и «Осень въ селѣ Зубриловкѣ» и написано было для княгини Варв. Васил. Голицыной (урожденной Энгельгардтъ, племянницы Потемкина), супруги князя Сергѣя Ѳедоровича, находившагося тогда въ арміи Потемкина.

Казани отсутствіе", уѣхалъ въ г. Козмодемьянскъ и передалъ управленіе губерніей Казанскому коменданту генералъ-поручику Петру Петровичу Баннеру.

Мѣры, принятыя Баннеромъ „для предохраненія города и къ наблюденію внутренней тишины и спокойствія", дѣлаются намъ извѣстными изъ дѣлъ гимназическихъ. Въ журналѣ 18-го октября 1773 года записано, что Банперъ, между прочимъ, положилъ: „находящихся въ Казани конныхъ служивыхъ Татаръ распредѣлить по частямъ—для денныхъ и ночныхъ разъѣздовъ, — а у состоящихъ при въѣздѣ въ улицы рогатокъ учредить изъ нихъ же (то-есть, Татаръ) пикеты, подъ командой оберъ-офицеровъ, и тихо и порядочно ѣхавъ, накрѣпко смотрѣть, чтобы когда по улицамъ, а особенно въ ночное время, никакого шумства и собранія подлыхъ людей и отъ нихъ пѣсенъ и другихъ непристойностей чинимо не было, — а ослушниковъ приводить въ полицію". Вообще Казань поставлена была въ такъ-называемое „военное положеніе": позже седьмаго часа пополудни позволено было ходить по улицамъ города только по особымъ билетамъ. Предписано было также имѣть осторожность отъ огня, а наипаче того накрѣпко наблюдать, дабы не могло послѣдовать отъ какихъ-либо злодѣевъ зажигательнаго пожару. Вслѣдствіе всего этого Каницъ съ особенною строгостью требовалъ наблюденія за тѣмъ, чтобъ ученики гимназіи вели себя скромно.

Между тѣмъ генералъ Каръ, ѣхавшій противъ мятежниковъ съ увѣренностію на успѣхи Цезаревскіе, опасавшійся „только того, чтобы сіи разбойники, свѣдавъ о приближеніи командъ, не обратились бы въ бѣгъ, не допустя до себя оныхъ",—при самой первой встрѣчѣ съ бунтовщиками (8-го ноября), при деревнѣ Юзеевой [1]), потерпѣлъ значительную неудачу и смутился до крайности. Военной коллегіи онъ представлялъ уже, что для пораженія Пугачева нужны цѣлые полки съ надежною конницей и сильною артиллеріей. Не прошло недѣли, какъ случилось новое несчастіе: довольно сильный отрядъ, веденный въ Оренбургъ Симбирскимъ комендантомъ полковникомъ Чернышевымъ, въ виду Оренбурга былъ почти весь захваченъ Пугачевымъ. При извѣстіи объ этомъ, Каръ окончательно растерялся: онъ собирался ѣхать въ Петербургъ для переговоровъ съ графомъ З. Г. Чернышевымъ о средствахъ къ устраненію встрѣченныхъ имъ затрудне-

[1]) Въ 100 верстахъ отъ Оренбурга—№ 45 Списка насел. мѣстъ Оренбург. губерніи.

ній въ недостаткѣ войскъ и снарядовъ. Графъ Чернышевъ положительнымъ образомъ запрещалъ такую поѣздку. Не смотря на то, Каръ, подъ предлогомъ „во всѣхъ костяхъ нестерпимаго лома", сдалъ командованіе войсками генералу Фрейману и поспѣшно ускакалъ въ Казань, а оттуда въ Москву. „По такой слабости духа въ персонѣ званія его, примѣромъ для подчиненныхъ своихъ быть долженствующей", государыня повелѣла исключить его изъ воинскаго стата и списковъ. Къ князю Волконскому она писала 7-го декабря: „Пошлите ему (Кару) сказать отъ меня, чтобъ онъ не дерзалъ казаться мнѣ на глаза, ниже ѣхать сюда", и проч. Волконскій доносилъ, что въ Москвѣ сильно раздражены поступкомъ Кара, всѣ говорятъ: „Какой это генералъ, что̀ не могъ съ такими бездѣльниками справиться и самъ суды ушелъ! Его бы надо повѣсить" и проч. [1]).

Всѣ эти событія сдѣлались извѣстны въ Казани немедленно и послужили поводомъ къ всеобщимъ толкамъ. Они, какъ видно, занимали умы даже гимназистовъ. Въ этомъ отношеніи очень интересенъ гимназическій журналъ 20-го ноября, который мы приводимъ вполнѣ: „Понеже сегодняшняго числа услышано, что ученики гимназическіе, въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ, по пустому много болтаютъ и такія рѣчи, которыя подлый народъ на площади говорилъ, другъ другу въ классахъ пересказываютъ, — то симъ опредѣляется: всѣмъ гимназическимъ чинамъ симъ наикрѣпчайше приказать, чтобы воздерживались отъ всякихъ пустыхъ слышанныхъ рѣчей, а ожидали бы единственно отъ своей команды приказанія, которое—если какія обстоятельства потребуютъ, имъ порядочнымъ образомъ отдано быть имѣетъ. А если кто изъ учениковъ послѣ сего еще пустыя слышанныя рѣчи пересказывать будетъ, тотъ, какъ нарушитель покоя, жестоко штрафованъ и куда надлежитъ отосланъ быть имѣетъ. Порядочнымъ же ученикамъ и прочимъ чинамъ принадлежитъ то, что они, противъ сего приказанія, отъ кого-либо изъ здѣшнихъ учениковъ услышатъ, — тотчасъ бы въ командѣ о семъ объявляли".

---

[1]) *Осмнадцатый вѣкъ*, I, стр. 104.—Записки о жизни А. И. Бибикова, стр. 123.—*Пушкина*, Сочиненія, VI, стр. 37—42. *Я. К. Грота*, Матеріалы для исторіи Пугачевск. бунта, стр. 21—38. Впрочемъ, обвинять Кара въ трусости нельзя безусловно: недостатокъ войскъ и снарядовъ былъ крайне великъ, какъ это обнаружилось позднѣе при назначеніи главнокомандующимъ А. И. Бибикова. Князь М. Н. Волконскій тогда же (23-го ноября) совѣтовалъ усилить число войскъ.

Но какія мѣры ни принимали въ Казани, чтобы „подлый народъ пустыхъ рѣчей на площадяхъ не говорилъ“,—совершавшіяся событія произвели впечатлѣніе самое ужасающее. Большая часть дворянъ и купцовъ немедленно стали уѣзжать изъ Казани въ другія губерніи; множество такихъ эмигрантовъ собралось въ Москву и своими разсказами навели трепетъ на древнюю столицу. Бунтъ, произшедшій во время чумы, еще былъ въ свѣжей памяти у Москвичей и заставлялъ ихъ опасаться повторенія подобнаго бѣдствія, тѣмъ скорѣе, что между чернью обнаруживалось сочувствіе къ успѣхамъ Пугачева. Явились и злоумышленные подстрекатели.

Тогда назначенъ былъ начальникомъ военныхъ дѣйствій противъ бунтовщиковъ генералъ-аншефъ А. И. Бибиковъ, незадолго до того главнокомандовавшій всѣми русскими полками въ Польшѣ. Бибикову былъ извѣстенъ уже этотъ край: еще за десять лѣтъ раньше онъ усмирилъ волненіе крестьянъ на Уральскихъ заводахъ, извѣстное подъ названіемъ Дубинщины, и своимъ безпристрастіемъ и умѣньемъ различать истинно виновныхъ отъ замѣшанныхъ въ дѣло,—снискалъ общее довѣріе. Кромѣ того, Бибиковъ состоялъ въ свитѣ императрицы, когда она совершала путешествіе по Волгѣ. Поэтому назначеніе его встрѣчено было всѣми съ большими надеждами на успѣшный ходъ дѣла [1]).

Въ Казань пріѣхалъ Бибиковъ 25-го декабря 1773 года. Унывъ-

[1]) Какъ смотрѣла императрица на тогдашнее положеніе дѣлъ въ Оренбургско-Казанскомъ краѣ, всего лучше выразила она сама въ письмѣ къ Новгородскому губернатору Я. Е. Сиверсу, *въ декабрѣ 1773 года*: «Два года тому назадъ у меня въ сердцѣ Имперіи была чума; теперь у меня на границахъ Казанскаго царства политическая чума, съ которою намъ справиться нелегко. Любезный и достойный вашъ собратъ Рейнсдорпъ, вотъ уже цѣлыхъ два мѣсяца, осажденъ толпою разбойниковъ, производящихъ страшныя жестокости и опустошенія. Генералъ Бибиковъ отправляется туда съ войсками, прошедшими черезъ вашу губернію, чтобы побороть этотъ ужасъ XVIII столѣтія, который не принесетъ Россіи ни славы, ни чести, ни прибыли; но наконецъ съ Божіею помощію надѣюсь, что мы возьмемъ верхъ, ибо на сторонѣ этихъ каналій нѣтъ ни порядка, ни искусства; это сбродъ голытьбы, имѣющей во главѣ обманщика столь же безстыднаго, какъ и невѣжественнаго. По всей вѣроятности, это кончится повѣшаніями. Какая перспектива, г. губернаторъ, для меня, не любящей повѣшаній! Европа въ своемъ мнѣніи отодвинетъ насъ ко временамъ царя Ивана Васильевича! Вотъ та честь, которой мы должны ожидать для имперіи отъ этой жалкой вспышки. Я велѣла не дѣлать болѣе тайны изъ этой исторіи, ибо полезно, чтобы должностныя лица высказали о ней свое мнѣніе тѣмъ тономъ, которымъ слѣдуетъ говорить объ этомъ дѣлѣ....» См. *Русскій Архивъ* 1870 г., стр. 1431 и 1432.

шій и опустѣвшій городъ, оставленный губернаторомъ и другими начальствующими лицами, сталъ оживляться: начали съѣзжаться дворяне, воротился и губернаторъ. Бибиковъ въ письмѣ къ своей женѣ выразился о немъ такъ: „Бѣдный старикъ губернаторъ, Брантъ, такъ замученъ, что насилу уже таскается“ [2]). Вообще изъ донесеній Бибикова и частныхъ его писемъ видно, что Казань и весь здѣшній край находились въ положеніи весьма дурномъ. По увѣренію Державина, уже въ 60 верстахъ отъ Казани разъѣзжали толпы вооруженныхъ Татаръ и всякой злодѣйской сволочи [3]). Бибикова въ особенности тревожило общее настроеніе умовъ и обширность пространства, охваченнаго мятежомъ. „Слѣпота, невѣжество въ здѣшнемъ краю по большей части жителей превосходитъ, кажется, всякое понятіе; сіе примѣчаю не только въ самой черни, но и въ здѣшнихъ краяхъ живущихъ отставныхъ офицерахъ“, доносилъ Бибиковъ вскорѣ по прибытіи въ Казань. „Не непріятель опасенъ, какое бы множество его ни было“, писалъ онъ къ графу З. Г. Чернышеву,—„но народное колебаніе, духъ бунта и смятеніе: тушить оное, кромѣ войскъ, въ скорости не видно еще теперь способовъ, а могутъ ли на такой обширности войска поспѣвать и дѣлиться“.... Спустя мѣсяцъ по прибытіи въ Казань, въ письмѣ къ Д. И. фонъ-Визину онъ повторяетъ то же самое: „Отвѣчаю за себя, что употреблю всѣ способы, и забочусь ежечасно, чтобъ истребить на толикомъ пространствѣ разлившійся духъ мятежа и бунта. Бить мы вездѣ начали злодѣевъ, да только сей саранчи умножилось до невѣроятнаго числа. Побить ихъ не отчаиваюсь: да успокоить почти всеобщаго черни волненія предстоятъ трудности. Болѣе жь всего неудобнымъ дѣлаетъ то великая обширность сего зла. Но буди воля Господня! дѣлаю и буду дѣлать что могу. Неужели та проклятая сволочь не образумится? Вѣдь не Пугачевъ важенъ, да важно всеобщее негодованіе. А Пугачевъ — чучела, которою воры Яицкіе казаки играютъ... J'avais diaboliquement peur de mes soldats, qu'ils ne fassent pas comme ceux de garnison de mettre les armes bas vis-à-vis des rebelles. Mais non, ils les battent comme il faut et les traitent en rebelles. Ceci me donne du courage. Да то бѣда, какъ нарочно, все противу пасъ: и снѣга, и мятели, и бездорожица. Но все однако же одолѣвать будемъ“.

Дѣйствительно, Бибиковъ своею энергіей, въ короткое время, одо-

---

[1]) *Пушкина*, Сочиненія, VI, 53.

[2]) *Державина*, Записки, стр. 55.

лѣлъ многое, не смотря на всѣ затрудненія: важнѣе же всего было то, что онъ своимъ присутствіемъ поднялъ упавшихъ духомъ. Казанское дворянство, въ торжественномъ собраніи своемъ, 1-го января 1774 года опредѣлило, по бѣдственнымъ обстоятельствамъ, заразившимъ бунтомъ и измѣною нѣкоторыя селенія, прилежащія къ Оренбургской границѣ, къ скорѣйшему искорененію сего зла и къ возстановленію всеобщаго покоя и собственной своей безопасности, на первый случай и въ самой скорости, какъ только возможно, собрать конный корпусъ войскъ изъ собственныхъ своихъ людей и иждивенія съ числа двухъ сотъ душъ по одному человѣку вооружить и снабдить всѣмъ потребнымъ къ службѣ, а затѣмъ всѣмъ и каждому особливо пріуготовить себя на всякій потребный случай къ защищенію отечества, не щадя жизни. Шефомъ этого корпуса избрали они генералъ-маіора Ларіонова, родственника Бибикова, назначали также эскадронныхъ и ротныхъ начальниковъ, а Бибикова просили комплектовать этотъ корпусъ унтеръ-офицерами и капралами и принять его въ составъ командуемыхъ имъ войскъ. Государыня, получивъ донесеніе объ этомъ, указомъ 16-го января, повелѣла Бибикову объявить Казанскому дворянству монаршее благоволеніе за такой патріотическій поступокъ, а корпусъ принять въ свою команду и употреблять оный, гдѣ и какимъ образомъ на мѣстѣ за лучшее усмотрится. Но для дворянства драгоцѣннѣе всего было слѣдующее собственноручное письмо государыни къ Бибикову, отъ 20-го января:

„Александръ Ильичъ!

„Подражая примѣру вѣрнаго и усерднаго дворянскаго корпуса Казанскаго, повелѣла я, яко помѣщица той губерніи, съ дворцовыхъ волостей, съ каждыхъ двухъ сотъ душъ, всѣмъ отдать по одному рекруту, и обмундировавъ и снабдя лошадью, велѣла присовокупить ихъ къ тому Казанскаго дворянства военному корпусу, о чемъ чрезъ сіе увѣдомляю, дабы вы о семъ и тамошнему дворянству сказать могли; впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна.

Екатерина

Торжественно объявлено было дворянству монаршее благоволеніе; съ благоговѣніемъ и неменьшею торжественностію принято оно дворянствомъ. Предводитель дворянства [1]) и шефъ новосформированнаго

[1]) Въ постановленіи дворянства о сформированіи корпуса (*Чтенія Моск. Общ. Истор.* 1860, II, 62—65; 1864, III, 105—107) предводителемъ дворянства названъ «статскій совѣтникъ *Кудрявцевъ*»; въ Запискахъ Державина онъ назван

корпуса произнесли благодарственныя рѣчи въ присутствіи Бибикова, предъ портретомъ императрицы; такія же рѣчи обращены были и къ Бибикову, съ просьбою „подать дворянству случай пролить кровь свою за благополучіе отечества и монархини“. Эти рѣчи были сообщены императрицѣ, и она отозвалась о нихъ, что онѣ „прямо благородными мыслями наполнены“ [1]).

Государыня справедливо судила, что поступокъ Казанскаго дворянства послужитъ хорошимъ примѣромъ для другихъ провинцій, и что вслѣдствіе того диспозиція простаго народа вскорѣ перемѣнится. Дѣйствительно, по примѣру Казанцевъ, дворяне Свіяжскіе, Симбирскіе и Пензенскіе также изъявили готовность образовать ополченіе; Казанское купечество и мѣщанство, съ своей стороны, сдѣлали пожертвованія на образованіе и содержаніе особаго гусарскаго эскадрона. Въ эту пору всеобщаго одушевленія Казанцевъ и гимназіи выразили свое сочувствіе тѣмъ, что въ нихъ усилено было обученіе фехтованію: впослѣдствіи эти уроки очень пригодились. Все это утѣшало государыню, и она, „соотвѣтствуя усердію дворянства, приказала выбрать Казанскихъ помѣщиковъ изъ унтеръ-офицеровъ гвардіи охочихъ людей, и пожаловавъ ихъ въ оберъ-офицеры, обмундировавъ и снабдя всѣмъ, фельдмаршалу князю Голицыну приказала ихъ отправить въ Казань наискорѣе“. Вмѣстѣ съ этимъ она поручила Бибикову „Казанскаго магистрата усерднѣйшимъ членомъ отъ имени ея дать шпаги“ [2]). О всѣхъ этихъ доказательствахъ вѣрноподданичества объявлено по всей имперіи особымъ манифестомъ, 22-го февраля 1774 года, который повелѣно прочесть во всѣхъ церквахъ, да и положить въ архивѣ каждаго города по нѣскольку экземпляровъ онаго, дабы

Уковымъ (стр. 61); у Пушкина (Сочиненія, VI, 52) *Макаровымъ*; въ Запискахъ о жизни Бибикова (Приложеніи стр. 56) говорится, что рѣчь произносилъ «помѣщикъ *Бестужевъ*».

[1]) *Русскій Архивъ* 1860, стр. 395. Рѣчь дворянства къ императрицѣ сочинена была Державинымъ, въ эту пору состоявшимъ при Бибиковѣ и уже успѣвшимъ совершить небольшую экспедицію въ Самару и въ крѣпость Алексѣевскую (Записки, 55 — 61). Рѣчь эта остается еще не напечатанною; но извѣстно въ печати письмо при адресѣ отъ лица дворянъ къ императрицѣ, сочиненіе котораго также приписываютъ Державину (*Заволжскій Муравей* 1834, № 5; *Пушкина*, Сочиненія, VI, 142—145). Ср. *Зап. Акад. Наукъ* 1862, ч. II, стр. 58. Но кто же сочинялъ рѣчи, помѣщенныя въ *Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист.* 1860, II, 64 и 65?

[2]) *Русскій Архивъ*, 1866 г., стр. 390—397.

сіе публичное изъявленіе императорской милости могло навсегда оставаться прямымъ монументомъ [1]).

Бибиковъ оставался въ Казани до начала марта 1774 г., а потомъ перенесъ свой штабъ въ Кичуевскую крѣпость. Казань была успокоена, и разосланные Бибиковымъ отряды вездѣ дѣйствовали съ успѣхомъ, такъ что всѣ стали надѣяться на близкое окончаніе дѣла. Къ сожалѣнію, должно сказать, „дворянскій корпусъ“ не оправдалъ общихъ ожиданій. Генералъ Ларіоновъ, отряженный на освобожденіе Уфы, выйдя изъ Казани въ началѣ февраля, почти цѣлый мѣсяцъ простоялъ безъ всякихъ дѣйствій въ Бакалахъ [2]). „За грѣхи мои“, писалъ тогда Бибиковъ,—„навязался мнѣ братецъ мой А. Л., который самъ вызвался сперва командовать особливымъ деташаментомъ; а теперь съ мѣста сдвинуть не могу“. А въ другомъ письмѣ выражался такъ: „Дворянскаго шефа принужденъ перемѣнить со всѣми его куртками, а послать Михельзона; тотъ за болѣзнію отказался. Я уже и тому радъ. Упеталъ меня сей храбрый герой: не могъ съ мѣста цѣлой мѣсяцъ двинуться“ [3]).

Между тѣмъ въ это время, по повелѣнію императрицы, привезена была въ Казань съ Дону, изъ Зимовейской (нынѣ Потемкинской) станицы [4]), жена Пугачева, Софья Дмитріева, съ дѣтьми—сыномъ Трофимомъ и дочерьми Аграфеною и Христиною, а потомъ и родной братъ Пугачева, находившійся въ арміи. Бибиковъ по этому случаю писалъ къ начальнику секретной коммиссіи, А. М. Лунину, въ Казань: „Привезенную къ вамъ прямую жену Пугачева извольте приказать содержать на пристойной квартирѣ подъ присмотромъ, однако безъ всякаго огорченія, и давайте ей пропитаніе порядочное, ибо такъ ко мнѣ указъ. А между тѣмъ не худо, чтобъ пускать ее ходить, и чтобъ она въ народѣ, а паче черни, могла разказывать, кто Пугачевъ, и что она его жена. Сіе однакожь надлежитъ сдѣлать съ манерою, чтобъ не могло показаться съ нашей стороны ложнымъ увѣ-

---

[1]) *Чтен. Моск. Общ. Ист.* 1860 г., II, 77—79. Въ Полномъ Собраніи Законовъ этотъ манифестъ не находится.

[2]) Деревня въ Бугульминскомъ уѣздѣ на дорогѣ въ Белебей. Списокъ населенныхъ мѣстъ Самарской губерніи № 633.

[3]) *Русскій Архивъ* 1866 г., стр. 384. *Пушкина*, Сочиненія, VI, 59. — Ларіоновъ, Александръ Леонтьевичъ, былъ «сводный» братъ Бибикова, сынъ его мачихи.

[4]) Во 2-мъ Донскомъ округѣ области Донскаго казачьяго войска. См. Списокъ населенныхъ мѣстъ области, № 722.

реніемъ; паче жь, думаю, въ базарные дни, чтобъ она, ходя, будто сама собою, разказывала объ немъ, кому можно или кстати будетъ“ [1]).

Повторяемъ, всѣ распоряженія Бибикова исполнялись успѣшно; его реляціи были утѣшительны, и государыня, въ награду за такія дѣйствія, пожаловала его подполковникомъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, сенаторомъ и кавалеромъ Андреевскаго ордена. Но всѣ эти почести не застали уже Бибикова въ живыхъ. Измученный громадными трудами, безпокойствами, досадой и не обратившій особеннаго вниманія на начавшуюся съ нимъ лихорадку, Бибиковъ въ непродолжительное время слегъ совершенно и умеръ въ Бугульмѣ 9-го апрѣля. Молва приписывала смерть его отравѣ, будто бы данной однимъ изъ плѣнныхъ конфедератовъ [2]). Въ подобныхъ случаяхъ молва всегда ищетъ причинъ событія особенныхъ; но нельзя не замѣтить, что подозрѣніе на Поляковъ имѣло основаніе: Бибиковъ, какъ извѣстно, дѣйствовалъ въ Польшѣ очень рѣшительно, и быть можетъ, не мало отправилъ оттуда конфедератовъ въ Оренбургскій край. Несомнѣнно, что нѣкоторые изъ конфедератовъ чрезвычайно дѣятельно интриговали въ Казани, а другіе пристали къ шайкамъ Пугачева и явились ловкими ихъ руководителями. Положительно также извѣстно, что король Шведскій Густавъ III былъ не прочь воспользоваться Пугачевщиною и считалъ большимъ снисхожденіемъ съ своей стороны, что тогда не напалъ на Россію [3]). Вольтеръ признавалъ Пугачева за орудіе турецкой политики. Участіе иностранной политической интриги въ бунтѣ Пугачевскомъ было признаваемо и русскими правительственными лицами. „Тогда хитрые Французы не упустили отправить въ Уральскъ своихъ секретныхъ посланцевъ, кои, можетъ-быть, имѣли величайшее вліяніе на тогдашнія кровопролитныя произшествія“,—сказано въ одной офиціальной бумагѣ Оренбургскаго губернатора, князя Г. И. Волконскаго, относящейся къ 1805 году [4]).

Можно сказать, до послѣдняго часа жизни Бибиковъ занимался дѣлами, хотя, сознавая опасность своего положенія, сдалъ начальство старшему по себѣ генералу, князю Ѳ. Ѳ. Щербатову.

[1]) *Русскій Архивъ* 1866 г., стр. 385.

[2]) *Пушкина*, Сочиненія, VI, 75.

[3]) *Храповицкаго*, Дневникъ, 1788 г., іюля 1-го и сентября 24-го. *А. Брикнера*, Война Россіи съ Швеціей въ 1788 году, стр. 53, 60 и др.

[4]) *Чтенія Моск. Общ. Истор.* 1860, II, 89. Но Бибиковъ въ одномъ изъ донесеній государынѣ прямо говорилъ: «Подозрѣніе на чужестранныхъ совсѣмъ неосновательно». *Я. Грота*, Матеріалы, стр. 58.

Со смертью Бибикова дѣло усмиренія мятежа измѣнилось къ худшему. Державинъ, въ „Примѣчаніяхъ къ своимъ сочиненіямъ", приписывалъ это несогласіямъ и пререканіямъ, возникшимъ между княземъ Щербатовымъ, Казанскимъ губернаторомъ фонъ-Брантомъ и освободителемъ Оренбурга княземъ Голицынымъ: они не пошли одинъ другому въ команду, дали скопиться новымъ злодѣйскимъ силамъ и разстроили начало побѣдъ [1]). Какъ бы то ни было, но Пугачевъ, неоднократно разбитый въ теченіе марта мѣсяца, укрывшійся въ Уральскихъ заводахъ, теперь опять усилился и началъ быстро переходить изъ одного мѣста въ другое, подвигаясь болѣе и болѣе къ сѣверу, то-есть, къ предѣламъ Казанскимъ. Самыми дѣятельными и счастливыми преслѣдователями мятежниковъ были генералъ де-Калонгъ и полковникъ Михельсонъ; но и тѣ не могли дѣйствовать соединенными силами. Де-Калонгъ, имѣвшій главною цѣлію преградить стремленіе мятежниковъ въ Сибирь, остановился наконецъ въ Челябѣ (нынѣ гор. Челябинскъ) и отказался отъ содѣйствія Михельсону, какъ думаютъ, просто изъ зависти къ его успѣхамъ. Что касается всѣхъ другихъ начальниковъ отрядовъ, то они, по распоряженію князя Щербатова, держались преимущественно около Оренбурга и Яицкаго-городка, въ мѣстахъ уже безопасныхъ. Михельсонъ, дошедшій до того, что у него оставалось только по два патрона на человѣка, не получая ни откуда поддержки, вынужденъ былъ пріостановиться и отправился въ Уфу [2]).

Такимъ образомъ, путь черезъ Каму и къ Казани остался открытымъ. Казанскій губернаторъ Брантъ обратился съ просьбой о помощи къ князю Щербатову, а между тѣмъ изъ находившагося въ Казани гарнизона отрядилъ часть солдатъ и вооруженныхъ крестьянъ съ маіоромъ Скрыпицынымъ въ наиболѣе угрожаемый пригородъ Осу.

Пугачевъ, потерпѣвъ неудачу подъ Кунгуромъ и Красноуфимскомъ, бросился къ Осѣ. Скрипицынъ выступилъ противъ него, но потерявъ три пушки, воротился въ крѣпость. Мятежники, не могши взять ее приступомъ, вознамѣрились ее сжечь и обложили сѣномъ и соломою. Тогда Скрипицынъ рѣшился сдаться. Одинъ изъ участниковъ взятія

---

[1]) *Пушкина*, Сочиненія, VI, 155.

[2]) Извлеченія изъ донесеній Бибикова о ходѣ военныхъ дѣйствій, съ разрѣшенія государыни, печатались въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Съ смертію Бибикова, прекратились эти извѣстія, и вообще свѣдѣнія до окончательнаго усмиренія мятежа не обнародовались.

Осы сообщаетъ такія подробности объ этомъ: „Изъ крѣпости перестали стрѣлять; всѣ жители собрались, тихо зазвонили въ колокола и отворили ворота; но еще прежде обезоруженные солдаты, распустивъ волосы по плечамъ, уныло шли къ намъ; тутъ же сняли съ нихъ мундиры, остригли и одѣли по казацки. Майоръ Скрипицынъ сдался плѣннымъ и слѣдовалъ вмѣстѣ съ (под)поручикомъ Минеевымъ, бывшимъ подъ его командою, за Пугачевымъ до пристани Рождественскаго завода господина Демидова: онъ принялъ веселый видъ, разъѣзжалъ и совѣтовался съ Пугачевымъ“ [1]).

Скрипицынъ поступалъ такъ съ особенною цѣлію: онъ, вмѣстѣ съ капитаномъ Смирновымъ и повѣреннымъ князей Голицыныхъ, Клюшниковымъ, отправилъ письмо къ исправнику Воткинскаго завода, уговаривая его вооружиться противъ Пугачева, обѣщая, съ своей стороны, заклепать у мятежниковъ пушки. Такія же письма были заготовлены въ Кунгуръ и Казань. Подпоручикъ Минеевъ открылъ это самозванцу: письма были перехвачены, сочинители ихъ повѣшены, а доносчикъ названъ полковникомъ.

Минеевъ, желая войдти въ большую довѣренность у Пугачева, совѣтовалъ ему безостановочно идти на Казань, увѣряя, что, по ветхости крѣпостныхъ строеній и по недостатку гарнизона, овладѣть ею можно будетъ безъ затрудненій. Пугачевъ и самъ зналъ состояніе Казани, надѣялся, конечно, также на помощь единомышленниковъ и потому дѣйствительно направился на Казань, распространяя молву, что туда идетъ на соединеніе съ нимъ государь цесаревичъ съ войсками, и что они уже вмѣстѣ отправятся въ Москву.

Положеніе Казани, въ самомъ дѣлѣ, было весьма ненадежное. Князь Щербатовъ, получивъ извѣстіе о сдачѣ Осы, распорядился о передвиженіи нѣкоторыхъ отрядовъ къ Уфѣ, а самъ съ эскадрономъ гусаровъ и ротою гренадеровъ ушелъ въ Бугульму. Старикъ фонъ-Брантъ оставленъ былъ защищаться одинъ, какъ умѣетъ. Дѣятельными помощниками ему оказались комендантъ Банперъ и генералъ П. С. Потемкинъ, начальникъ секретной слѣдственной комиссіи.

Численность войскъ, находившихся въ Казани, простиралась до 1.500 человѣкъ, а между тѣмъ въ скопищахъ мятежниковъ, шедшихъ къ городу, по слухамъ, было болѣе 20.000 человѣкъ. Брантъ отправилъ на встрѣчу Пугачеву небольшой конный отрядъ, подъ начальствомъ полковника Николая Васильевича Толстаго, и 2-го іюля

---

[1]) *Чтенія Моск. Общ. Ист.* 1862, III, 336, 337.

1774 года объявилъ всѣмъ жителямъ, чтобъ они приготовились къ защитѣ города, который, по возможности, приведенъ былъ въ оборонительное состояніе.

Въ объявленіи губернатора о защитѣ города говорилось, что о приближеніи къ городу мятежниковъ поданъ будетъ сигналъ пушечнымъ выстрѣломъ и набатнымъ звономъ колоколовъ; что по этимъ сигналамъ всѣ лица, назначенныя къ оборонѣ города, должны спѣшить съ оружіемъ къ своимъ постамъ и не должны отлучаться съ своихъ мѣстъ, хотя бы ихъ собственные дома горѣли,—нарушители же такого порядка, на страхъ другимъ, безъ всякой пощады будутъ заколоты или застрѣлены, „дабы, смотря на то, отъ сей зловредности и прочіе воздержались и были бы неотлучными до послѣдней капли крови при своихъ мѣстахъ“.

Вмѣстѣ съ этимъ губернаторъ старался привести въ извѣстность, какое число вооруженныхъ жителей можетъ выставить Казань. Каницъ, 4-го іюня, сообщилъ губернатору, что Казанскія гимназіи могутъ выставить слѣдующій „корпусъ“: 13 учителей, 2 дежурныхъ офицера, 2 приказныхъ, 39 учениковъ, „кои имѣютъ не менѣе 16 лѣтъ, 6 человѣкъ дворовыхъ людей самого Каница и затѣмъ всѣхъ служителей гимназическихъ изъ отставныхъ солдатъ. Учителя и двое дежурныхъ офицеровъ, „будучи люди шпажные, имѣли по парѣ пистолетовъ“, а всѣ прочіе вооружены были пиками (въ рапортѣ университету, однако, сказано было, что „50 человѣкъ учителей и учениковъ дѣйствовали карабинами, а прочіе — пиками, купленными на гимназическія суммы“). Каницъ просилъ у губернатора потребное количество пороху и пуль, а въ заключеніе говорилъ: „А какъ сему корпусу, состоящему изъ 74 человѣкъ, въ коемъ люди упражняющіеся въ наукахъ, непристойно съ прочими гражданами мѣшаться на-ряду, то-бъ повелѣно было означить мѣсто, гдѣ бы гимназическая команда при оборонѣ города сама собою, подъ предводительствомъ своего командира, стоять могла“.

Нападенія слѣдовало ожидать съ восточной стороны, и потому здѣсь наиболѣе усилены были укрѣпленія. На огромномъ пространствѣ отъ лѣваго берега Казанки, чрезъ Арское поле, до озера Кабана поставлены были рогатки, и въ четырехъ мѣстахъ устроены батареи. Здѣсь стоялъ Потемкинъ съ отрядомъ солдатъ въ 400 человѣкъ, да кромѣ того, подъ командою комерціи совѣтника Дряблова, его сукопщики и крестьяне подгородныхъ слободъ Архангельской и Поповки. Съ южной стороны, отъ озера Кабана, вокругъ Татарскихъ

слободъ, также поставлены были 4 батареи и отряды солдатъ, подъ главнымъ начальствомъ шефа дворянскаго корпуса Ларіонова. На западѣ, отъ Ямской слободы, вокругъ Мокрой, чрезъ Московскую дорогу, до Казанки и крѣпости расположенъ былъ отрядъ съ одною батареею полковника Свѣчина и вооруженные ямщики и обыватели окрестныхъ улицъ. Самая крѣпость поручена была полковнику Ляцкому, а по Казанкѣ расположены были вооруженныя лодки подъ начальствомъ члена адмиралтейской конторы Щелина. Внутри города, по Арской улицѣ, недалеко отъ Богородицкаго дѣвичьяго монастыря, поставленъ былъ отрядъ волонтеровъ, вооруженныхъ карабинами и пиками. Этотъ отрядъ состоялъ изъ гимназистовъ и учителей, подъ командою директора фонъ-Каница; къ нимъ присоединились всѣ иностранцы мастеровые [1]). Небольшія партіи изъ этого отряда выдвинуты были на окраины овраговъ, примыкающихъ къ Казанкѣ, со стороны Арскаго поля.

Іюля 10-го Пугачевъ встрѣтился съ высланнымъ изъ Казани отрядомъ полковника Толстаго, верстахъ въ 12-ти отъ города, разбилъ его, при чемъ погибъ самъ командиръ, и отправилъ къ губернатору указъ, чтобъ онъ безъ боя сдался. Какъ только разнеслась объ этомъ вѣсть по Казани, многіе жители поспѣшили оставить городъ, и въ числѣ первыхъ шефъ дворянскаго корпуса Ларіоновъ уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, оставивъ на произволъ судьбы ввѣренную ему оборону южной стороны города....

На другой день, мятежники стали лагеремъ близъ села Царицына [2]), и вечеромъ самъ Пугачевъ ѣздилъ осматривать городскія укрѣпленія на Арскомъ полѣ.

Рано утромъ 12-го іюля Пугачевъ повелъ свои толпы къ городу. Такъ какъ прямо съ Арскаго поля, или съ Сибирскаго тракта, не легко было нестройному сборищу сдѣлать приступъ, потому что тамъ стояла сильнѣйшая батарея,—то Пугачевъ съ главными силами подвигался, имѣя впереди себя возы сѣна, между которыми ѣхали пушки. Подъ такимъ прикрытіемъ они заняли находившіеся тутъ кирпичные сараи и рощи, принадлежащія нынѣ Родіоновскому институту благородныхъ дѣвицъ и военному госпиталю, поставили свою батарею и сбили отрядъ Потемкина, защищавшій дорогу. Въ то же время измѣнникъ Минеевъ повелъ толпу заводскихъ крестьянъ овра-

[1]) *Рыбушкинъ*, Ист. Казани, I, 134—137.

[2]) Списокъ насел. мѣстъ Каз. губ., № 22.

гами вдоль берега Казанки. Этотъ отрядъ состоялъ большею частью изъ людей, вооруженныхъ дрекольемъ и дубинами, и потому шелъ впередъ неохотно: казаки стегали его нагайками. Одушевляемые такимъ способомъ, мятежники ползкомъ пробирались далѣе и далѣе и смяли своею многочисленностію слабые посты, содержавшіеся гимназистами. „Гимназическій корпусъ“, какъ засвидѣтельствовано впослѣдствіи губернаторомъ и Потемкинымъ, выдержалъ себя „твердо“ [1]) Онъ, съ присоединеніемъ всѣхъ находившихся въ Казани художниковъ и ремесленниковъ иностранцевъ (почти исключительно Нѣмцевъ), расположенъ былъ въ двѣ шеренги: передняя вооружена была карабинами, а задняя — пиками; на флангахъ стояли „шпажные люди“ — учителя съ пистолетами. Во время нападенія мятежниковъ самъ Каницъ раненъ былъ стрѣлою въ ногу, а также 6 учениковъ, изъ которыхъ одинъ умеръ; убиты два учителя (нѣмецкаго языка—Ааронъ Тихъ и рисовальный—Иванъ Кавелинъ) и пятеро находившихся въ корпусѣ иностранцевъ; кромѣ того, 6 человѣкъ пропали безъ вѣсти. Остатки этого „корпуса“, тѣснимые мятежниками, достигшими до самаго дѣвичьяго монастыря, удалились въ крѣпость. Здѣсь на содержаніе гимназическихъ чиновъ отпущенъ былъ провіантъ изъ казенныхъ военныхъ магазиновъ, за который впослѣдствіи взыскана была съ гимназіи уплата.

Что касается самаго зданія гимназіи, то охрана его „при выступленіи директора въ поле“ была поручена 14-ти человѣкамъ солдатъ и сторожей, подъ командою унтеръ-офицера. Когда мятежники заставили „гимназическій корпусъ“ отступить съ своего поста, Каницъ, не смотря на рану, поспѣшилъ въ гимназію, чтобы распорядиться о спасеніи казеннаго имущества; но въ ту пору, когда служители переносили казну и вещи въ находившійся около гимназіи оврагъ, злодѣи ворвались въ домъ, отняли у караульныхъ сундукъ съ казною, зажгли строенія, и перевязавъ караульныхъ увели ихъ съ собою; самъ Каницъ скрылся.... При этомъ случаѣ гимназія, Каницъ и прочіе чины понесли убытку почти на 15.000 рублей: Каницъ, въ особенности, жалѣлъ объ истребленіи своей библіотеки, которую онъ собиралъ въ теченіе двадцати лѣтъ, и которая состояла изъ 980 ино-

[1]) Каницъ, донося, 10-го іюля, Ададурову о томъ, что «онъ съ своею командою идетъ къ рогаткамъ», просилъ куратора не оставить своимъ покровительствомъ его семейство, если самъ онъ будетъ умерщвленъ злодѣями. *Владимірова*, Историч. записка, I, 127.

странныхъ и русскихъ книгъ на сумму 1.760 рублей. Сохранились только гимназическій архивъ и нѣкоторыя изъ классныхъ принадлежностей, еще раньше снесенные въ погреба.

Минеевъ, овладѣвъ монастыремъ, гдѣ былъ убитъ и столѣтній генералъ Кудрявцевъ, поставилъ одну пушку на церковной паперти, а другую на монастырскихъ воротахъ и открылъ пальбу по крѣпости.

Лѣвое крыло Пугачева бросилось къ озеру Кабану. Суконщики стойко встрѣтили разбойниковъ дубьемъ; но явился самъ Пугачевъ съ пушками и пріснулъ картечью; конные Башкиры, пустивъ тучу стрѣлъ, съ гикомъ бросились въ улицы и немедленно зажгли нѣсколько домовъ... Надобно сказать, что съ самаго утра погода была весьма неблагопріятная для защитниковъ: сильный юго-восточный вѣтеръ дулъ прямо въ городъ, и впереди мятежниковъ вздымались тучи пыли. При этомъ вѣтрѣ пожаръ быстро началъ распространяться. Суконщики бѣжали; за ними, бросивъ пушки, пустились и солдаты Потемкина: всѣ искали послѣдняго спасенія въ крѣпости, гдѣ архіепископъ Веніаминъ совершалъ молебствіе въ Благовѣщенскомъ соборѣ [1]).

Городъ сдѣлался добычею мятежниковъ, разсѣявшихся всюду и производившихъ самое дикое опустошеніе....

Пугачевъ съ ближайшими своими сообщниками ворвался въ гостинный дворъ, отстоявшій не болѣе, какъ на 20 саженъ отъ крѣпости, и поставивъ въ находившемся тамъ трактирѣ двѣ пушки, направилъ сильную пальбу противъ Спасопреображенскаго монастыря, стоящаго въ крѣпости, стѣна которой въ этомъ мѣстѣ и безъ того была очень ветха, а одна изъ башень почти до половины развалилась. Невдалекѣ отъ гостинаго двора находился домъ Дряблова, гдѣ останавливалась въ 1767 году Екатерина II; большія тріумфальныя ворота и прочія иллюминаціонныя сооруженія еще были цѣлы и теперь послужили мятежникамъ надежною защитою: укрываясь за этими постройками, мятежники производили ружейную стрѣльбу по крѣпости.

„Сіи злодѣи“, говоритъ свидѣтель этого событія, архимандритъ упомянутаго Спасскаго монастыря Платонъ Любарскій, — „не безъ

---

[1]) Объ этомъ сохранилось собственноручное письмо П. С. Потемкина къ графу Г. А. Потемкину, отъ 12-го іюля 1774 года. *Русская Старина* 1870 г., II, стр. 403.

успѣха могли бы продолжать такимъ образомъ атаку; но видя своихъ паче на грабленіе устремившихся, бродящихъ по домамъ, обремененныхъ добычею, разъѣзжающихъ пьяныхъ по улицамъ и многихъ, одѣтыхъ въ различныя одежды, яко-то: въ стихари, подризники, въ женское платье и проч., также не стерпя жара отъ пламени зажженныхъ около крѣпости публичныхъ и приватныхъ зданій, а притомъ наипаче опасаясь охваченными быть сзади пожаромъ и приближающимся на помощь осажденнымъ, подъ командою подполковника Михельсона, войскомъ, не осмѣлились болѣе штурмовать крѣпость, хотя во многихъ мѣстахъ отъ древности и развалившуюся, но отступя въ лагерь, съ досады во многихъ мѣстахъ зажгли городъ".

Дѣйствительно Михельсонъ приближался къ Казани. Въ моментъ страшнаго разгрома ея онъ находился верстахъ въ 40 и видѣлъ густой, багровый дымъ. Не смотря на усталость предводимаго имъ отряда, требовавшаго отдохновенія, онъ, узнавъ, что вблизи находится одна изъ шаекъ, стремившихся къ Казани, напалъ на нее и захватилъ до 400 человѣкъ въ полонъ; остальные бѣжали и извѣстили самозванца объ опасности.

Получивъ это извѣстіе, Пугачевъ опять отступилъ за городъ, на Арское поле. Сюда вывезли 15 бочекъ вина: самозванецъ любилъ угощать дружину послѣ всякой побѣды. Привели до 10.000 плѣнныхъ; въ числѣ ихъ была и настоящая жена его Софья Дмитріева... Объ этомъ свиданіи самъ Пугачевъ впослѣдствіи показалъ слѣдующее: „Увидя (ее), говорилъ: „друга моего, Пугачева, жена, у котораго въ бѣдности я жилъ, и онъ за меня пострадалъ" — говоря при томъ: „я-де тебя, бѣдная, не покину". Итакъ велѣлъ ее и съ дѣтьми взять съ собою, и возилъ ихъ въ коляскѣ по самое послѣднее разбитіе, кое было подъ Чернымъ-Яромъ" [1]). Другіе полоняники поставлены были на колѣни передъ пушками. Пугачевъ сидѣлъ въ креслахъ, принимая дары отъ Татаръ. Довольный побѣдою, самозванецъ всѣмъ объявилъ прощеніе и вызывалъ охотниковъ на службу: вызвались многіе... Ночью шла попойка, Пугачевъ разъѣзжалъ по лагерю, а городъ горѣлъ...

Какъ только Пугачевъ прекратилъ пальбу, архіепископъ Веніаминъ, не смотря на нестерпимый зной пожара, со всѣмъ бывшимъ при немъ духовенствомъ, сопровождаемый народомъ, совершилъ крестный ходъ въ крѣпости. Вѣтеръ нѣсколько стихъ и даже принялъ

[1]) *Чтен. Моск. Общ. Ист.* 1858, II, 34.

обратное направленіе. Наступила ночь: недоумѣвая, что̀ значитъ прекратившаяся пальба, „всякъ ожидалъ заутра несчастнаго конца своей жизни; всякъ прощаясь съ ближними, въ бдѣніи пребывалъ до утра, взирая на безпрепятственно обращаемый въ пепелъ городъ, и горькими слезами оплакивая кровныхъ и сограждан̀ъ своихъ, почитая ихъ отъ рукъ злодѣйскихъ или отъ пламени погибшими, отъ чего и самые бывшіе на большихъ сраженіяхъ приходили въ унынie". Городъ дѣйствительно представлялъ необозримую громаду сожженныхъ и разграбленныхъ зданій: остались въ большей цѣлости слободы Архангельская, татарскія и часть Сукопной, бывшія не подъ вѣтромъ, все прочее погибло; въ томъ числѣ до 28 церквей, 777 лавокъ и до 2.200 казенныхъ и частныхъ домовъ [1]). Зданія, гдѣ помѣщались Казанскія гимназіи, также сгорѣли совершенно. Число людей, убитыхъ въ это время въ Казани, насчитывалось болѣе 100 человѣкъ [2]), раненыхъ до 200 и пропавшихъ безъ вѣсти до 500.

Прошла ужасная ночь. Сидѣвшіе въ крѣпости жители ждали новаго штурма; но вмѣсто бунтовщиковъ съ изумленіемъ увидали скачущихъ въ городъ Михельсоновыхъ гусаровъ. По словамъ архимандрита Платона Любарскаго, „вообразить не можно, коль неописанная радость въ тотъ часъ объяла несчастныхъ; всякій предупреждаетъ другъ друга, стремится взбѣжать на крѣпостную стѣну, чтобъ воззрѣть на сего ангела Божія, желая увѣриться собственными глазами и хотя малое въ отягченномъ печалью сердцѣ получить облегченіе. Узнавъ же истину, съ воздѣніемъ на небо рукъ приносили благодареніе Вышнему, не безъ сожалѣнія нѣкотораго на свою судьбину, что и избавитель Михельсонъ немногими только часами опоздалъ въ Казани случившееся отвратить несчастіе; но и то за неисповѣдимое милосердіе къ себѣ Божіе почитали, что хотя безъ домовъ, безъ имѣнія, и лишась нѣсколькихъ сограждан̀ъ, а нѣкоторые и кровныхъ, сами живы остались". Впослѣдствіи завистники и порицатели распространяли молву, будто Михельсонъ умышленно допустилъ Пугачева разграбить городъ, дабы въ свою очередь поживиться богатою добычею отъ него. Но это чистая клевета: Михельсонъ, оставивъ въ Уфѣ больныхъ и раненыхъ и запасшись боевыми снарядами, немедленно

[1]) *Рыбушкинъ*, Ист. Казани, 1, 155.

[2]) *Пушкинъ* въ числѣ убитыхъ показываетъ и директора Каница (Сочин., VI, 93); но это не справедливо, и мы рѣшительно не знаемъ источника, на которомъ основано такое извѣстіе.

пустился преслѣдовать Пугачева, который въ ту пору, какъ было сказано выше, бросался и на Кунгуръ, и на Красноуфимскъ, и на Осу. На пути Михельсону встрѣчались многочисленныя шайки бунтующихъ Башкировъ, которыя также нужно было разсѣевать и уничтожать. Изъ Бирска шелъ онъ къ Осѣ, когда, 27-го іюня, узналъ отъ плѣнныхъ Башкировъ о сдачѣ этого городка и о переправѣ Пугачева черезъ Каму. Такимъ образомъ, Пугачевъ въ своемъ стремленіи на Казань былъ цѣлою недѣлею впереди Михельсона, которому еще предстояла трудная переправа черезъ Каму. Тогда Михельсонъ измѣнилъ свой маршъ и направился прямо къ Казани, но не успѣлъ упредить самозванца.

Въ ночь съ 12-го на 13-е іюля, когда Пугачевъ праздновалъ взятіе Казани, Михельсонъ напалъ на его становище. Мятежники встрѣтили его сильнымъ огнемъ, но не выдержали смѣлаго натиска правильно дѣйствующаго войска и бѣжали, потерявъ нѣсколько пушекъ и до тысячи человѣкъ убитыми и плѣнными. Отдохнувъ нѣсколько часовъ, Михельсонъ двинулся къ Казани, уничтожая безпрестанно встрѣчавшіяся мелкія шайки Пугачевскаго сброда; въ городъ онъ отправилъ офицера съ нѣсколькими гусарами для увѣдомленія о своемъ прибытіи и съ просьбой о подкрѣпленіи. Потемкинъ вывелъ до 150 человѣкъ гарнизона и во время успѣлъ соединиться съ Михельсономъ. Пугачевъ пытался воспрепятствовать, но скоро былъ сбитъ, бѣжалъ къ селу Савинову, а оттуда, переправясь чрезъ Казанку, ушелъ въ село Сухую-Рѣку, лежащее въ 11 верстахъ отъ Казани на сѣверъ [1]). Преслѣдовать его было не возможно: у Михельсона не было и тридцати годныхъ лошадей.

Михельсонъ, однако, не вступилъ и въ крѣпость, но остановился лагеремъ на Арскомъ полѣ, ожидая новаго нападенія. Весь день 14-го іюля прошелъ безъ тревогъ, а между тѣмъ въ Казань прибылъ еще небольшой отрядъ войскъ съ подполковникомъ графомъ Меллинымъ. Пугачевъ въ теченіе этого дня производилъ разныя передвиженія, формировалъ новые полки, разглашая между прочимъ, что Казанская крѣпость раззорена, а прибывшее къ ней войско истреблено. На самомъ же дѣлѣ, какъ оказалось впослѣдствіи, Пугачевъ сначала считалъ отрядъ Михельсона несравненно сильнѣе, и только убѣдившись въ его немногочисленности, рѣшился въ третій разъ сдѣлать на него нападеніе.

---

[1]) Списокъ населенныхъ мѣстъ Каз. губ. №№ 45 и 311.

На разсвѣтѣ 15-го іюля Пугачевъ собралъ вмѣстѣ всѣ свои „полки“ и плѣнниковъ, велѣлъ прочитать предъ ними манифестъ, которымъ возвѣщалось, что, послѣ торжественнаго вшествія въ Казань, будетъ предпринятъ походъ въ Москву. Затѣмъ всѣ эти скопища, простиравшіяся до 25.000 человѣкъ, двинулись отъ Сухой-Рѣки старою дорогою къ селу Савинову, а оттуда къ селу Царицыну и на Арское поле. „Можно было, по густой превеликой пыли, изъ-за лѣсовъ на подобіе дыма или черныхъ облаковъ на воздухъ подымающейся, всему городу издали явно видѣть злодѣйское третичное дерзновеніе, что всѣхъ приводило въ страхъ и трепетъ, особливо представляющихъ себѣ несравненно превосходнѣйшее сволочи его число противу, такъ-сказать, горсти защитительнаго своего (которое не болѣе какъ изъ 800 карабинеровъ, гусаровъ и Чугуевскихъ казаковъ состояло) храбраго войска, хотя искусство предводителя отчаяваться въ побѣдѣ и не дозволяло“. Дѣйствительно, Михельсонъ смѣло и съ увѣренностію ударилъ на нестройныя полчища. Опрокинувъ Яицкихъ казаковъ, наилучше вооруженныхъ и наиболѣе стойкихъ, онъ могъ уже безъ большаго труда разбить и прогнать остальную сволочь, невооруженную и обыкновенно подстрекавшуюся къ наступленію нагайками и пиками. Какія усилія ни употреблялъ Пугачевъ, чтобъ удержать разсыпавшіяся толпы, ничто не помогало. Смятеніе произошло неизобразимое, когда отбитыя у мятежниковъ пушки обращены были противъ нихъ же. Все бѣжало стремглавъ: бывшіе съ Пугачевымъ Башкиры въ то же время оставили его совершенно и ускакали въ свои предѣлы. До двухъ тысячъ мятежниковъ положено было на мѣстѣ, огромное количество ихъ перетонуло въ Казанкѣ и захвачено въ плѣнъ 5.000 человѣкъ, въ томъ числѣ отставной канониръ Иванъ Наумовъ Бѣлобородовъ, одинъ изъ приближеннѣйшихъ людей къ самозванцу, носившій титулъ „старшаго атамана и фельдмаршала“, завѣдывавшій письменною частію у Пугачева и введшій строгую дисциплину въ шайкахъ [1]). Всѣ Казанскіе плѣнники также были освобождены, и сверхъ того, побѣдителямъ достался почти весь обозъ

[1]) Бѣлобородовъ былъ пытанъ въ Казанской секретной коммиссіи, сознался во всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ, наказанъ кнутомъ и отправленъ въ Москву, гдѣ преданъ смертной казни 5-го сентября 1774 года (см. *Лебедева*, Графы Панины, стр. 334). Измѣнникъ Минеевъ захваченъ въ плѣнъ еще прежде Бѣлобородова. По приговору военнаго суда, онъ лишенъ чиновъ и загнанъ сквозь строй до смерти.

мятежниковъ. Потеря въ отрядѣ Михельсона простиралась до 35 человѣкъ убитыми и 68 ранеными.

Для преслѣдованія Пугачева отряженъ былъ подполковникъ графъ Меллинъ; но успѣха особеннаго достичь онъ не могъ. Пугачевъ ускакалъ на перемѣнныхъ лошадяхъ въ Царевококшайскъ, а оттуда, съ небольшимъ числомъ приближенныхъ („въ то время было у меня людей сотъ пять", показалъ онъ впослѣдствіи), переправился на правый берегъ Волги, у села Сундыря. Между его спутниками находился конфедератъ Пулавскій, жившій въ Казани подъ надзоромъ полиціи и радушно принятый въ домѣ привѣтливаго фонъ-Бранта [1]).

Торжественно, съ настоящимъ и вполнѣ заслуженнымъ тріумфомъ, вступилъ Михельсонъ въ крѣпость. Губернаторъ фонъ-Брантъ съ генералитетомъ и знатнѣйшими персонами встрѣтили побѣдителя за крѣпостными воротами и принесли ему поздравленія съ побѣдой и благодаренія за его неутомимые труды. Народъ, находившійся въ крѣпости, и освобожденные плѣнники и слезами, и радостнѣйшими восклицаніями „ура!" и другими знаками свидѣтельствовали свою благодарность и радость. Михельсонъ отправился въ соборъ, гдѣ архіепископъ отслужилъ благодарственный молебенъ [2]).

---

[1]) Для полноты очерка дѣйствій Пугачева въ предѣлахъ нынѣшней Казанской губерніи, прибавимъ здѣсь слѣдующія свѣдѣнія:

Торговое село Сундырь—нынѣ посадъ Маріинскій—Пугачевъ предалъ огню и грабежу за то, что жители его сами разбѣжались, а всѣ барки свои затопили. Можетъ-быть, овладѣвъ барками, самозванецъ спустился бы внизъ по Волгѣ; а теперь вынужденъ былъ углубиться внутрь страны. Отъ Сундыря онъ двинулся прямо на Суру чрезъ чувашскія и черемисскія селенія, жители которыхъ въ особенности жаловались на поповъ: Пугачевъ разрѣшилъ истреблять ихъ. Объявляя крестьянамъ вольность, безденежную раздачу соли и уничтоженіе повинностей, онъ въ короткое время возмутилъ весь здѣшній край. Нижегородскій губернаторъ Ступишинъ былъ почти убѣжденъ, что Пугачевъ разорятъ и Нижній и проникнетъ до Москвы. Дѣйствительно, опасность была значительна: скопища мятежниковъ быстро увеличивались и пресѣкли прямое сообщеніе Нижняго съ Казанью. Пугачевъ, ограбивъ г. Цывильскъ, гдѣ повѣсилъ воеводу Копьева, двинулся къ Курмышу, а оттуда хотѣлъ идти на Ядринъ, но узнавъ о движеніи преслѣдующихъ войскъ, поворотилъ самъ къ Алатыри, въ Ядринъ же все-таки отправилъ особую шайку, которая, однако, была отбита жителями, а послѣ того совершенно разсѣяна графомъ Меллинымъ. Въ отраженіи мятежниковъ отъ города въ особенности отличился купецъ Засыпкинъ, котораго императрица пожаловала за это шпагою.

[2]) Освобожденіе Казани описано было въ особой брошюрѣ, подъ заглавіемъ: «Михельсонъ въ бывшее въ Казани возмущеніе; издалъ *Дмитрій Зиновьевъ*». Москва, 1807, въ 8-ю д.

Тяжелые труды предстояли губернскому начальству. Въ раззоренномъ городѣ нужно было размѣстить болѣе 30.000 жителей по уцѣлѣвшимъ домамъ, а такихъ домовъ насчитывалось до 800, да и тѣ были необширны, потому что находились въ пригородныхъ слободахъ. Для помѣщенія гимназическихъ классовъ назначили на первый случай одинъ изъ купеческихъ домовъ на Проломной улицѣ, а ученикамъ отвели квартиры въ Татарскихъ слободахъ. Это было крайне неудобно; но на первыхъ порахъ еще некогда было думать объ ученіи: достаточно было и того, что всѣ получили хоть какой-либо пріютъ. Добыча, отбитая войсками у Пугачева, была значительна: начальство положило раздѣлить ее между жителями. Раздѣлъ этотъ, конечно, не могъ быть произведенъ съ неоспоримою точностію, и естественно, при этомъ иные не получили вещей, собственно имъ принадлежавшихъ; другіе воспользовались чужимъ. Солдаты отряда Михельсонова при этомъ дѣлежѣ обогатились значительно, и это обстоятельство впослѣдствіи, какъ мы сказали, поставлено было въ особое обвиненіе для самого Михельсона.

Прослѣдимъ кратко послѣдующія событія Пугачевщины, дабы объяснить, какое вліяніе имѣли они на Казань и на нѣкоторыхъ лицъ, упоминаемыхъ въ нашемъ очеркѣ.

Мы знаемъ, что по смерти Бибикова начальникомъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Пугачева, считался князь Ѳ. Ѳ. Щербатовъ. Нерѣшительный и даже робкій въ дѣйствіяхъ, онъ былъ главнымъ виновникомъ того, что мятежники, почти подавленные вовсе у Яицкаго города и Оренбурга, пріобрѣли новыя страшныя силы на горныхъ заводахъ въ сѣверо-восточной части Оренбургскаго края. Государыня была крайне недовольна Щербатовымъ и въ началѣ іюля отозвала его, поручивъ главное начальство надъ войсками князю П. М. Голицыну. Въ эту пору война съ Турціей уже закончилась, со дня на день ожидалось заключеніе мира, — слѣдовательно, представлялась возможность располагать большимъ числомъ войскъ для подавленія бунта. Поэтому повелѣно было нѣсколькимъ полкамъ — Владимірскому, Вологодскому и другимъ—двинуться въ Казань.

События шли, однако, быстрѣе. Пугачевъ успѣлъ разграбить Казань, и хотя разбитый и едва спасшійся отъ поимки, прорвался на правый берегъ Волги, взбунтовалъ инородцевъ и помѣщичьихъ крестьянъ и опять съ огромными скопищами двигался по направленію рѣки Суры. Было доискано, что курьеръ, ѣхавшій къ князю П. М. Голицыну съ указомъ о назначеніи его главноначальствующимъ, былъ оста-

повленъ Нижегородскимъ губернаторомъ Ступишинымъ, „по причинѣ небезопасности дороги“ — и что нельзя ручаться за безопасность Москвы...

Тогда императрица, видя губерніи Оренбургскую, Казанскую и Нижегородскую „огнемъ наполненными“, созвала чрезвычайный совѣтъ изъ лицъ, наиболѣе довѣренныхъ, и объявила намѣреніе принять самой начальство надъ войсками для спасенія Москвы и имперіи. Графъ Н. И. Панинъ возразилъ, что волненіе презрительной черни не заслуживаетъ столь рѣшительныхъ мѣръ, и что родной его братъ, графъ Петръ, при всей дряхлости своей, не откажется спасать отечество и, велитъ нести себя на носилкахъ, если только государыня пожелаетъ ввѣрить ему начальство надъ войскомъ, не имѣя въ виду другаго полководца способнѣе его.

Одинъ изъ изслѣдователей этой эпохи называетъ упомянутый чрезвычайный совѣтъ „театральнымъ зрѣлищемъ“ [1]). Дѣйствительно, многія обстоятельства заставляютъ думать, что большая часть тогдашнихъ событій основывалась на тайной интригѣ различныхъ честолюбцевъ, между которыми самое видное мѣсто занимали два брата Панины. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, генералъ-аншефъ, командовавшій второю изъ дѣйствовавшихъ противъ Турокъ арміей, прославившійся взятіемъ Бендеръ (16-го сентября 1770 г.), считая для себя оскорбленіемъ орденъ св. Георгія 1-й степени, вдругъ почувствовалъ усиленіе подагрической болѣзни, коею онъ страдалъ бубучи еще полковникомъ, сталъ проситься въ отставку посреди разгара войны, на что и получилъ согласіе государыни 27-го ноября 1770 года. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ большею частью въ Москвѣ, куда всегда любили удаляться всѣ, считавшіе себя обиженными правительствомъ или дѣйствительно подпавшіе подъ опалу. Его братъ, графъ Никита Ивановичъ, управлявшій коллегіей иностранныхъ дѣлъ и завѣдывавшій перепискою по важнымъ дѣламъ внутренняго управленія, состоялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспитателемъ Наслѣдника престола. Между братьями происходили дѣятельныя сношенія: Петру Панину сообщались курьерами всѣ Петербургскія и придворныя новости, даже копіи съ военныхъ реляцій, депешъ нашихъ посланниковъ и другихъ документовъ, какъ это видно изъ напечатанной переписки Д. И. фонъ-Визина [2]). При такихъ условіяхъ графъ Петръ, въ своемъ кружкѣ, являлся вѣрнымъ предсказателемъ событій, и слѣдователь-

[1]) *Лебедева*, Графы Панины, стр. 115.

[2]) *Кн. Вяземскаго*, Фонъ-Визинъ, стр. 90—92 и 380—432.

но, справедливымъ судіей всякихъ правительственныхъ мѣръ. Въ дѣлахъ государственнаго архива есть показаніе, что въ 1771 году, во время чумы, народное возстаніе въ Москвѣ было произведено по внушенію графа Петра Ивановича [1]). Показаніе это ничѣмъ не было подтверждено; однако, оно замѣчательно въ томъ отношеніи, что опредѣляетъ взглядъ нѣкоторыхъ современниковъ на вліяніе Петра Панина на событія.

Графъ Никита, въ свою очередь, въ своемъ кружкѣ, который въ то же время былъ кружкомъ Государя Наслѣдника, судилъ и рядилъ о способностяхъ военачальниковъ, дѣйствовавшихъ противъ мятежниковъ, разказывалъ, какъ дряхлый его братъ, „покоритель Бендеръ", вооружилъ своихъ дворовыхъ и крестьянъ и намѣренъ идти на самозванца, и т. п. Такимъ образомъ, при дворѣ и въ высшемъ обществѣ создавалось и распространялось мнѣніе, что спасеніе государства зависитъ единственно отъ назначенія графа Петра полномочнымъ начальникомъ губерній Московской, Нижегородской, Казанской и Оренбургской и всѣхъ войскъ, поспѣшающихъ на погубленіе государственнаго врага Емельки Пугачева [2]). Все это было извѣстно императрицѣ, и потому она въ упомянутомъ чрезвычайномъ засѣданіи совѣта отозвалась, что и она признаетъ графа Петра Ивановича способнѣйшимъ, но не рѣшалась назначить его только потому, что онъ находится въ отставкѣ. Главною же причиной ея нерѣшительности было полное убѣжденіе въ томъ, что патріотическая готовность Панина имѣетъ источникомъ непомѣрное властолюбіе.

Вотъ что писала она знаменитому Г. А. Потемкину по этому поводу: „Увидишь, изъ приложенныхъ при семъ штукъ, что господинъ графъ Панинъ изъ братца своего изволитъ дѣлать властителя, съ безпредѣльною властью, въ лучшей части имперіи, то-есть, Московской, Нижегородской, Казанской и Оренбургской губерніи, a sous entendus есть и прочія. Что если я подпишу, то не токмо князь Волконской будетъ огорченъ и смѣшенъ, но я сама ни малѣйше не сбережена, но предъ всѣмъ свѣтомъ—перваго враля и мнѣ персональнаго оскор-

[1]) *Лебедева*, Графы Панины, стр. 88 и 89.

[2]) Кн. М. Н. Волконскій въ одномъ изъ писемъ къ императрицѣ, такъ выражается о Н. Панинѣ: «Большой, вашему императорскому величеству извѣстной болтунъ вздоръ болтаетъ.... а другіе перебалтываютъ, но все ничего не значущее и единственно къ тщеславію его касающееся». (*Осмнадцатый вѣкъ*, I, стр. 105). Волконскій былъ вообще въ холодныхъ отношеніяхъ къ Панину издавна, и какъ самъ выражался, имѣлъ противъ него «jalousie de métier».

бителя, побоясь Пугачева, выше всѣхъ смертныхъ въ имперіи хвалю и возвышаю. Вотъ вамъ книги въ руки, изволь читать и признавай, что гордыя затѣи сихъ людей всѣхъ прочихъ выше. При семъ прилагаю и Бибикова инструкцію для confronterie: и тотъ пунктъ не худъ, гдѣ сказано, что всѣхъ людей, гдѣ бъ они ни были, онъ можетъ какъ, гдѣ и когда хочетъ" (казнить смертью).

Какъ бы то ни было, но отчасти уступая мнѣнію вліятельной партіи, Екатерина, 29-го іюля 1774 г., подписала рескриптъ о порученіи П. Панину начальства надъ войсками, высланными противъ Пугачева, и надъ губерніями Казанскою, Оренбургскою и Нижегородскою, съ полномочіемъ „къ изъисканію и употребленію всѣхъ средствъ и мѣръ, необходимыхъ въ возлагаемомъ на него важномъ государственномъ дѣлѣ". Исключеніе Московской губерніи значительно ограничивало права Панина; но еще болѣе уменьшилось значеніе его власти тѣмъ, что дѣйствительное командованіе войсками возложено было на Суворова, который, по обыкновенію, явился изъ турецкой арміи чрезвычайно поспѣшно и немедленно отправился къ мѣсту назначенія. Кромѣ всего этого, многія распоряженія, клонящіяся къ усмиренію мятежа, предпринимались совершенно независимо отъ Панина, по непосредственнымъ сношеніямъ Г. А. Потемкина съ Московскимъ главнокомандующимъ княземъ М. Н. Волконскимъ и съ генералъ-прокуроромъ княземъ А. А. Вяземскимъ. Секретная коммиссія о мятежѣ, подчиненная прежде Бибикову, также была изъята изъ вѣдѣнія Панина и получила особаго начальника — П. С. Потемкина, поставленнаго въ прямыя отношенія къ императрицѣ [1]).

Въ сущности, впрочемъ, Суворовъ, а тѣмъ менѣе Панинъ, лично ничего не успѣли сдѣлать противъ Пугачева. Все дѣло закончено было неутомимымъ Михельсономъ и другими предводителями дѣйствовавшихъ отрядовъ. Суворовъ только успѣлъ принять въ Яицкѣ (Уральскѣ) уже выданнаго своими сообщниками самозванца и привезти его въ клѣткѣ къ Панину въ Симбирскъ; а Панинъ, при первомъ свиданіи съ Пугачевымъ, всенародно собственноручно далъ ему нѣсколько пощечинъ и оттрепалъ за бороду [2]), а послѣ того, превознося, показывалъ его Державину.

---

[1]) *Русская Старина* 1870 г., II, 400—402.

[2]) *Державина*, Записки, стр. 99; *Пушкина*, Сочиненія, VI, 521. Державинъ замѣчаетъ при этомъ, что первый вопросъ Панина Пугачеву былъ: «какъ смѣлъ онъ поднимать оружіе *противъ его?*», и что Пугачевъ отвѣчалъ: «что дѣлать,

Важно было то, что графъ Панинъ, „хотя уже изчезли всѣ безпокойства внутреннія, и всюду тишина была возстановлена въ полной мѣрѣ“, оставался полновластнымъ начальникомъ обширнаго края въ теченіе года слишкомъ, до 9-го августа 1775 года. За мѣсяцъ до этого, именно 10-го іюля 1775 г., въ торжественное празднованіе Кучукъ-Кайнарджискаго мира, государыня, щедро награждая разныхъ дѣятелей своего царствованія. дала особую похвальную грамоту Панину, въ которой выразилась, что „при самомъ началѣ его предводительства, Богъ благословилъ его предпріятіе попмкою злодѣевъ“.

Въ отношеніи къ Казани и Казанской губерніи въ періодѣ главноначальствованія графа Панина совершилось слѣдующее.

Старикъ Казанскій губернаторъ фонъ-Брантъ, больной и вообще сильно потрясенный тогдашними событіями, вскорѣ по освобожденіи Казани отъ Пугачева умеръ (3-го августа 1774 г.). Вмѣсто него назначенъ былъ генералъ-поручикъ князь Пл. Степ. Мещерскій, до этого времени управлявшій Малороссіей. По отзыву самой императрицы, „сей новый губернаторъ, при самомъ началѣ отправленія его должности, уже соотвѣтствовалъ довѣренности и открылъ попечительность свою докладами“ [1]). Одною изъ первыхъ его заботъ были соображенія о возобновленіи выжженнаго города и объ изысканіи способовъ къ обезпеченію продовольствія жителей въ краѣ. Государыня вполнѣ утвердила предположенія по первому предмету, прислала планъ для постройки губернаторскаго дома и повелѣла сенату отправить въ Казань особаго архитектора. Что касается мѣръ о продовольствіи, между прочимъ заключавшихся въ установленіи таксъ на предметы потребленія, то государыня хотя и согласилась на то, потому что дѣлать какія-либо измѣненія въ соображеніяхъ, основанныхъ на знаніи мѣстныхъ обстоятельствъ, не возможно,—однако, замѣтила: „предвидится, правда, что труднѣе всего будетъ удержать безъ нарушенія предписанныя цѣны, ибо и въ здѣшнемъ городѣ (то-есть, въ Петербургѣ) полицейскія таксы почти что мнимыя суть, потому что розничную продажу нѣтъ возможности всякую минуту свидѣтельствовать“. Вслѣдствіе этого въ письмѣ къ графу Панину,

---

ваше сіятельство, когда уже воевалъ противъ государыни!»...Рунпчъ въ своихъ запискахъ (*Русская Старина* 1870 г. т. II, 348 — 350) описываетъ эту сцену значительно иначе.

[1]) Мещерскій пользовался особеннымъ благоволеніемъ Екатерины II; она называла его «почтеннымъ старцемъ». *Русскій Архивъ* 1872 г., стр. 2161.

20-го ноября 1774 г., она высказала такое мнѣніе: „Дабы оное прокормленіе доставить наивящій голодъ терпящимъ, пришло мнѣ на умъ вамъ сообщить слѣдующую идею, сходственную, впрочемъ, съ вашимъ мнѣніемъ о обведеніи городовъ такими заградами, кои бы величины ихъ означали и служили бы имъ защитою отъ воровскаго иногда заброда. Идея сія есть слѣдующая: чтобъ начинать около тѣхъ уѣздныхъ городовъ, гдѣ голодъ найвящій есть, рыть ровъ и платить за сіе не токмо деньгами, но и хлѣбомъ. Тутъ всякой полъ и возрастъ сыщетъ прокормленіе, ибо кто не роетъ, то мало или много нося землю, не празденъ будетъ, и изъ уѣзда не разбредутся въ другіе, но тутъ свое пропитаніе найдутъ. Таковыя работы начать можно въ разныхъ мѣстахъ, чѣмъ народъ удержите въ мѣстѣ его пребыванія, и упражняя его, уймете и воровства, и разбои. Сіе мое мнѣніе вамъ пишу не въ указъ, но какъ совѣтъ, котораго удобность вамъ на мѣстѣ надлежитъ разсмотрѣть и исполнить безъ огласки, дабы не притянуть работниковъ изъ изобилующихъ мѣстъ для сущаго изъѣденія вашихъ запасовъ.“ [1]).

Князь Мещерскій, между прочимъ, не оставилъ безъ ходатайства о монаршемъ вниманіи къ Казанскимъ гимназіямъ, самоотверженно дѣйствовавшимъ противъ бунтовщиковъ. По этому случаю на имя губернатора послѣдовалъ, 25-го августа 1774 г., высочайшій рескриптъ, которымъ было повелѣно „выдать изъ штатсъ-конторскихъ доходовъ для исправленія ихъ состоянія, не въ зачетъ жалованья по ихъ окладамъ: директору гимназіи надворному совѣтнику фонъ-Капицу за полгода, учителямъ и другимъ чинамъ гимназій за треть, а ученикамъ за годъ“ [2]). Независимо отъ того, въ пособіе гимназіямъ выслано было отъ университета 1000 рублей.

Награждая преданность Казанцевъ, государыня хотѣла особенно отличить самого Панина, и потому дала указъ военной коллегіи принять въ службу поручикомъ родственника его Татищева „въ разсужденіи претерпѣннаго мученическаго конца въ вѣрности неноколебимаго старика Кудрявцева“, который, по женѣ графа П. И. Панина Аннѣ Алексѣевнѣ, урожденной Татищевой, приходился Панину дѣдомъ [3]).

[1]) *Чтенія Моск. Общ. Ист.* 1858 г., II, 56, 57.

[2]) *Рыбушкинъ*, Ист. Казани, I, 143.—Росписаніе наградъ помѣщено у *Владимірова*, Истор. записка, I, 130.

[3]) *Чтенія Моск. Общ. Ист.* 1858 г., II, 55.

Замѣчательнѣе всего приключенія, постигшія Казанскаго архіепископа Веніамина, который, какъ мы видѣли, столь усердно трудился къ поддержанію спокойствія въ краѣ и выказалъ мужество въ моменты самаго отчаяннаго положенія Казани, опустошаемой разбойниками. Архіерейскій домъ его, находившійся въ крѣпости, занятъ былъ слѣдственною коммиссіей, главнымъ начальникомъ которой состоялъ генералъ П. С. Потемкинъ, двоюродный племянникъ „свѣтлѣйшаго“. Архіерей, по этому случаю, имѣлъ пребываніе въ загородномъ своемъ домѣ, въ такъ-называемомъ Новомъ Іерусалимѣ, отстоящемъ отъ Казани въ 7 верстахъ, по Оренбургскому тракту [1]). Ровно черезъ три мѣсяца послѣ освобожденія Казани, именно 15-го октября 1774 года, пригласили Веніамина въ городъ, подъ предлогомъ личныхъ объясненій съ Потемкинымъ по дѣлу о раззореніи Казани. Не подозрѣвая ничего, онъ явился въ городской домъ и здѣсь былъ арестованъ, по обвиненію въ сношеніяхъ съ самозванцемъ. Доносъ такой былъ сдѣланъ однимъ изъ Казанскихъ дворянъ, Плѣю Аристовымъ, который ссылался на купца Огородникова. Этотъ Аристовъ, служа капраломъ въ Томскомъ пѣхотномъ полку, бѣжалъ при началѣ Пугачевскаго бунта, и пробравшись на Донъ, возмущалъ казаковъ въ пользу самозванца. Схваченный гдѣ-то подъ стражу, онъ содержался съ другими преступниками въ Казани, освободился изъ острога при Пугачевѣ, присоединился къ бунтовщикамъ и дѣйствовалъ съ ними въ званіи полковника. Вскорѣ однако онъ попался въ плѣнъ и на допросѣ въ Нижнемъ принялся, ради собственнаго спасенія, клеветать на другихъ. Онъ оговорилъ, будто архіепископъ Веніаминъ сносился съ Пугачевымъ и присылалъ къ нему деньги; купецъ Огородниковъ, также состоявшій въ мятежническихъ шайкахъ, подтвердилъ показаніе Аристова о доставленіи самозванцу денегъ, однако отозвался невѣдѣніемъ, отъ кого были тѣ деньги присланы. Когда Аристовъ былъ присланъ изъ Нижняго въ Казань, то Потемкинъ, главный начальникъ слѣдственной коммиссіи, съ первыхъ допросовъ убѣдился, что онъ клевещетъ на архіерея, но при всемъ томъ „нашелъ нѣкоторую причину къ сумнѣнію“, о чемъ и доносилъ императрицѣ (17-го августа 1774 г.), прибавляя въ заключеніе: „но до времени не приступаю я къ изобличенію, по малымъ сумнѣніямъ къ изобличенію, дабы напрасно не оскорбить толь великаго сана“ [2]).

[1]) Списокъ населенныхъ мѣстъ Казанской губерніи, № 133.

[2]) *Русская Старина* 1870 г., II, стр. 406, 407. — *Державинъ*, Записки,

Какъ бы то ни было, однако, чрезъ нѣсколько времени Веніаминъ подвергнутъ былъ крѣпкому аресту. Государыня, получивъ извѣстіе о доносѣ на Веніамина, повѣрила извѣту, тѣмъ болѣе, что она, какъ видно, и прежде почему-то не очень благоволила къ этому архіерею ибо перемѣстила его съ Петербургской каѳедры на Казанскую чрезъ мѣсяцъ по вступленіи своемъ на престолъ (26-го іюля 1762 г.). При всемъ томъ, желая утушить и слухъ дѣла „о его непростительной съ злодѣями пересылкѣ“, Екатерина поручила Г. А. Потемкину предложить архіепископу С.-Петербургскому Гавріилу, чтобъ онъ отъ себя написалъ къ Веніамину, „съ тѣмъ, дабы сей изъ ума выжившій старикъ просился бы немедленно на обѣщанье, и если сіе сдѣлаетъ архіерей Казанскій, то въ разсужденіи сана уже далѣе слѣдствіе производить не велю“. Письмо Гавріила императрица приказывала отправить къ Веніамину съ нарочнымъ и затѣмъ пріостановить отъѣздъ Веніамина въ Москву, куда предполагалось выслать его для окончательнаго дослѣдованія въ тайной экспедиціи у извѣстнаго Шешковскаго. Не извѣстно, писалъ ли Гавріилъ къ Веніамину; но съ одной стороны, явились и защитники Веніамина, представлявшіе государынѣ, что этотъ пастырь, въ теченіе 25-ти лѣтъ епископскаго служенія своего на разныхъ каѳедрахъ, былъ всегда примѣромъ доблестнымъ для паствы, а въ Казани дѣйствія его были открыты предъ всѣми; наконецъ, и самъ Веніаминъ, не смотря на всѣ строгости надзора, съумѣлъ тайно (по словамъ Державина, „чрезъ отверстіе нужнаго мѣста“) отправить письмо къ государынѣ съ писцомъ архіерейской канцеляріи Петромъ Васильевымъ [1]). Все это послужило къ раскрытію истины, и государыня, послѣ казни Пугачева (10-го января 1775 г.), прибывъ въ Москву для празднованія Кучукъ-Кайнарджискаго мира, разсмотрѣла все дѣло о Веніаминѣ и убѣдилась, какъ въ оклеветаніи его, такъ и въ пристрастности веденнаго слѣдствія; къ тому же и Аристовъ наконецъ сознался въ лживости своихъ обвиненій. Немедленно Екатерина поспѣшила огласить невинность архипастыря и „въ награжденіе его добродѣтели, удовлетворяя тѣмъ и

стр. 103 и 104, говоритъ, что Потемкинъ былъ слѣдователь довольно пристрастный и не достаточно опытный въ производствѣ этого рода дѣлъ, почему и далъ полную вѣру извѣтамъ на Веніамина. Изъ приведеннаго донесенія Потемкина усматривается противное. Срав. *Русскій Вѣстникъ*, 1866, №№ 6, статья г. Анучина.

[1]) Письмо Веніамина къ графу Н. И. Панину напечатано въ *Русской Старинѣ* 1870 г., II, стр. 413.

самое правосудіе", указомъ святѣйшему синоду 26-го января 1775 г., повелѣла Веніамина „именовать митрополитомъ Казанскимъ и носить ему по обычаю бѣлый клобукъ". Къ самому Веніамину государыня тогда же отправила съ нарочнымъ офицеромъ гвардіи новый клобукъ при слѣдующемъ собственноручномъ рескриптѣ:

„Преосвященный Веніаминъ, митрополитъ Казанскій!

„По пріѣздѣ моемъ въ Москву, первымъ попеченіемъ было для меня разсмотрѣть дѣла бездѣльника Аристова, и узнала я, къ крайнему удовольствію моему, что невинность вашего преосвященства совершенно открылась. Покройте почтенную главу вашу симъ отличнымъ знакомъ чести, да будетъ оный для всякаго всегдашнимъ напоминовеніемъ торжествующей добродѣтели вашей; позабудьте прискорбіе и печаль, кои васъ уязвляли; припишите судьбѣ Божіей, благоволившей васъ прославить по несчастныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ тамошняго края; принесите молитвы Господу Богу, а я съ отличнымъ доброжелательствомъ есмь

Екатерина".

Вмѣстѣ съ этимъ рескриптомъ, при письмѣ Г. А. Потемкина, вручень Веніамину крестъ для клобука, составленный изъ большихъ брилліантовъ, „которые императрица изволила носить на себѣ" [1]).

Всѣ эти награды и дары вручены Веніамину торжественно, въ присутствіи губернатора и всѣхъ знатныхъ лицъ Казани, 1-го февраля. День былъ воскресный, и новый митрополитъ совершилъ божественную литургію и благодарственный молебенъ, предъ начатіемъ котораго прочитаны были высочайшій рескриптъ и указъ синоду. 6-го февраля митрополитъ отправилъ государынѣ благодарственное письмо, въ которомъ, между прочимъ, выразился, что ея безпримѣрные милость и судъ воскресили его отъ гроба, возвратили ему жизнь, которую онъ отъ малыхъ ногтей посвятилъ на службу по Бозѣ въ непоколебимой вѣрности монаршему престолу и отечественной пользѣ, сколько отъ него зависѣло, а продолжалась она чрезъ 53 года, но которую кле-

[1]) Кажется, однако, государыня невполнѣ была убѣждена въ невинности Веніамина. По крайней мѣрѣ, спустя десять лѣтъ послѣ этого событія, въ ту пору, когда во Франціи производилось огласившееся на всю Европу слѣдствіе надъ кардиналомъ Роганомъ объ ожерельѣ, купленномъ будто бы для королевы Маріи-Антуанеты,—Екатерина, по свидѣтельству *Храповицкаго* (Дневникъ, 14-го іюня 1786 г.), противополагала Рогана съ архіереемъ Казанскимъ, который сдѣланъ митрополитомъ, данъ указъ и крестъ нашитъ изъ собственнаго складня, . . . а Роганъ оправданъ, но будетъ сосланъ въ ссылку.

вета, напасть и злоба, противъ совѣсти и человѣчества, исторгнуть покушались [1]). Прибавимъ въ заключеніе, что клеветника Аристова, въ уваженіе претерпѣнныхъ имъ истязаній у Шешковскаго, императрица избавила отъ смертной казни, но велѣла наказать кнутомъ въ Казани, гдѣ жилъ оклеветанный имъ пастырь, и затѣмъ сослать въ каторжную работу въ Рогервикъ (нынѣ Балтійскій портъ).

VII.

Наше отступленіе, сознаемся очень велико, но казалось намъ отчасти необходимымъ, потому что разгромъ Казани въ Пугачевщину оказалъ важное вліяніе не только на состояніе гимназій, но даже и на самое ихъ существованіе. Возвращаемся снова исключительно къ исторіи гимназій.

Мы видѣли, что съ самаго открытія гимназій, въ теченіе 15-лѣтняго періода, постоянно каждый годъ директоры представляли о недостаточности содержанія гимназій, о тѣснотѣ помѣщенія и т. п. Пожаръ, произведенный мятежниками, истребилъ гимназическіе дома вовсе: разсадникъ просвѣщенія съ своими наставниками и воспитанниками теперь остался совершенно безпріютнымъ. Правда, довольно скоро отведено было помѣщеніе для гимназій и казеннокоштныхъ учениковъ; но все это оказывалось и недостаточнымъ, и неудобнымъ. Въ матеріалахъ, которые послужили намъ главною основою предлагаемой статьи, мы мало нашли свѣдѣній, относящихся до гимназій за 1774, 1775 и 1776 годы.

Какъ скоро возстановилось въ Казани спокойствіе послѣ постигшаго ее разгрома, Каницъ началъ хлопотать о возобновленіи гимназій. Онъ обращался съ просьбами объ этомъ къ губернатору, къ архіерею и къ П. С. Потемкину, начальнику слѣдственной коммиссіи о мятежѣ, въ распоряженіе котораго предоставлена была особая сумма, высо-

---

[1]) *Рыбушкина*, Ист. Казани, II, 1—13. *Бантыша-Каменскаго*, Словарь достопам. людей, I, 63, 263—267. Энцикл. Лексик. IX, 417—419. *Пушкина*, Сочиненія, VI, 88, 156, 538. *Державина*, Записки, 103 и 104. *Лебедева*, Графы Панины, 321—324. Этотъ послѣдній какъ будто сомнѣвается въ правотѣ Веніамина и все приписываетъ желанію государыни «замять дѣло». Но если бы это было такъ, то Екатерина поступила бы съ Веніаминомъ, какъ предполагала въ письмѣ Г. А. Потемкину; а между тѣмъ Веніаминъ оставался на своемъ мѣстѣ до 1782 года и уволенъ по прошенію съ пенсіей въ 4110 руб. Болѣе подробная біографія Веніамина помѣщена въ *Странникѣ*, 1866, январь.

чайше назначенная на постройку сгорѣвшихъ домовъ въ Казани. Каницъ желалъ открыть классы въ одномъ изъ монастырей или въ домѣ „новокрещенской школы“, но архіепископъ Веніаминъ не нашелъ возможнымъ исполнить это, потому въ особенности, что сгорѣвшая семинарія также нуждалась въ помѣщеніи. Какъ бы то ни было, но усильными просьбами Каницъ добился, что въ октябрѣ 1774 года отведенъ былъ для классовъ обгорѣвшій домъ купца Пушникова, на Проломной улицѣ [1]), гдѣ, съ приличнымъ торжествомъ, 3-го ноября и открыто было ученіе. Вскорѣ однако классы перемѣщены были въ два казенные каменные дома [2]), и сенатскимъ указомъ 5-го февраля 1776 года велѣно было оставить ихъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не отстроится особенный для гимназіи домъ.

Такимъ образомъ, по заботливости и настойчивости Каница, гимназіи вновь приступили къ продолженію своихъ педагогическихъ обязанностей, менѣе чѣмъ черезъ три мѣсяца по своемъ раззореніи. Въ дѣлахъ 1779 года мы встрѣтили весьма замѣчательное упоминаніе о томъ, что „слово, говоренное въ публичномъ собраніи гимназій въ 1775 году, было напечатано въ числѣ 1.300 экземпляровъ и съ портретомъ“. Къ сожалѣнію, при этомъ не приведено полнаго заглавія этого „слова“, и не обозначено его содержаніе, а также и того, чей портретъ былъ къ нему приложенъ,—и потому мы, до сихъ поръ, при всѣхъ стараніяхъ, не могли отыскать его въ разныхъ библіографическихъ изданіяхъ.

Съ начатіемъ классовъ, Каницъ, по прежнему, съ полнымъ усердіемъ, предавался какъ устройству ввѣренныхъ ему заведеній, такъ и изысканію способовъ къ распространенію полезныхъ свѣдѣній въ публикѣ вообще. Казанскій губернаторъ, князь Платонъ Степановичъ Мещерскій, хотя и не получилъ достаточнаго образованія, однако, по всему видно, понималъ пользу ученія и содѣйствовалъ Каницу въ разныхъ предпріятіяхъ. Извѣстно, что Мещерскій, будучи тридцати лѣтъ отъ роду, во время похода Ласси въ шведскія владѣнія (1742), выучился у одного пастора нѣмецкому языку и впослѣдствіи, въ Семилѣтнюю войну, еще болѣе усовершенствовалъ свои познанія. Теперь, какъ только водворилось спокойствіе въ краѣ, и Казань стала обновляться послѣ раззоренія, Мещерскій „за весьма полезное почелъ, чтобъ

---

[1]) *Рыбушкина*, Ист. Казани, I, 119.

[2]) Эти дома стоятъ рядомъ съ нынѣшнимъ зданіемъ 1-й Казанской гимназіи и заняты уѣзднымъ училищемъ.

для образованія и удобренія нравовъ, при Казанскихъ гимназіяхъ моралическія, историческія и прочія сочиненія публично отъ времени до времени читаны были". Это вполнѣ согласовалось съ желаніями Каница, и онъ, „не взирая на крайнюю слабость своего здоровья и на приближающуюся старость лѣтъ", принялъ на себя чтеніе такихъ лекцій и продолжалъ ихъ, кажется, до конца своей жизни. Чтенія эти производились нѣсколько разъ въ году, обыкновенно въ свободные отъ ученія дни, въ послѣобѣденную пору, въ присутствіи губернатора и многочисленныхъ посѣтителей. Сочиненіе лекцій представляло Каницу не мало затрудненій, такъ какъ вся библіотека его погибла, а пріобрѣтеніе новыхъ книгъ обходилось не дешево. Поэтому иногда чтенія эти исключительно состояли изъ „моралей" Геллерта, сочиненія котораго своею простодушною простотою, вразумительными нравоученіями, безобидною, однако остроумною, шутливостію, въ ту пору пользовались громаднымъ успѣхомъ: извѣстно, что самъ Фридрихъ Великій, вообще не любившій нѣмецкой литературы и литераторовъ, называлъ Геллерта „le plus raisonnable de tous les savans allemands".—Не будемъ удивляться такимъ чтеніямъ. Если и въ наше время, наука, какъ бы оправдывая свое бытіе передъ обществомъ, угождаетъ его вкусамъ, домогается его покровительства и открываетъ иногда публичныя лекціи „популярно изложенныя",—то за 90 лѣтъ назадъ положительно было необходимо пробуждать въ обществѣ участіе къ наукамъ или указаніемъ на прямую пользу, ими приносимую, или рѣшеніемъ такихъ практическихъ вопросовъ, въ которыхъ эта польза являлась не только очевидною, но даже осязаемою.

Такъ мы узнаемъ еще, что князь Мещерскій 5-го сентября 1777 г. прислалъ къ Каницу рогъ неизвѣстнаго животнаго, найденный въ берегу рѣки Камы, въ двухъ верстахъ ниже пригорода Лаишева (нынѣ уѣздный городъ), и предлагалъ изслѣдовать эту мѣстность: „не найдется ли тамъ еще чего примѣчанія достойнаго". Плодомъ этого изслѣдованія было произнесенное Каницемъ на публичномъ актѣ гимназіи „до наукъ касающееся слово о естественныхъ въ Казанской губерніи обрѣтеніяхъ (Dissertatio de naturalibus in gubernio Kazanensi detectis)". Сочиненіе это, при отчетѣ о благосостояніи и успѣхахъ Казанскихъ гимназій, представлено было въ университетъ, конференція котораго постановила объявить Каницу благодарность и удовольствіе какъ за диссертацію, такъ и вообще за полезную дѣятельность его,—о чемъ и былъ онъ увѣдомленъ особеннымъ письмомъ директора М. В. Приклонскаго 1-го ноября 1777 года.

Попеченія князя Мещерскаго о распространеніи просвѣщенія доказываются еще и тѣмъ, что онъ малолѣтныхъ сиротъ дворянъ и разночинцевъ, убитыхъ въ Пугачевщину, зачислялъ въ гимназіи. Это значительно увеличивало число учениковъ; но какъ въ домахъ гимназій не было для нихъ помѣщеній, то по распоряженію губернатора, отведено было 12 квартиръ въ Татарской слободѣ и 4 въ городѣ, да и тѣхъ оказывалось недостаточно, почему Каницъ и просилъ губернатора (29-го августа 1779 г.) прибавить еще 6 квартиръ. Надобно замѣтить, что размѣщеніе учениковъ по разнымъ квартирамъ, удаленнымъ отъ гимназіи, служило однимъ изъ главныхъ препятствій къ поддержанію бдительнаго надзора за ихъ нравственностію и давало поводъ, отчасти справедливый, къ прогуливанію учениками классовъ; информаторы (учителя) также нерѣдко пропускали свои классы, отзываясь болѣзнію. Къ уничтоженію такихъ злоупотребленій Каницъ принималъ различныя мѣры: о неисправныхъ учителяхъ записано въ журналѣ (1-го августа 1777 г.) и постановлено имъ на видъ возможно точное исполненіе обязанностей. Что касается учениковъ, то съ ними поступали съ обычною школьною строгостію, то-есть, наказывали розгами; но въ отношеніи казенныхъ учениковъ наказанія приняты были очень суровыя: такъ, за малоуспѣшность и другіе проступки учениковъ „изъ гимназій выкидывали, и въ примѣръ другимъ, отсылали въ Казанскую адмиралтейскую контору для записанія вѣчно въ матросы“.

Высокоторжественные дни, какъ и прежде, ознаменовывались особыми празднествами, которыя однако, кажется, отличались меньшею затѣйливостью; по крайней мѣрѣ, намъ не удавалось видѣть подробныхъ описаній. 29-го іюня 1777 г., по случаю тезоименитства государя наслѣдника, великаго князя Павла Петровича, „иллюминованы были всѣ города Казани улицы, въ числѣ онаго и при Казанскихъ гимназическихъ домахъ поставлены на столбахъ два большіе жестяные съ зажженными свѣчами казенные въ три рубля фонаря, которые и стояли до 12-го часа, а въ ономъ часу невѣдомо кѣмъ украдены“. Такое свѣдѣніе заимствовано нами изъ отношенія гимназіи въ полицію объ отысканіи покраденныхъ фонарей; но открылись ли виновники, и возвращены ли фонари—не знаемъ.

Наблюдая за нравственностію учениковъ и въ особенности стараясь давать имъ приличныя развлеченія въ вакаціальные дни, Каницъ старался возобновить при гимназіяхъ театральныя представленія. 7-го ноября 1777 г. онъ далъ инспектору гимназіи Листову

слѣдующій ордеръ: „Поколику въ разсужденіи будущей о праздникахъ Рождества Христова вакаціи, дабы тогда находящіеся въ Казанскихъ гимназіяхъ ученики безъ всякаго благороднаго упражненія не были, то гимназіи предпріяли, для полезнаго препровожденія времени, представлять въ оную вакацію театральныя дѣйствія, въ разсужденіи чего извольте всѣмъ оныхъ гимназій ученикамъ благороднымъ и разночинцамъ обоего содержанія объявить, что если кто изъ нихъ въ таковыхъ дѣйствіяхъ быть склонность и способность въ себѣ чувствуетъ, по объявленіи сего, явились бы къ господамъ информаторамъ Горенкову и Бабушкину [1]), ибо таковыя представленія гимназіямъ похвальны и публикѣ полезны". Къ сожалѣнію, мы ничего не можемъ сказать о томъ, какое послѣдствіе имѣлъ этотъ ордеръ, и состоялись ли предполагаемые спектакли. Принимая въ соображеніе, что тогда духъ субординаціи предписывалъ безотговорочное исполненіе всякаго желанія начальства, — можно думать, что спектакли состоялись, хотя бы и не нашлось учениковъ, чувствовавшихъ въ себѣ склонность и способность къ драматическимъ представленіямъ.

Что Каницъ обладалъ педагогическимъ тактомъ и умѣлъ пользоваться различными способами развитія учениковъ и распространенія полезныхъ знаній,—это доказывается различными его распоряженіями. Мы видѣли, что онъ, съ самаго почти вступленія въ должность директора, заботился о распространеніи круга преподаванія въ гимназіяхъ и ввелъ было особые классы для ученія о состояніи неба и земли, о приведеніи сердецъ и поступковъ въ порядокъ, а также о томъ, какъ удобнѣе и съ большею пользою надобно читать книги. Эти классы, однако, были отмѣнены, по предписанію конференціи университета, а велѣно руководствоваться тѣми методами, какіе предложены были Мелиссино. Но постоянный недостатокъ въ хорошоприготовленныхъ учителяхъ былъ главною причиною неуспѣшности въ полномъ достиженіи предположенныхъ цѣлей. Еще Веревкинъ пытался учредить при гимназіяхъ родъ педагогическихъ засѣданій (конвенты), въ которыхъ учителя обсуждали мѣры „добраго правленія гимназій"; но такія собранія также отмѣнены были по распоряженію университета. Между тѣмъ необходимость подобныхъ учительскихъ совѣщаній чувствовалась тѣмъ сильнѣе, что между ними

[1]) Горенковъ былъ преподавателемъ ариѳметики и греческаго языка, а Бабушкинъ учителемъ исторіи.

чаще встрѣчались люди малосвѣдущіе или неопытные въ преподаваніи. Поэтому Каницъ и завелъ литературно-педагогическія бесѣды учителей, собиравшіяся ежемѣсячно и иногда по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ и происходившія въ его присутствіи. Такъ дѣло шло до 1774 года, а послѣ того, по причинѣ раззоренія Казани и неустройства гимназій, эти собранія прекратились. Въ 1778 году Каницъ опять рѣшился возобновить ихъ и составилъ 4-го августа слѣдующій журналъ:

„Между прочими сихъ гимназій главнаго командира о ихъ благосостояніи попеченіями учреждено имъ, прежде общаго несчастія, чтобъ господа информаторы въ каждый мѣсяцъ по нѣскольку разъ собирались въ аудиторію, гдѣ въ его присутствіи, при чтеніи полезнѣйшихъ сочиненій, разсуждаемо было о литературныхъ матеріалахъ, также и о изобрѣтеніи лучшихъ способовъ къ обученію и воспитанію обучаемаго здѣсь юношества. А какъ сіе полезное учрежденіе по причинѣ бывшихъ притѣспенныхъ обстоятельствъ понынѣ прервано было, то симъ отнынѣ паки опредѣляется, чтобъ они каждаго мѣсяца по крайней мѣрѣ одинъ разъ собирались въ аудиторію, гдѣ-бъ при чтеніи и разсужденіи разныхъ до наукъ и нравоученія касающихся піэсъ почерпая хорошія мысли, сообщать ихъ могли и учащимся, дабы при обученіи ихъ положенному вливаемо было въ нихъ просвѣщеніе разума, образованіе сердецъ и вкорененіе добродѣтели,—чрезъ что̀ бъ намѣреніе гимназій, съ коимъ онѣ учреждены, къ пользѣ отечества часъ отъ часу съ лучшими плодами исполняемо быть могло. А передъ каждымъ собраніемъ извѣщено имъ о томъ быть имѣетъ накапунѣ. Буде жъ кто изъ нихъ чѣмъ-либо тогда отъ сего отказываться будетъ, тотъ покажетъ себя, что онъ о удобреніи своей должности, на которую онъ Богомъ призванъ, старанія прилагать не желаетъ, и съ таковымъ какъ съ нерачительнымъ исполнителемъ своей должности поступлено быть имѣетъ. И всѣмъ господамъ информаторамъ въ слышаніи сего опредѣленія подписаться“ [1]).

О такомъ постановленіи Каницъ донесъ въ подробномъ рапортѣ, 11-го августа, новому куратору университета М. М. Хераскову, объяснивъ притомъ порядокъ ученія въ гимназіяхъ вообще и извѣстивъ о тѣхъ особыхъ лекціяхъ, которыя предприняты по вызову губернатора. На этотъ разъ университетъ не нашелъ такія учительскія собранія несообразными съ уставомъ, всего вѣроятнѣе потому, что Херасковъ

[1]) Сравн. *Владимірова*, Историч. Записка, I, 108—110.

самъ весьма много заботился объ улучшеніи образованія учителей и съ этою цѣлію учредилъ при университетской гимназіи педагогическую семинарію, гдѣ главнымъ дѣятелемъ былъ столь извѣстный профессоръ Іоганъ-Георгъ Шварцъ [1]).

Къ 1778 году относится одна изъ замѣчательныхъ работъ Каница, — это составленіе плана древняго города Казани съ краткимъ объясненіемъ къ нему и описаніемъ осады и взятія Казани въ 1552 году. „Чрезъ неутомимое по манускриптамъ и признакамъ изысканіе каждаго мѣста“ Каницу удалось опредѣлить границы старой деревянной стѣны, окружавшей Казань. Главнымъ и самымъ точнымъ способомъ опредѣленія этой черты послужили ему крестные ходы, совершаемые въ Казани съ иконою Смоленскія Божіей Матери ежегодно въ іюлѣ мѣсяцѣ. Казань, какъ и всѣ старинные города, состояла нѣкогда изъ кремля или собственно города, обнесеннаго каменною стѣною и рвомъ, и посада, который также огражденъ былъ деревянною стѣной. Остатки деревянной стѣны существовали еще въ первой четверти XVIII столѣтія и окончательно уничтожены по распоряженію извѣстнаго А. П. Волынскаго, бывшаго въ Казани губернаторомъ. Тогда не представлялось уже надобности въ этой оградѣ, потому что городъ былъ безопасенъ отъ вторженій непріятеля, и при увеличившемся населеніи стоявшія за стѣною слободы Красная, Рыбная, Суконная, Мокрая слились съ посадами, стоявшими прежде внутри стѣны. Что касается упомянутыхъ крестныхъ ходовъ, то они установлены въ Казани съ 1654 года, въ память избавленія отъ моровой язвы. Каждый годъ 24-го іюня церковная процессія отправляется изъ Казани въ Седміозерскую пустынь, находящуюся въ 17-ти верстахъ къ сѣверу отъ города [2]). Отсюда на другой день, по совершеніи литургіи, та же процессія, принявъ изъ монастыря икону Божіей Матери Смоленскія, отправляется въ городъ и къ вечеру приходитъ въ подгородный монастырь святыхъ мучениковъ въ Кизищѣ (въ слободу Кизическую, или по просторѣчію, „въ Хижицы“), гдѣ и остается икона до утра слѣдующаго дня. 26-го іюня съ величественною торжественностію, при громадномъ стеченіи народа, икона приносится уже въ самый городъ, прямо въ Благовѣщенскій соборъ, стоящій въ крѣпости [3]). Образъ остается въ Казани до 27-го

[1]) *Шевырева*, Ист. Моск. универс., 219—222.

[2]) Списокъ насел. мѣстъ Казанск. губ., № 49.

[3]) Картина этой торжественной процессіи мастерски и живо описана въ этнографическомъ романѣ *И. И. Мельникова* (Андрея Печерскаго) «За Волгою».

іюля, когда возвращается въ Седміозерскую пустынь, къ храмовому празднику „явленіе иконы Смоленскія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы Одигитрія". Въ теченіе этого мѣсяца икона, по особому росписанію, переносится изъ прихода въ приходъ, и тогда каждый житель того прихода считаетъ обязанностью принять святую икону въ своемъ домѣ. Независимо отъ того, совершаются два крестные хода 2-го и 20-го іюля: въ первый обходятъ юго-западную половину города, а во второй сѣверо-восточную половину. Ходы эти совершаются по улицамъ и переулкамъ, соотвѣтствующимъ направленію древней деревянной стѣны; мѣста остановокъ, гдѣ совершаются литіи, соотвѣтствуютъ прежде бывшимъ городскимъ воротамъ. Вотъ эти крестные ходы и объяснили Каницу направленіе городской стѣны и обширность самаго города. Къ составленному на этихъ основаніяхъ плану Каницъ присоединилъ довольно подробное объясненіе и описаніе самой осады. Этотъ почтенный трудъ свой Каницъ, какъ увѣряютъ, посвятилъ митрополиту Веніамину. Въ дѣламъ гимпазическихъ намъ не удалось встрѣтить никакого упоминанія объ этомъ планѣ, что̀ очень странно, потому что Каницъ о большей части своихъ произведеній доводилъ до свѣдѣнія университета.

По важности и замѣчательности этого труда, позволяемъ себѣ сообщить о немъ нѣсколько подробнѣе.

Подлинный планъ города Казани и осады его въ настоящее время хранится въ депо картъ Главнаго Штаба (за № 2228) и по тщательности отдѣлки заслуживаетъ особеннаго вниманія. Онъ начерченъ на листѣ длиною $1^1/_2$ аршина, шириною $^3/_4$ аршина. Масштабъ на на немъ не означенъ. Верхняя треть листа занята планомъ Казани 1778 года: густымъ карминомъ означены старыя каменныя зданія, тонкимъ карминомъ покрыты вновь возникшія каменныя строенія; гуммигутомъ съ тушью означены всѣ тѣ части города, которыя уцѣлѣли отъ пожара во время Пугачевскаго разгрома 1774 года. На этомъ планѣ цифрами (1—23) помѣчены названія улицъ, а буквами (А — М) площади и другія мѣста въ городѣ. Кромѣ того, особою чертою означены окружность и направленіе существовавшихъ нѣкогда деревянныхъ стѣнъ, окружавшихъ Казань.

Нижнія двѣ трети листа заняты изображеніемъ плана осады Казани въ 1552 году. Къ этой части принадлежитъ слѣдующая надпись: „Расположеніе древняго города Казани, кое она дѣйствительно имѣла въ 1552 году, когда показаннымъ здѣсь образомъ обступлена россійскимъ войскомъ и 2-го октября того же года взята была,

изъ древнихъ манускриптовъ, преданій и прилежнѣйшихъ изслѣдованій на мѣстахъ еще находимыхъ покрытыхъ (?) остатковъ собрано и при особливо краткомъ, но точномъ описаніи всего того, что во время осады и взятія дѣйствительно происходило на всемъ, выдано отъ Ю. Фонъ-Каница". Для удобства сравненія древняго плана съ современнымъ на обоихъ поставлены одинаковыя буквы, означающія городскія ворота, башни, площади и проч. По сторонамъ плана помѣщены разныя пояснительныя надписи, между прочимъ, сказано, что „мѣстоположеніе отъ Волги до города и вкругъ онаго съ математическою точностію снято".

„Изъясненіе плана древняго города Казани и описаніе осады и взятія его" извѣстны намъ въ двухъ спискахъ, помѣщенныхъ въ принадлежащихъ библіотекѣ Казанскаго университета рукописныхъ сборникахъ подъ №№ 8417 и 8419 [1]). Они никогда не были изданы: впрочемъ, напечатаніе ихъ можетъ имѣть значеніе только при изданіи самаго плана. Что же касается плана, то онъ также не изданъ доселѣ, но дважды служилъ источникомъ при составленіи плановъ собственно осады Казани, а именно въ 1833 году Н. Г. Устряловымъ и въ 1834 году М. С. Рыбушкинымъ [2]). Изъ этихъ двухъ изданій планъ у Рыбушкина до нѣкоторой степени можетъ быть названъ воспроизведеніемъ или копіей подлиннаго плана Каница, только не вездѣ удержаны въ немъ тѣ знаки, какія употреблены Каницемъ для объясненія движеній русскихъ войскъ и проч. Устряловъ въ своемъ изданіи воспользовался основною идеею чертежа Каница (котораго, замѣтимъ, почему-то онъ называетъ „архитекторомъ"), а въ сущности составилъ новый чертежъ, на которомъ движенія русскихъ войскъ пріурочены къ слободамъ и деревнямъ, существующимъ нынѣ въ окрестностяхъ Казани. Главное же отступленіе отъ чертежа, составленнаго Каницемъ, состоитъ въ томъ, что Устряловъ, согласно свидѣтельству участника въ штурмѣ Казани—князя Андрея Курбскаго, а также и другимъ источникамъ [3]), ограничилъ пространство Казани лишь правымъ берегомъ Булака, тогда какъ у Каница стѣна город-

[1]) См. статью Историческія рукописи Казанскаго университета, въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1854, № 8, отд. III, стр. 35—37, 40—44.

[2]) Сказанія князя Курбскаго, издан. *Устрялова*, ч. I, стр. 310. *Рыбушкина*, Краткая исторія Казани, ч. I, стр. 32.

[3]) Сказанія князя *Курбскаго*, ч. I, стр. 21. Царственная книга или лѣтописецъ царя Ивана Васильевича (С.-Пб., 1769), стр. 269. Ср. *Татищева*, Ист. Росс., V, 343, 344, 346, 347, въ *Чтен. Моск. Общ. Ист.* 1847, кн. 9-я.

ская перенесена и на лѣвый берегъ этого рва-протока. Это совершенно справедливо, но тѣмъ не менѣе и показаніе Каница о стѣнѣ, существовавшей за Булакомъ (то-есть, на лѣвой сторонѣ Булака), нельзя считать безусловно ошибочнымъ. Первоначальное намѣреніе Каница заключалось въ томъ, чтобъ опредѣлить границы деревянной стѣны, окружавшей Казань, и въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно правъ, показавъ стѣну за Булакомъ, а ошибку сдѣлалъ въ томъ, что отчасти къ ней относилъ сказанія лѣтописей объ осадѣ. Слободы стали распространяться на лѣвый берегъ Булака вскорѣ послѣ взятія Казани: изъ писцовой книги Казани, составленной въ 1566 году, видно, что уже въ эту пору, то-есть, чрезъ 15 лѣтъ по взятіи Казани, за Булакомъ уже существовали слободы [1]). Геодезистъ Пестриковъ, составлявшій „Краткое описаніе царства Казанскаго“ въ 1739 году для В. Н. Татищева, говоритъ слѣдующее: „О деревянной крѣпости, въ которомъ году построена была и кѣмъ, извѣстія нѣтъ; а въ бытность губернатора Волынскаго разрушена до основанія. Оная начало свое имѣла въ западную сторону отъ Никольскихъ воротъ и отъ рѣки Казанки и *продолжалася чрезъ рѣку Булакъ и въ Мокрую слободу; а оттуда къ Татарскому мосту, который лежитъ на Булакѣ* [2]), и прямо на гору, чрезъ Проломную улицу и къ Кузнечному ряду уваломъ; потомъ къ Ѳедоровскому монастырю, а отъ Ѳедоровскаго монастыря по увалу жь рѣки Казанки внизъ, прямо до каменной крѣпости, къ церкви великомученицы Параскевіи, нареченныя Пятницы, и къ Дмитріевскимъ воротамъ“ [3]). Пестриковъ не могъ сдѣлать большихъ ошибокъ, потому что составлялъ описаніе свое не болѣе какъ лѣтъ пятнадцать спустя послѣ уничтоженія деревянной стѣны Волынскимъ, который управлялъ Казанскою губерніей съ половины 1725 до половины 1730 года. Слѣды этого „деревяннаго города“ въ ту пору еще могли быть очевидны и воспоминанія о немъ живы въ на-

---

[1]) Подлинная писцовая книга, вмѣстѣ со множествомъ другихъ подобныхъ, хранится въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Мы пользовались новѣйшимъ съ нея спискомъ, имѣющимся въ археографической коммиссіи.

[2]) Все это пространство находится на лѣвой сторонѣ Булака.

[3]) Сочиненіе Пестрикова, безъ означенія его имени, извѣстно въ печати по немногимъ экземплярамъ оттисковъ, оставшихся отъ 2-го тома «Симбирскаго Сборника», котораго печатаніе остановилось за смертію издателя Д. А. Валуева. Значительная часть его, представляющая современное автору состояніе Казани, введена почти буквально *И. И. Рычковымъ* въ его «Опытъ Казанской исторіи», стр. 166—186.

родной памяти, тѣмъ болѣе, что и понынѣ, какъ мы сказали, въ память избавленія Казани отъ моровой язвы, крестные ходы совершаются по направленію бывшей деревянной стѣны, хотя съ тѣхъ поръ расположеніе городскихъ улицъ значительно измѣнилось по причинѣ пожаровъ, много разъ опустошавшихъ Казань въ прошедшемъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ [1]). Что касается времени построенія деревянной стѣны за Булакомъ, то она, по всей вѣроятности, возникла послѣ покоренія Казани, и мы думаемъ, что ея началомъ послужили преимущественно тѣ укрѣпленія, которыя устроены были Русскими при осадѣ города: „повелѣ туры ставити по Булаку, вверхъ отъ Казани рѣки.... промежду туръ тынъ ставити, и утверди государь градъ Казанской крѣпостьми своими,— ни въ городъ, ни изъ города вѣсть пройдетъ“ [2]). Во время Каница, лѣтъ черезъ 50 послѣ Волынскаго, послѣ страшныхъ пожаровъ, бывшихъ въ 1742, 1749, 1757 и особенно въ 1774 годахъ,—остатковъ стѣны, конечно, не существовало, и ему, дѣйствительно, приводилось составлять планъ „чрезъ неутомимое по манускриптамъ и признакамъ изысканіе каждаго мѣста“. Во всякомъ случаѣ видно, что планъ, составленный Каницемъ, соотвѣтствуетъ показанію Пестрикова и вообще составляетъ весьма полезный источникъ при изученіи топографіи старой Казани.

Обращаемся къ изложенію событій, относящихся собственно до гимназій.

Устройство зданій гимназическихъ и вообще экономическое положеніе гимназіи въ эту пору шло чрезвычайно медленно, не смотря на всѣ ходатайства Каница. Правда, еще въ ноябрѣ 1774 года, при утвержденіи общихъ правилъ для возобновленія Казани [3]), положено было начать постройку новаго гимназическаго дома; но на самомъ дѣлѣ къ этому почти не приступали и по прошествіи пяти лѣтъ послѣ того. Все ограничилось пока тѣмъ, что по распоряженію губернатора, улицу передъ (будущимъ) гимназическимъ домомъ выровняли, а вокругъ гимназическаго двора прорыли каналы, шириною въ два аршина, об-

---

[1]) Эти крестные ходы описаны у *Рыбушкина*, Исторія гор. Казани, I, 87—90, но еще съ большею подробностію въ статьѣ іеромонаха (нынѣ архимандрита) *Леонида Кавелина*: «Краткое изъясненіе плана древняго города Казани» и пр., помѣщенной въ *Маякѣ* 1843 г., № 4.

[2]) Царственная книга, стр. 269, 281. *Татищева*, Исторія Россійская, кн. V, 347, 352.

[3]) Полн. Собр. Зак. т. XIX, № 14.214.—Городскія поселенія въ Россійской имперіи, т. II, стр. 299.

ложили ихъ дерномъ и осыпали пескомъ, а по берегамъ обсадили липками въ 4 аршина вышиною (см. донесеніе университету 26 августа 1779 года). Дѣло успѣшно и не могло идти, потому что на постройки особыхъ суммъ не отпускалось; все хотѣли исполнить „экономическимъ способомъ изъ свободныхъ остатковъ", а остатковъ не оказывалось. Да и не могли они оказываться, потому что изъ ассигнованной по штату на гимназіи суммы 3.400 р. (считая тутъ и жалованье директору и информаторамъ) постоянно не досылалось по тысячѣ рублей, а иногда и болѣе. Вслѣдствіе этого въ дѣлахъ мы встрѣчаемъ безпрестанныя и весьма жалобныя просьбы о досылкѣ денегъ: гимназіи входили въ долги; учителя, раззорившіеся въ Пугачевщину, не получая жалованья, вынуждены были снискивать себѣ пропитаніе наймомъ въ разныя работы. Въ рапортѣ университету 7-го октября 1779 года Каницъ, описывая такое стѣсненное положеніе, между прочимъ выражается: „жители дивятся, что гимназіи такъ оставлены". Обыкновенно суммы на содержаніе гимназій получались по векселямъ графа А. Р. Воронцова съ Шамбутскаго винокуреннаго завода, находившагося въ нынѣшнемъ Лаишевскомъ уѣздѣ [1]). Такой способъ полученія денегъ оказывался крайне затруднительнымъ, потому что и самое управленіе казеннымъ винокуреніемъ шло неудовлетворительно.

Къ этому періоду жизни Каница и управленія его гимназіями относится слѣдующій разказъ И. И. Дмитріева. Когда Херасковъ издалъ „Россіяду" (1779), то общество Новикова, состоявшее большею частію изъ почитателей поэта, вознамѣрилось написать разборъ его поэмы; но по неопытности въ критической оцѣнкѣ литературныхъ произведеній ничего не съумѣли сдѣлать. „Писали, чертили, переправляли, и наконецъ, при всемъ своемъ усердіи сознались въ своемъ безсиліи и предоставили этотъ трудъ совершить Нѣмцу, директору Казанской гимназіи. Ю. И. фонъ-Каницъ, не имѣвшій съ ними никакого сношенія, самопроизвольно сочинилъ на нѣмецкомъ языкѣ этотъ разборъ и помѣстилъ его въ *Рижскомъ Журналѣ*. Тогда тотчасъ поспѣлъ переводъ и напечатанъ въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ*, котораго издателемъ былъ г. Брайко, чиновникъ иностранной коллегіи" [2]).

---

[1]) Списокъ селеній Казан. губ., № 1048. Замѣтимъ, кстати, что и содержаніе Московскаго университета значительною частью относилось на доходы съ питейныхъ откуповъ. *Шевырева*, Ист. Москов. университ. стр. 59.

[2]) *Дмитріева*, Взглядъ на мою жизнь, стр. 84. *М. Н. Лонгиновъ* въ своихъ

Посреди заботъ о приведеніи Казанскихъ гимназій въ надлежащее устройство, постигла Каница болѣзнь, отъ которой онъ и умеръ 6-го марта 1781 г. Подробностей о послѣднемъ времени его жизни намъ не удалось встрѣтить; но между разными бумагами мы нашли отпуски двухъ прошеній, писанныхъ Каницемъ въ февралѣ 1777 г. Одно изъ нихъ на высочайшее имя заключало въ себѣ просьбу о производствѣ Каница въ чинъ коллежскаго совѣтника. Прописавъ всю свою службу до назначенія командиромъ гимназій, онъ излагаетъ всѣ труды свои въ этомъ званіи, о которыхъ мы сообщали въ своихъ мѣстахъ. Другое прошеніе на имя директора университета В. Е. Ададурова — о томъ же и въ главныхъ частяхъ почти буквально сходно съ первымъ прошеніемъ. Въ немъ только съ бо́льшими подробностями Каницъ описываетъ свое стѣсненное положеніе послѣ Пугачевскаго раззоренія и какъ-бы смѣлѣе говоритъ о трудахъ своихъ, особенно указываетъ на свои сочиненія, которыя всегда „въ университетъ отъ каждаго публичнаго собранія посыланы были“. Нѣтъ сомнѣнія, что Каницъ въ этомъ случаѣ былъ откровеннѣе предъ Ададуровымъ, потому что тотъ еще въ 1772 году представлялъ его къ производству въ слѣдующій чинъ за приведеніе гимназій въ отличное состояніе и вообще за полезную и неутомимую его дѣятельность. Въ ходатайствѣ этомъ было, впрочемъ, тогда отказано, на томъ основаніи, что въ общихъ спискахъ чиновниковъ считалось еще 12 надворныхъ совѣтниковъ, которые по службѣ гораздо старше Каница. Теперь Каницъ просилъ возобновить представленіе о чинѣ и исходатайствовать прибавку 200 рублей къ получаемому имъ жалованью, потому что дороговизна содержанія въ Казани увеличивалась со дня на день, а онъ не имѣлъ возможности дѣлать какіе-либо денежные обороты, потому что хотя въ ту пору уже и былъ открытъ въ Казани банкъ, однако въ закладъ въ немъ принимались только населенныя имѣнія и драгоцѣнности, а Каницъ не имѣлъ ни того, ни другаго. Просьбы Каница въ этотъ разъ имѣли болѣе успѣха: мы не знаемъ, сдѣлали ли ему прибавку жалованья, но можемъ сказать, что въ желаемый чинъ коллежскаго совѣтника онъ былъ произведенъ.

Управляя гимназіями болѣе 17 лѣтъ, Каницъ, какъ мы видѣли, дѣйствительно выказалъ много усердія къ дѣлу распространенія просвѣщенія. Если ему и не удалось поставить ихъ на надлежащую сте-

---

библіографическихъ замѣткахъ о Херасковѣ (*Русскій Архивъ*, 1873 г.) не упоминаетъ объ этомъ разборѣ «Россіяды».

пень совершенства, то виноватъ въ этомъ былъ не самъ онъ, а тѣ обстоятельства и отношенія, въ коихъ находился онъ, какъ лицо, подчиненное университету. Средства содержанія гимназій никогда не были обезпечены, а со времени Пугачевскаго раззоренія гимназіи приходилось какъ-бы вновь открывать. Надобно удивляться, какъ умѣлъ изворачиваться Каницъ, что гимназіи не закрылись вовсе.

Несомнѣнно, что Каницъ былъ человѣкъ просвѣщенный и обладалъ свѣдѣніями разнообразными, если не глубокими; но насъ чрезвычайно удивляетъ то обстоятельство, что въ дѣлахъ гимназій мы не встрѣтили никакихъ извѣстій о посѣщавшихъ Казань и Казанскую губернію ученыхъ экспедиціяхъ. Въ періодъ управленія Каница здѣсь проѣзжали Палласъ, Рычковъ, Лепехинъ, Озереиковскій, Георги, Фалькъ,—послѣдній даже умеръ въ Казани, прекративъ жизнь свою, въ припадкѣ ипохондріи, выстрѣломъ. Казалось бы, что Каницу, какъ представителю учености въ здѣшнемъ краѣ, слѣдовало являться посредникомъ въ сношеніяхъ этихъ лицъ съ мѣстными властями и т. п.; но повторяемъ, ничего подобнаго въ бумагахъ гимназическихъ не встрѣчается. Дѣйствительно ли Каницъ не входилъ ни въ какія сношенія съ учеными путешественниками, или не сохранилось о томъ извѣстій, быть можетъ, потому, что самъ Каницъ считалъ эти сношенія неважными,—рѣшить трудно [1]). Не менѣе странно и то, что всѣ упомянутые путешественники въ своихъ запискахъ не говорятъ ничего о гимназіяхъ и ихъ директорѣ. Только у одного Фалька встрѣчается слѣдующее коротенькое и неудовлетворительное упоминаніе: „Казанская гимназія состоитъ подъ вѣдѣніемъ Московскаго университета“ [2]), тогда какъ о семинаріи и училищахъ для дѣтей инородцевъ сообщаютъ нѣкоторыя подробности. Должно ли приписать это тому, что путешественники-естествоиспытатели, большею частію, скупились сообщать свѣдѣнія о предметахъ, не касавшихся спеціальной

---

[1]) Скажу съ большею осторожностію: быть можетъ, я не умѣлъ отыскать слѣдовъ этихъ сношеній. Вообще, было бы желательно, чтобы кто-нибудь изъ Казанцевъ съ большею тщательностію проштудировалъ старинный архивъ гимназій. Въ началѣ своей статьи я объяснилъ, что мое знакомство съ архивомъ вызвано было другою цѣлью и теперь, по истеченіи 20 лѣтъ, я не смѣю съ увѣренностью говорить, что я въ свои замѣтки внесъ все достопримѣчательное. Прибавлю и то, что когда я разсматривалъ дѣла гимназій, то не думалъ, что я оставлю Казань; нерѣдко дѣлалъ самыя краткія замѣтки, надѣясь, въ случаѣ надобности обратиться прямо къ источнику.

[2]) Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи, VI, 171.

цѣли ихъ экспедицій, или въ ихъ молчаніи слѣдуетъ видѣть приговоръ о состояніи гимназій.

Состояніе гимназій, дѣйствительно, какъ мы знаемъ, въ строгомъ смыслѣ, похвалить, конечно, было нельзя. Каницъ, по его личнымъ отношеніямъ къ нѣкоторымъ начальствующимъ лицамъ въ университетѣ, хотя съ величайшими хлопотами, однако улаживалъ дѣла; теперь, съ его смертію, эти отношенія еще болѣе нарушились.

VIII.

Послѣ Каница „командованіе“ гимназіями принялъ преміеръ-маіоръ *Георгъ Ведель*; но не надолго, и исправленіе должности командира поручено было инспектору гимназіи коллежскому регистратору *Борису Листову* [1]).

Листовъ управлялъ гимназіями около года. Немного свѣдѣній можно сообщить о гимназіяхъ за этотъ періодъ. Можно сказать одно, что гимназіи продолжали существовать подъ тѣми же неблагопріятными условіями необезпеченности въ средствахъ. Полагаемъ, что главною причиною такого положенія дѣлъ служило то обстоятельство, что въ эту пору уже были въ ходу новыя предположенія правительства относительно устройства учебныхъ заведеній вообще, окончившіяся открытіемъ особой „коммиссіи объ установленіи въ государствѣ народныхъ училищъ“ [2]). Конечно, въ ожиданіи этихъ преобразованій, Московскій университетъ и не находилъ удобнымъ принимать настойчивыя мѣры къ обезпеченію гимназій, удаленныхъ отъ непо-

---

[1]) Листовъ происходилъ изъ духовнаго званія и кончилъ курсъ въ Казанской семинаріи. Въ гимназію поступилъ онъ учителемъ съ 1762 года, а съ 177 года былъ инспекторомъ и за труды, понесенные во время разворенія Казани Пугачевымъ, произведенъ былъ за отличіе въ чинъ коллежскаго регистратора. Впослѣдствіи, когда гимназія была закрыта, Листовъ поступилъ въ гражданскую службу и былъ стряпчимъ въ Казанской верхней расправѣ.

[2]) Указъ 7-го сентября 1782 года.—Полн. Собр. Зак. т. XXI, № 16507.—«Первоприсутствующимъ» въ коммиссіи былъ Завадовскій, впослѣдствіи графъ и первый министръ народнаго просвѣщенія. Екатерина II возлагала великія надежды на просвѣтительное вліяніе этихъ училищъ. *Храповицкій* (Записки, 18-го іюля и 20-го октября 1782 г.) приводитъ слѣдующія слова императрицы: «Въ 60 лѣтъ всѣ расколы исчезнутъ; коль скоро заведутся и утвердятся народныя школы, то невѣжество истребится само собою; тутъ насилія не надобно... Заведеніемъ народныхъ школъ разнообразные въ Россіи обычаи приведутъ въ согласіе, и исправятся нравы». Для организаціи школъ былъ приглашенъ изъ Австріи ученый педагогъ Сербъ Ѳ. И. Янковичъ де-Миріево.

средственнаго наблюденія и къ тому же подвершихся страшному разгрому. Въ 1781 г. открыто было Казанское намѣстничество [1]). По этому случаю часть гимназическаго помѣщенія, именно „командирскіе покои“ (такъ какъ настоящаго командира не было) заняли подъ гражданскую и уголовную палату. Ученики, по прежнему, жили на отведенныхъ квартирахъ въ Татарской слободѣ.

Личный составъ гимназическихъ преподавателей въ эту пору былъ слѣдующій: инспекторъ Борисъ Листовъ преподавалъ латинскій языкъ въ среднихъ классахъ; катихизитаторомъ греко-россійскаго исповѣданія былъ священникъ Левъ Ѳедоровъ; информаторы преподавали: Григорій Горенковъ — ариѳметику въ высшихъ классахъ и греческій языкъ; Филипъ Фастрицкій — языкъ россійскій и въ нижнихъ классахъ ариѳметику и латинскій языкъ; Егоръ Бабушкинъ — исторію, съ присовокупленіемъ нравоученія, и географію; Ларіонъ Ивановъ — геометрію, тригонометрію и фортификацію; Петръ Лаурини — латинскій языкъ въ высшихъ классахъ; Даніилъ Редеръ — нѣмецкій языкъ въ высшихъ, а Иванъ Рейхвальдъ — въ низшихъ училищахъ; Иванъ Лаватеръ — французскій языкъ; Исканъ Хальфинъ — татарскій языкъ, Даніилъ Орфеевъ — музыку и Василій Смирновъ — рисованіе.

О количествѣ учениковъ свѣдѣній не имѣемъ, но въ одномъ отпускѣ „объясненія“, представленнаго гимназіями въ намѣстническое правленіе [2]), говорится, что хотя на казенномъ содержаніи предписано имѣть 40 дворянъ и столько же разночинцевъ съ тѣмъ, чтобы по обученіи ихъ предписанному отправлять въ Московскій университетъ къ слушанію профессорскихъ лекцій и къ производству ихъ въ студенты, да кромѣ того, еще 60 разночинцевъ для пріуготовленія ихъ въ приказное званіе, — однако полнаго числа не состояло на лицо, за „неозначеніемъ на содержаніе суммы“. „Но Казанскія гимназіи“, прибавляло объясненіе, — „твердую имѣютъ надежду, что, при высочайшемъ попеченіи премудрыя обладательницы о распространеніи въ отечествѣ наукъ, оныя, чрезъ одареніе всѣмъ для нихъ потребнымъ, въ совершенное процвѣтаніе приведены будутъ“. На сколько осуществились эти лестныя надежды, увидимъ далѣе. Здѣсь же, для курьеза,

---

[1]) Сентября 28 и 30-го. См. Полн. Собр. Зак., XXI, №№ 15.241 и 15.243. Торжественное же открытіе совершено 23-го декабря 1781 г. Генералъ-губернаторомъ Казанскимъ и Пензенскимъ остался князь П. С. Мещерскій, а губернаторомъ Казанскимъ назначенъ Илья Богдановичъ Бибиковъ.

[2]) Въ дѣлахъ 1782, л. 443 и 516.

приведемъ замѣченную нами форму исключенія неблагонравныхъ и лѣнивыхъ учениковъ своекоштныхъ. Такъ ученика Брудинскаго велѣно было „при всѣхъ прочихъ ученикахъ изъ гимназіи чрезъ сторожа выбить". Въ чемъ состояла вина его, я въ своихъ замѣткахъ не нахожу [1]).

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1782 года командиромъ гимназій назначенъ Казанскаго 3-го баталіона подполковникъ *Иванъ Ѳедоровичъ фонъ-Людеманъ*, кажется, съ оставленіемъ и въ прежней должности.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о прежней дѣятельности этого новаго директора и не можемъ сказать, на чемъ основывались его права на полученіе званія главнаго руководителя по учебной части въ краю, столь обширномъ и удаленномъ отъ столицъ, гдѣ находились учебныя заведенія. Впрочемъ, сколько можно заключать изъ бывшихъ въ нашемъ разсмотрѣніи матеріаловъ, фонъ-Людеманъ обладалъ нѣкоторыми свѣдѣніями и вообще довольно внимательно относился къ гимназіямъ.

Главною заботой его было обезпеченіе экономическаго состоянія гимназій. Донося университету (2-го мая 1782 года) о вступленіи своемъ въ должность (29-го апрѣля), Людеманъ довольно обстоятельно описываетъ состояніе гимназій въ учебномъ, административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Онъ особенно распространяется о томъ, что учители и ученики постоянно нуждаются до крайности въ деньгахъ, потому что гимназіи никогда не получаютъ сполна ассигнованной по штату суммы, и усерднѣйше проситъ начальство университета обратить на это обстоятельство милостивое вниманіе, и, сколь возможно, устранить его вовсе, или по крайней мѣрѣ, ослабить его неблагопріятное и даже вредное вліяніе. Ученики, живущіе разсѣянно по отдаленнымъ концамъ города, на бѣдныхъ квартирахъ, легко портятъ свою нравственность, потому что бдительный надзоръ за ними оказывается рѣшительно невозможнымъ. Хотя вмѣсто погорѣвшихъ въ 1774 году деревянныхъ зданій и разрѣшено построить для гимназій каменный домъ, однако, исполненіе такого предположенія не предвидится въ близкомъ будущемъ, почему Людеманъ и проситъ университетъ дозволить ему обратиться съ просьбою къ генералъ-губернатору князю Мещерскому о занятіи какого-либо казеннаго зданія подъ квартиры учениковъ, „пока настоящій гимназическій

---

[1]) Еще свѣдѣнія относящіяся къ 1781 году: возъ сѣна въ Казани продавался за 50 коп., пудъ «простыхъ сальныхъ» свѣчъ стоилъ 2 руб. 60 коп.

домъ построенъ будетъ". Необходимость такой мѣры Людеманъ доказывалъ тѣмъ, что „если ученики и впредь порознь находиться будутъ, то никогда сіе въ пользу отечества учрежденное училище въ принадлежащее процвѣтаніе привесть невозможно будетъ".

Представленіе Людемана не достигло вполнѣ свой цѣли. Университетъ держался въ подобныхъ случаяхъ давно принятой системы молчанія, которое прерывалось только послѣ многократныхъ убѣдительныхъ просьбъ, да и то не всегда совершенно удовлетворительнымъ отвѣтомъ. А между тѣмъ Людеманъ для совокупнаго помѣщенія всѣхъ учениковъ пріискалъ вблизи гимназіи довольно удобный домъ, „только онъ ни снутри, ни снаружи былъ еще не отстроенъ": Людеманъ все-таки донесъ университету (20-го іюня) о выгодности пріобрѣтенія или найма этого дома. Черезъ двѣ недѣли послѣ того (4-го іюля), Людеманъ рапортовалъ университету, что въ гимназіяхъ публичнаго экзамена учинить было нельзя, потому что большая часть гимназическаго помѣщенія взята подъ гражданскую и уголовную палаты. Онъ просилъ при этомъ, чтобъ университетъ отнесся къ генералъ-губернатору о перемѣщеніи палатъ и объ освобожденіи помѣщенія для гимназій.

Вотъ каковы были нужды гимназій Казанскихъ; но университетъ оставлялъ ихъ безъ удовлетворенія, и только черезъ два года по вступленіи Людемана въ должность послѣдовалъ положительный отвѣтъ на одно изъ главныхъ его ходатайствъ. Директоръ университета М. В. Приклонскій, 12-го марта 1784 года, увѣдомилъ Людемана: „дабы учители отъ неполнаго жалованья не могли претерпѣвать въ содержаніи себя крайней нужды, а паче къ лучшему во всѣхъ (во всемъ?) сихъ гимназій содержанію", — прибавлено еще 500 руб. къ положеннымъ по штату 2.900 рублямъ. Но и это увѣдомленіе нѣсколько странно, потому что еще въ 1765 году къ штатной суммѣ прибавлено было 500 руб., и общій бюджетъ гимназій съ тѣхъ поръ постоянно простирался также до 3.400 руб. Правда, эти 500 рублей тогда назначались собственно въ жалованье фонъ-Каницу; но въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ, положенная сумма никогда не высылалась и въ 1779 году Каницъ именно указывалъ на это. Мы не знаемъ, какъ при жизни Каница пополнялись эти дефициты по штату; но очевидно, что университетъ, съ смертью Каница, вовсе прекратилъ отпускъ этой прибавочной суммы, и конечно, имѣлъ достаточное къ тому основаніе. Теперь эта прибавка вводилась въ штатъ, какъ существенная его часть.

Что касается дѣйствій Людемана въ отношеніи къ учебной части гимназій, то личность его какъ-то не ясно обрисовывается. Встрѣчается въ дѣлахъ 1784 года очень интересное извѣстіе о томъ, что у него каждую недѣлю устраивались концерты, въ которыхъ участвовали знающіе музыку информаторы Де-Моръ и Рейхвальдъ и даже постороннія лица. Это обличаетъ въ Людеманѣ любителя изящныхъ искусствъ, и его концерты, въ нѣкоторомъ отношеніи, замѣнили прежнія театральныя представленія, имѣвшія цѣлью проводить въ публику, то-есть, въ массу народа, идеи гуманности и даже разныя полезныя свѣдѣнія.

Нельзя оставить безъ замѣченія также и то обстоятельство, что въ эту пору университетъ какъ-то вообще мало относился къ гимназіямъ. Эти отношенія почти исключительно касаются предметовъ чисто служебныхъ, что̀ называется канцелярскихъ, напримѣръ, о производствѣ инспектора гимназіи Бориса Листова (указомъ 16-го іюля 1784 года) въ губернскіе секретари, и т. п. Сюда же принадлежитъ и сообщеніе, что указомъ 11-го марта 1784 года Высочайше повелѣно, „если кто изъ академиковъ, профессоровъ или адъюнктовъ употребленъ будетъ коммиссіей объ установленіи въ государствѣ народныхъ училищъ для дѣлъ, ей порученныхъ, въ томъ не надлежитъ препятствовать или же затрудненія дѣлать“. Это общее постановленіе прямо не относилось до Казанскихъ гимназій, потому что никто изъ здѣшнихъ учителей, сколько извѣстно, въ коммиссію приглашенъ не былъ.

Ничего также нельзя сказать о томъ, въ какихъ отношеніяхъ къ Казанскимъ гимназіямъ находились Московскія „Ученое дружеское общество“ и „Типографическая компанія“, дѣятельность которыхъ въ это время была въ полномъ развитіи. Можно предполагать, что оба эти учрежденія, стремившіяся къ распространенію „различнаго рода книгъ, особливо же учебныхъ, и о доставленіи ихъ въ училища“, не забыли Казанскихъ гимназій, подчиненныхъ Московскому университету, типографію котораго знаменитый Н. И. Новиковъ взялъ въ откупъ на десять лѣтъ еще въ 1779 году и вскорѣ сблизился тѣснѣйшимъ образомъ съ „Нѣмчикомъ“ И. Е. Шварцемъ, а черезъ него и съ П. А. Татищевымъ, богатымъ Казанскимъ помѣщикомъ, который, ставши усерднымъ масономъ, сдѣлалъ большія пожертвованія на предпріятія „Дружескаго ученаго общества“. Новиковъ, стараясь о распространеніи книжной торговли, завелъ коммиссіонеровъ и открылъ книжныя лавки въ различныхъ городахъ; но ни откуда не видно,

чтобы коммиссіонерство или книжныя лавки учреждены были въ Казани [1]). И. И. Дмитріевъ, ссылаясь на И. П. Тургенева, одного изъ главнѣйшихъ сотрудниковъ и друзей Новикова, положительно утверждаетъ, что Каницъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ Новиковскимъ обществомъ [2]). Это свидѣтельство очень важно; но вообще какъ-то трудно представить, чтобы „Дружеское общество“ или „Типографическая компанія“ не имѣли никакихъ отношеній къ Казани, гдѣ еще въ 1776 году существовала масонская ложа „Восходящаго солнца“ [3]). Что въ дѣлахъ гимназическаго архива не удалось открыть свѣдѣній по этому любопытному предмету, то это я готовъ приписать самому себѣ, потому что въ свое время не обратилъ должнаго вниманія на счеты о пріобрѣтеніи книгъ и т. п. Это замѣчаніе пусть послужитъ указаніемъ для того, кто со временемъ тщательно займется разсмотрѣніемъ дѣлъ гимназическаго архива.

Особенно замѣчательны въ этомъ періодѣ случаи, дававшіе поводъ генералъ-губернатору князю Мещерскому вступать въ сношенія съ гимназіями.

Въ іюнѣ 1782 года гимназіямъ было сообщено, что въ непродолжительномъ времени прибудетъ изъ Петербурга въ Казань полковникъ Алексѣй Михайловичъ Бушуевъ, имѣющій у себя указъ, путешествовать въ нѣкоторые Россійскаго государства города, и что съ нимъ находятся нѣсколько офицеровъ гвардіи и одинъ профессоръ академіи. Въ случаѣ посѣщенія ими гимназіи предлагалось удовольствовать ихъ любопытство и сообщить имъ все потребное къ пріобрѣтенію полезнѣйшихъ о своей землѣ познаній.

Изъ дѣлъ гимназіи усматривается, что эти путешественники прибыли въ Казань въ концѣ іюля и осмотрѣли гимназіи, — но болѣе никакихъ подробностей мы не встрѣтили. Изъ другихъ же источниковъ объ этихъ путешественникахъ знаемъ слѣдующее.

Почти съ самаго открытія шляхетскаго сухопутнаго корпуса въ числѣ кадетовъ состоялъ „нѣкакій воспитанникъ г. Бобринскій“. Носилась въ народѣ тайная молва, что находящаяся въ Тульской губерніи и прославившаяся во всей Россіи „Бобриковская, а также

---

[1]) *М. Н. Лонгинова*, Новиковъ и Московскіе Мартинисты, 110, 122, 126, 138, 209. Между тѣмъ, книжная лавка при гимназіи открыта была въ Казани еще въ 1762 году.

[2]) *И. И. Дмитріевъ*, Взглядъ на мою жизнь, 84.

[3]) *Русскій Вѣстникъ* 1857 г. ч. XII, стр. 175. *Пекарскій*, Дополненія къ исторіи масонства, стр. 181.

и присоединенная къ ней знаменитая Богородицкая, также и прикупленная на доходъ съ сихъ третья Кіясовская, волости назначались этому воспитаннику". Такъ говоритъ извѣстный своими мемуарами А. Т. Болотовъ, занимавшійся строеніемъ палаццо и разведеніемъ сада въ селѣ Бобрикахъ, и присовокупляетъ къ тому, что „званіе его (Бобринскаго), сходственное съ Бобриковскою волостью, и отмѣнное отъ всѣхъ прочихъ казенныхъ деревень управленіе сихъ волостей, называвшихся все время правленія императрицы ея собственными, украшеніе ихъ разными зданіями, несмѣшиваніе доходовъ съ нихъ ни съ какими иными государственными, а достановливаніе оныхъ въ особо назначаемыя мѣста, и наконецъ, препоручиваніе оныхъ всегда особымъ командирамъ и содержаніе ихъ во всемъ почти на дворянскомъ правѣ, подавали поводъ къ таковымъ заключеніямъ, и всѣ почти не сомнѣвались, что они выбудутъ нѣкогда изъ казеннаго вѣдомства и пожалованы будутъ помянутому знаменитому воспитаннику" [1]). Въ 1782 году кадетъ Бобринскій выпущенъ изъ корпуса съ чиномъ лейбъ-гвардіи поручика. По уставу корпуса, отличные изъ выпускаемыхъ кадетовъ предназначаемы были въ путешествіе по Россіи и за границею. Вслѣдствіе этого главный начальникъ корпуса И. И. Бецкій избралъ четырехъ молодыхъ поручиковъ Алексѣя Григорьевича Бобринскаго, Алексѣя Ульяновича Болотникова, Николая Сергѣевича Свѣчина и Николая Ивановича Борисова; въ руководители имъ назначены полковникъ Алексѣй Михайловичъ Бушуевъ и академикъ Николай Яковлевичъ Озерецковскій [2]).

Для молодыхъ путешественниковъ была составлена 20-го мая

---

[1]) *Русскій Архивъ* 1864 г., стр. 751—753.

[2]) Всѣ эти молодые путешественники впослѣдствіи занимали весьма видныя мѣста въ государственной службѣ. А. Г. Бобринскій (1762—1813 гг.) при Екатеринѣ достигъ чина бригадира, а императоръ Павелъ произвелъ его въ генералъ-маіоры и пожаловалъ ему графское достоинство. А. У. Болотниковъ былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, гофмейстеромъ и членомъ государственнаго совѣта. Н. С. Свѣчинъ былъ Санктпетербургскимъ комендантомъ и генералъ-провіантмейстеромъ; онъ былъ женатъ на Софьѣ Петровнѣ Соймоновой, перешедшей въ католичество и до конца своей жизни оставшейся ультрамонтанкою. Объ Алексѣѣ Михайловичѣ Бушуевѣ извѣстно, что онъ состоялъ въ званіи адъютанта при А. И. Бибиковѣ, сопровождалъ его въ разныхъ путешествіяхъ и занимался перепискою его бумагъ, такъ какъ отличался краснвымъ почеркомъ; онъ находился при Бибиковѣ до самой его кончины. *Я. К. Грота*, Матеріалы для истор. Пугачевск. бунта, стр. 10.

Бецкимъ краткая, но замѣчательная инструкція, которую мы считаемъ не лишнимъ привести вполнѣ.

„Для путешествія вашего положено три года; а какъ познаніе своей земли необходимо нужно для всякаго благорожденнаго гражданина, уготовляющагося служить съ отмѣнною пользою отечеству, то и можете вы расположить путешествіе слѣдующимъ образомъ:

1) „Начать оное по Россіи, отсюда въ Москву, по всѣмъ знатнымъ, или хотя и не знатнымъ, но въ разсужденіи пріобрѣтенія полезныхъ знаній достойнымъ любопытства городамъ, не оставляя и части Сибири до Пермской губерніи, заключающей въ себѣ толь много отмѣнностей, и наконецъ, проѣзжая Малороссію чрезъ Кіевъ, въ чужихъ краяхъ Польшею, а оттуда въ Вѣну, въ Италію, въ Швейцарскіе кантоны, во Францію, Англію, Голландію и чрезъ Германію, а буде время допуститъ, то и чрезъ Данію и Швецію, предпріять обратный путь.

2) „Вамъ извѣстно, что всякое путешествіе въ чужихъ краяхъ должно имѣть себѣ предметомъ просвѣщеніе, пріобрѣтаемое познаніемъ свѣта, то-есть, людей, разностію климатовъ и правленія до безконечности отличаемыхъ, ихъ нравовъ, обычаевъ, великолѣпныхъ остатковъ ихъ минувшей славы и чѣмъ нынѣ славятся, ихъ образа правительства и слѣдствій онаго, причинствующихъ возвышенія, упадки, благоденствія и удрученіе народовъ, ихъ успѣховъ въ наукахъ или художествахъ; ихъ полезныхъ заведеній, установленій, воспиталищъ и обращенія въ бесѣдахъ, и словомъ, всего, что̀ достойно похвалы и подражанія, и даже и того, что̀ подвержено осужденію, для избѣжанія онаго; то надѣюсь, что, подкрѣпляемые совѣтами г. Бушуева, вы не пропустите ничего, заслуживающаго уваженія изъ пространной живой книги, выразительнѣе всякихъ книгъ научающей почерпнуть всѣ возможныя свѣдѣнія къ большому образованію сердца и разума, дабы со временемъ принесть существительныя услуги своему отечеству.

3) „Къ основательнѣйшему самихъ себя наставленію почитаю за весьма нужное вести дневныя записки или журналъ всему, что̀ видѣли, присоединяя ваши собственныя примѣчанія и разсужденія. Въ Россіи можетъ вамъ въ томъ вспомоществовать г. Озерецковскій, уже путешествовавшій по оной, которому также вести журналъ особый; почему, по свѣдѣнію его, удобнѣе пріобрѣтете полезнѣйшія познанія о своемъ отечествѣ какъ въ разсужденіи даровъ, коими его натура снабдѣваетъ, такъ и въ разсужденіи человѣчества, дѣлая свои на-

блюденія о всемъ, что̀ до сего касается, какъ-то о новомъ учрежденіи намѣстниковъ, о естественныхъ произведеніяхъ земли, о хлѣбопашествѣ, о торговлѣ, о правѣ, обычаяхъ жителей, о ихъ привольяхъ и недостаткахъ.

4) „Для лучшаго споспѣшествованія къ достиженію въ семъ путешествіи полагаемыхъ полезныхъ предметовъ, вручаются вамъ препоручительныя письма, въ Россіи — ко всѣмъ губернаторамъ, а въ чужихъ краяхъ — къ министрамъ и прочимъ особамъ, могущимъ съ выгодою вамъ вспомоществовать, чрезъ которыхъ можете присылать извѣстія, какъ о себѣ, такъ и о томъ кратко, что̀ достойнѣе всего вашимъ любопытствомъ замѣчено“ [1]).

Въ рекомендательныхъ отношеніяхъ къ губернаторамъ Бецкій, между прочимъ, выражался: „Препоручаю ихъ вспомоществованію вашему, надѣяся, что не изволите оставить, по желанію ихъ, согласному съ совѣтами г. Бушуева, преподать имъ легчайшихъ способовъ во всемъ томъ, что̀ какъ къ удовольствованію ихъ любопытства, пріобрѣтающаго имъ полезнѣйшія о своей землѣ познанія, такъ и всего, что̀ къ достиженію полагаемыхъ въ семъ путешествіи предметовъ нужно отъ вашего наставленія или какого другаго пособія“ [2]).

Нѣтъ сомнѣнія, что при такой обстановкѣ путешественники встрѣтили вездѣ отличный пріемъ: губернаторы употребили возможные способы, дабы открыть имъ все, что̀ могло сыскаться нужное и полезное къ свѣдѣнію, споспѣшествуя притомъ похвальному ихъ любопытству. Поэтому было бы чрезвычайно любопытно знать, представлены ли ими впослѣдствіи требуемые журналы, и гдѣ они находятся. Относительно журнала Н. Я. Озерецковскаго извѣстно, что въ печати его нѣтъ; но, быть можетъ, въ архивѣ Академіи Наукъ есть особыя донесенія его объ этомъ путешествіи.

Другое замѣчательное отношеніе генералъ-губернатора къ Казанской гимназіи въ 1872 году касалось слѣдующаго предмета. По̀ указу ея императорскаго величества, находящійся у принятія челобитенъ на высочайшее имя полковникъ Соймоновъ [3]) сообщилъ князю Мещерскому планъ къ сочиненію топографическаго описанія намѣстни-

---

[1]) *Чтенія Моск. Общ. Ист.* 1863, IV, 143—145.

[2]) *Русскій Архивъ* 1865 г., стр. 951.

[3]) Статсъ-секретарь Петръ Александровичъ Соймоновъ управлялъ русскою придворною труппой; онъ былъ племянникомъ извѣстнаго составителя первыхъ картъ Каспійскаго моря — Θед. Ив. Соймонова. О дочери Соймонова, Софьѣ Петровнѣ, по мужѣ Свѣчиной, упомянуто выше.

чества „для сочиненія генеральнаго описанія Россійской имперіи". Вслѣдствіе этого, намѣстническое правленіе и потребовало отъ гимназій свѣдѣній о началѣ и настоящемъ состояніи ихъ. Планъ описанія намѣстничества намъ не извѣстенъ, потому что въ дѣлахъ гимназическихъ его нѣтъ, а есть только отпускъ съ доставленныхъ гимназіями свѣдѣній (столбъ дѣлъ 1782 г., л. 443 и 516). Въ царствованіе Екатерины II необходимость статистическихъ и политико-экономическихъ свѣдѣній сдѣлалась уже ощутительною и потому явилось нѣсколько попытокъ составленія описаній губерній, провинцій и всей Имперіи. Такъ, указомъ 1766 года вмѣнено было въ обязанность землемѣрамъ, при производствѣ собственно межевыхъ работъ, составлять особыя описанія или вносить въ особый журналъ такія свѣдѣнія, которыя послужили бы матеріаломъ для составленія такихъ описаній; позднѣйшими указами 1771, 1777 и 1788 годовъ эта программа значительно разширена [1]). Кромѣ того, извѣстны и другія предпріятія въ этомъ родѣ. Императорское вольное экономическое общество, тотчасъ послѣ учрежденія своего, обнародовало рядъ вопросовъ, отвѣты на которые должны были служить къ объясненію сельскаго хозяйства въ разныхъ губерніяхъ: при всей спеціальности этой программы, собранныя обществомъ свѣдѣнія представляли хорошій матеріалъ для изображенія картины государства съ хозяйственной точки зрѣнія. Еще важнѣе предпріятіе Императорской Академіи Наукъ: въ 1777 году директоръ ея С. Г. Домашневъ, желая составить что-нибудь цѣльное изъ обширнаго запаса свѣдѣній, собранныхъ путешествовавшими по Россіи академиками, предложилъ общими силами Академіи издать „всеобщее географическое, историческое, политическое, физическое и экономическое описаніе Россіи". Для обсужденія плана предполагавшагося изданія образованъ былъ особый комитетъ изъ академиковъ Румовскаго, Палласа, Лаксмана, Лепехина, Гюльденштедта и адъюнктовъ Иноходцева и Георги. Этотъ комитетъ составилъ очень подробный и тщательно обдуманный планъ, изданный отдѣльною брошюрою подъ заглавіемъ: „Начертаніе общаго топографическаго и физическаго описанія Россійской имперіи, предпринятаго Императорскою С.-Петербургскою Академіею Наукъ" (С.-Пб., 1778, въ 4 д. л.). По плану комитета

[1]) Полн. Собр. Зак. XVII, № 12711, XIX, № 13953, XX, № 14610 и XXII, № 16676. *Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ* 1848, XXI, 40 — 56; 1849, XXVI, 228 — 270, XXVII, 51—86, 204—235; *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1854, № 7, III, 7, 8.

изданіе должно было состоять изъ слѣдующихъ частей: 1) общее географическое описаніе Россіи; 2) общее историческое описаніе Россіи; 3) общее статистическое описаніе Россіи; 4) особенная географія Россійскаго государства и 5) физическое онаго же описаніе. Сочиненіе статей, долженствовавшихъ войдти въ первую часть, члены комитета (къ которымъ присоединился инспекторъ академической гимназіи Бакмейстеръ) распредѣлили между собою. „Сіе раздѣленіе трудовъ подтверждаю", написалъ Домашневъ,—„препоручая почтеннѣйшимъ господамъ членамъ комитета скорѣйшимъ произведеніемъ онаго въ исполненіе соотвѣтствовать справедливой нетерпѣливости общества видѣть плоды отмѣнныхъ ихъ дарованій". Не смотря на всѣ такія приготовленія, „почтеннѣйшіе господа члены комитета" ничего не сдѣлали болѣе, кромѣ упомянутой брошюры [1]).

Кѣмъ составленъ былъ „Планъ къ сочиненію топографическаго описанія намѣстничествъ", присланный Соймоновымъ, сказать мы не можемъ. Полагаемъ однако, что извѣстныя „Топографическія описанія намѣстничествъ", напечатанныя около того времени (Калужскаго, С.-Пб., 1785; Курскаго, М., 1786, и Харьковскаго, М., 1788; послѣднее перепечатано вновь въ *Прибавленіяхъ къ Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ* въ 1865 году), — были вызваны именно этимъ планомъ, хотя полнаго единообразія въ ихъ изложеніи и не замѣчается, равно какъ не видно сходства и съ планомъ Академіи

[1]) Еще до учрежденія комитета, по порученію Академіи Наукъ, инспекторъ академической гимназіи Люд. Х. Бакмейстеръ издалъ: Топографическія извѣстія, служащія для полнаго географическаго описанія Россійской Имперіи (С.-Пб., 1771—1774). Это изданіе получило свое начало слѣдующимъ образомъ. Въ 1760 году Академія Наукъ составила вопросы о состояніи каждой губерніи и провинціи и при особомъ сенатскомъ указѣ разослала ихъ ко всѣмъ воеводамъ для доставленія отвѣтовъ; въ то же время и сухопутный шляхетный корпусъ, съ своей стороны, составилъ подобную же программу вопросовъ. Въ теченіе 1761—1766 годовъ получались изъ воеводскихъ канцелярій и магистратовъ отвѣты. Все это должно было служить матеріаломъ для составленія атласа имперіи; но Академія рѣшилась издать также и книгу, сочиненіемъ которой занялся Бакмейстеръ и приготовилъ ее къ 1769 г. Въ 1771 году приступлено къ печатанію и на 1774 конченъ былъ 1-й томъ, состоящій изъ 4-хъ частей (въ частяхъ 1-й, 2-й и 3-й описана Московская губернія; въ 4-й—Новгородская). *П. П. Пекарскій* въ Исторіи Академіи (т. II, стр. 664—668, 694, 787) сообщаетъ много подробностей о составленіи атласа имперіи и собираніи для него статистическихъ свѣдѣній, но ничего не говоритъ о сочиненіи «Топографическихъ Извѣстій», собственно потому, что 2-й томъ его «Исторіи Академіи» обнимаетъ событія только до 1766 года.

Наукъ [1]). Что касается описанія намѣстничества Казанскаго, то такой книги никогда не было издано; а какъ и кѣмъ было оно составлено въ рукописи и было ли доставлено къ Соймонову,—не знаемъ, но считаемъ нелишнимъ замѣтить, что въ 1788 году напечатанное въ Москвѣ (въ 8-ю д., стр. 70) „Топографическое описаніе города Казани и его уѣзда“,—сочиненіе Дмитрія Зиновьева,—на стр. 40 и 41 содержитъ свѣдѣнія о гимназіяхъ, почти буквально сходныя съ тѣмъ „объясненіемъ“, какое сообщено гимназіями въ намѣстническое правленіе по упомянутому запросу Соймонова. Наконецъ, въ заключеніе всего, позволимъ себѣ высказать и такую догадку. Повторяемъ, намъ не извѣстно, составленныя по требованію Соймонова описанія намѣстничествъ были ли употреблены въ дѣло, то-есть, послужили ли „для сочиненія генеральнаго описанія имперіи“, но думаемъ, что „Обозрѣніе Россійской имперіи въ нынѣшнемъ ея новоустроенномъ состояніи“, сочиненное Сергѣемъ Плещеевымъ и изданное въ первый разъ въ 1786 году (второе изданіе въ 1787, третье въ 1790, четвертое въ 1793; въ нѣмецкомъ переводѣ 1787 и въ французскомъ въ 1796 г.), едва ли не было сводомъ этихъ частныхъ описаній. Пред-

---

[1]) Быть можетъ, сюда же слѣдуетъ отнести и изданное въ 1781 г. «Собраніе нужныхъ вещей для сочиненія новой географіи о Россійской имперіи», въ 1-й части котораго заключается описаніе Тульскаго намѣстничества. Это изданіе предпринято было профессоромъ Московскаго университета Г. Ф. Дильтеемъ и остановилось на 1-й части, вѣроятно, за смертію Дильтея, послѣдовавшею въ томъ же 1781 г. Оно начато было на двухъ языкахъ французскомъ и русскомъ; русскій сдѣланъ ротмистромъ Ив. Пестелемъ, впослѣдствіи извѣстнымъ генералъ-губернаторомъ Сибири, отцемъ декабриста. Дильтей, или какъ тогда писали Диллтей, былъ вообще большой затѣйникъ, умѣвшій созидать системы изъ немногихъ матеріаловъ; онъ вздумалъ составить «Опытъ россійской географіи съ толкованіемъ гербовъ и съ родословіемъ царствующаго дома, собранный изъ разныхъ авторовъ и манускриптовъ» (Essay géographique sur la Russie avec le blason etc...). Онъ посвятилъ свое произведеніе всѣмъ современнымъ епархіальнымъ епископамъ и всѣмъ губернаторамъ; списокъ этихъ особъ занимаетъ нѣсколько страницъ. Въ посвятительномъ письмѣ онъ проситъ ихъ (а въ предисловіи обращается и ко всѣхъ читателямъ) сдѣлать исправленія и дополненія и прислать ему книгу для новаго изданія. Книга напечатана въ Москвѣ въ 1771 году, въ 8 д. л., съ французскимъ текстомъ. «Съ французскаго на россійской и съ россійскаго на французской», подъ руководствомъ Дилтея, ее переводилъ конной гвардіи квартермистръ П. П. Бибиковъ и артиллеріи сержантъ Н. М. Мацневъ. Спрашивается: на какомъ же языкѣ она писана была? О Дилтеѣ см. *Шевырева*, Исторія Моск. универс., стр. 33. Біографич. словарь Моск. универс., ч. II, стр. 301—311.

положеніе свое основываемъ на томъ, что С. И. Плещеевъ, также какъ и П. А. Соймоновъ, состоялъ статсъ-секретаремъ при императрицѣ, и что сочиненіе его въ непродолжительное время выдержало четыре изданія на русскомъ языкѣ и было переведено на языки французскій и нѣмецкій [1]). Скудность въ нашей литературѣ изслѣдованій біографическихъ и библіографическихъ невольно вынуждаетъ разрѣшать дѣло предположеніями, иногда далеко неточными, и потому свою догадку отстаивать мы не будемъ.

Любопытны сношенія генералъ-губернатора съ гимназіями о знатокахъ татарскаго языка.

Трактатомъ 27-го декабря 1783 г. Порта признала владычество Россіи надъ Крымскимъ полуостровомъ. Потемкинъ немедленно приступилъ къ устройству новоприсоединеннаго края и образовалъ изъ него Таврическую область. Введеніе административнаго порядка на общихъ началахъ учрежденія о губерніяхъ поставило въ необходимость имѣть при разныхъ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ благонадежныхъ переводчиковъ съ татарскаго языка, такъ какъ масса населенія области состояла преимущественно изъ Татаръ. О доставленіи такихъ лицъ Потемкинъ обратился къ князю Мещерскому, въ генералъ-губернаторствѣ котораго также находилось много Татаръ. Поэтому князь Мещерскій, отношеніемъ 8-го апрѣля 1784 г., просилъ гимназіи доставить ему списокъ всѣхъ учениковъ, обучавшихся съ 1775 года татарскому языку, для выбора и назначенія переводчиковъ. Къ сожалѣнію, въ свои замѣтки я не внесъ требованнаго списка, а теперь не въ состояніи сказать, на сколько гимназіи могли удовлетворить желанію „свѣтлѣйшаго“.

Вскорѣ послѣ этого, именно 30-го апрѣля, генералъ-прокуроръ, князь А. А. Вяземскій, потребовалъ отъ князя Мещерскаго отлич-

[1]) Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ первоначально служилъ во флотѣ и былъ въ Англіи; затѣмъ онъ состоялъ при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, что и сблизило его съ нимъ, а впослѣдствіи и съ его супругою Маріею Ѳеодоровною. Онъ сопровождалъ ихъ въ путешествіи по Европѣ и издалъ Description des Voyages du Comte et de la Comtesse du Nord. Благоволеніе и довѣренность, какими онъ пользовался всегда отъ Павла Петровича, когда онъ сдѣлался императоромъ, и отъ Маріи Ѳедоровны, свидѣтельствуется многими письмами къ Плещееву, нынѣ напечатанными въ разныхъ сборникахъ. По обычаю своего времени Плещеевъ былъ масономъ, а въ 1788 году, находясь въ Авиньонѣ, вступилъ въ мистическое общество «Новый Израиль», основанное польскимъ графомъ Грабянкою, но воротившись въ Россію, отсталъ отъ этого общества. (*Лонгиновъ*, Новиковъ, стр. 290. *Русск. Вѣст.* 1860 г., № 16).

нѣйшаго знатока татарскаго языка для повѣрки перевода „Учрежденія о губерніяхъ“. Въ своемъ отношеніи князь Вяземскій, между прочимъ, говорилъ, что въ Казанской губерніи всего скорѣе можно ожидать такихъ знатоковъ, такъ какъ „одинъ изъ Казанскихъ Татаръ нынѣ при соборной мечети въ Константинополѣ шейхомъ: нѣтъ ли кого способнаго для сего изъ рода означеннаго шейха, въ разсужденіе, что жена его, какъ слышно, жительство имѣетъ съ семействомъ своимъ въ Казани“. Князь Мещерскій, естественно, обратился опять къ гимназіи, и тамъ признали возможнымъ отправить въ Петербургъ учителя Искака Хальфина, сына прежняго учителя Сагита Хальфина. Мещерскій, сверхъ того, отправилъ съ Хальфинымъ муллу Усмана Исмаилова, изъ деревни Тюнтяръ, Арскаго уѣзда. Неизвѣстно, принадлежалъ ли этотъ мулла къ роду шейха, о которомъ упоминалъ генералъ-прокуроръ. однако, какъ видно, онъ признанъ былъ лучшимъ изъ переводчиковъ, потому что татарскій переводъ „Учрежденія для управленія губерній“ изданъ въ 1786 году подъ именемъ этого муллы.

Въ томъ же 1784 году повелѣно было государынею Казанскому архіепископу Антонію [1]) составить татарскій словарь. Извѣстно, что Екатерина II, еще будучи великою княгиней, очень много заботилась о составленіи общаго сравнительнаго словаря. Сдѣлавшись императрицей, она не оставила этого намѣренія и не только придумывала и заказывала работы для словаря, но руководила ими и много работала сама. Наибольшая дѣятельность по этой части относится именно къ 1784 году [2]). Требованіе татарскаго словаря, безъ всякаго сомнѣнія, вызвано тѣмъ же стремленіемъ. Такъ какъ „въ новокрещенной школѣ иновѣрцевъ Татаръ дѣти обучаются только чтенію книгъ россійскихъ и письму россійскому же, а настоящихъ ихъ татарскихъ книгъ и чтенію и письму совсѣмъ уже не употребляются“,—то архіепископъ Антоній обратился къ посредничеству князя Мещерскаго въ пріисканіи свѣдущихъ людей для исполненія такого дѣла. Тогда князь Мещерскій предложилъ гимназіи (28-го сентября 1784 года) объ отправленіи къ архіепископу ученика Семена Мальцева. По всей вѣроятности, этотъ Мальцевъ извѣстенъ былъ Мещерскому по списку, который составлялся для свѣтлѣйшаго князя Тавриче-

[1]) Былъ переведенъ изъ Нижняго въ 1782 году и управлялъ Казанскою каѳедрою до 1785.

[2]) *Русскій Архивъ* 1863 г., стр. 388—391; 1864 г., стр. 593—295.

скаго. Вмѣстѣ съ Мальцевымъ назначенъ былъ въ составители словаря какой-то солдатъ Имангулъ Чуриковъ. Командиръ гимназіи Людеманъ, однако, крайне затруднялся исполненіемъ предложенія генералъ-губернатора, потому въ особенности, что съ отсылкою Мальцева гимназіи вовсе остались бы безъ преподавателя татарскаго языка: Искакъ Хальфинъ отправленъ былъ въ Петербургъ, а отецъ его Сагимъ Хальфинъ, за старостью и болѣзненностью, рѣшительно отказался приняться вновь за учительство. Директоръ университета П. П. фонъ-Визинъ вошелъ въ сношеніе съ архіепископомъ Антоніемъ, и дѣло уладили такъ, что Мальцевъ обязанъ былъ заниматься словаремъ, по указанію архіерея, въ свободное отъ занятій въ гимназіяхъ время. Впрочемъ, въ это время преподаваніе татарскаго языка поручено было временно Исмаилу Хальфину, меньшему брату Искака Хальфина. Какъ исполнено было ученикомъ Мальцевымъ и солдатомъ Чуриковымъ возложенное на нихъ составленіе словаря — мы не знаемъ.

Не менѣе интересно и нѣсколько сходно съ этимъ дѣломъ другое, бывшее уже въ слѣдующемъ году. Астраханскаго 4-го баталіона поручикъ Александръ Николаевъ Шендетовъ перевелъ Евангеліе св. апостола Матѳея на татарскій языкъ и представилъ свой переводъ святѣйшему синоду, который поручилъ разсмотрѣть и повѣрить правильность перевода архіепископу Казанскому Амвросію [1]). Этотъ архипастырь, извѣстный своею дѣятельностью на поприщѣ распространенія просвѣщенія въ духовенствѣ и самъ написавшій замѣчательное „Руководство къ чтенію писанія Ветхаго и Новаго завѣта“ (Москва, 1779 г.), желалъ исполнить возложенное на него порученіе вполнѣ соотвѣтственно важности предмета, но средствъ къ тому не открывалось никакихъ. Паства Казанской епархіи, какъ извѣстно, значительною частью состояла изъ крещеныхъ Татаръ, Чувашей, Черемисовъ и другихъ иновѣрцевъ и была окружена почти сплошною массою ихъ одноплеменниковъ не только не просвѣщенныхъ христіанствомъ, но подъ-часъ и враждебно относившихся къ христіанамъ. Не было недостатка въ ревности къ распространенію христіанства, но достигалась эта цѣль особыми льготами для крестив-

[1]) Амаросій Подобѣдовъ род. въ 1742 г., до перемѣщенія въ Казань управлялъ Крутицкой епархіей. На Казанской каѳедрѣ онъ находился до 1799 года, когда перемѣщенъ въ С.-Петербургъ, сначала архіепископомъ, а потомъ митрополитомъ. Умеръ въ 1818 г.

шихся и особыми стѣсненіями для оставшихся не крещеными, а ограждались новопросвѣщенные отъ соблазна совращеній мѣрами устрашительными и карательными. Живой апостольской проповѣди Евангелія не было: школы, учрежденныя для обученія дѣтей инородцевъ, какъ мы видѣли, вовсе не имѣли учителей татарскаго и другихъ языковъ мѣстнаго населенія; причты приходовъ инородческихъ, даже и практически не изучали природнаго языка прихожанъ и не употребляли его, какъ вѣрное орудіе при утвержденіи христіанства между народами не христіанскими [1]). Это тѣмъ болѣе странно, что русская церковь прославила св. Стефана Велико-Пермскаго, который составилъ азбуку для Зырянъ, перевелъ нѣсколько церковныхъ книгъ на ихъ языкъ и на томъ же языкѣ совершалъ богослуженіе въ Усть-Вымской церкви, „дабы каждый могъ самъ сличать ученіе христіанское съ мыслями и дѣлами суевѣрія“ [2]).

Только въ весьма недавнее время обращено надлежащее вниманіе на распространеніе и утвержденіе христіанства между Татарами помощію распространенія христіанскихъ книгъ въ татарскихъ переводахъ и при посредствѣ учителей-миссіонеровъ, выбранныхъ изъ среды самыхъ Татаръ, безъ обращенія ихъ въ духовный санъ. Эта система еще только вводится, но уже ясно начинаетъ обнаруживаться, что она будетъ обильна утѣшительными результатами. Но за 80 лѣтъ до настоящего времени такого взгляда не существовало, и по видимому, не сознавалась необходимость перевода Евангелія по татарски: архіепископъ Амвросій, одинъ изъ просвященнѣйшихъ пастырей, даже не зналъ, существуютъ ли такіе переводы, и обратился къ гимназіи, 7-го ноября 1785 года съ вопросомъ: „нѣтъ ли перевода евангелія на татарскій языкъ“? Отвѣтъ гимназіи былъ, конечно, отрицательный. Но было бы весьма любопытно узнать, какой отзывъ далъ Амвросій о трудѣ поручика Шендетова, и вообще, какой ходъ данъ этому дѣлу правительствующимъ синодомъ.

Между тѣмъ коммиссія объ установленіи въ государствѣ народныхъ училищъ выработала планъ учрежденія въ губернскихъ городахъ „главныхъ училищъ“, а въ уѣздныхъ—„малыхъ народныхъ училищъ“ съ отнесеніемъ содержанія ихъ на счетъ приказовъ общественнаго призрѣнія, чрезъ что издержки государственнаго казначейства

---

[1]) Современное состояніе инородческихъ, особенно татарскихъ, приходовъ Казанской епархіи также неутѣшительно. См. *Православное Обозрѣніе* 1865 г., №№ 8, 10 и 12.

[2]) *Филарета* Русскіе Святые, апрѣль, 133—122.

значительно сокращались. Но источники доходовъ приказовъ общественнаго призрѣнія были очень скудны къ осуществленію плана во всей его полнотѣ; поэтому „главныя народныя училища“ открыты были только въ немногихъ городахъ. Въ Казани гимназіи оставлены подъ прежнимъ наименованіемъ и въ прежнемъ составѣ, но изъяты изъ вѣдѣнія Московскаго университета. Объ этомъ объявлено въ указѣ правительствующаго сената 1-го сентября 1785 г. слѣдующаго содержанія: „Казанскія гимназіи поручить въ вѣдѣніе приказа общественнаго призрѣнія Казанской губерніи, съ тѣмъ чтобъ ученіе, въ оныхъ преподаваемое, соображаемо было съ правилами, для прочихъ народныхъ школъ отъ ея императорскаго величества утвержденными, заимствуя потребныя въ томъ наставленія и пособія отъ коммиссіи для установленія народныхъ училищъ, въ здѣшней столицѣ учрежденной“ [1]). Вмѣстѣ съ этимъ директоръ гимназій Людеманъ былъ уволенъ и управленіе гимназіями поручено вновь инспектору Листову. Московскій университетъ немедленно послѣ этого потребовалъ возвращенія всѣхъ книгъ, какія были разновременно высланы имъ въ гимназическую библіотеку.... [2]).

Такимъ образомъ новый періодъ существованія гимназій начался не при сочувствіи того высшаго учебнаго заведенія, которое открыло ихъ и управляло ими въ теченіи 27 лѣтъ. Московскій университетъ какъ-бы отрекался отъ всякой солидарности съ Казанскими гимназіями.

Періодъ этотъ продолжался только три года. Существованіе гимназій подорвалось и слабѣло все болѣе и болѣе, хотя число учениковъ и въ эту пору простиралось до 111 человѣкъ [3]). Важнымъ соперникомъ гимназій явилось главное народное училище, торжественно открытое въ Казани 22-го сентября 1786 г. Къ нему, какъ къ учрежденію новому и возникшему по идеѣ императрицы, привлечено было общее сочувствіе [4]). Попечителемъ училища былъ самъ Казанскій

---

[1]) Копія съ этого указа, сообщеннаго изъ намѣстническаго правленія, подписана совѣтникомъ Василіемъ (Ипатовичъ?) Полянскимъ,—личностію весьма замѣчательною.

[2]) Вѣдомости о составленныхъ тогда въ гимназіяхъ чинахъ и ученикахъ, а также о книгахъ и другомъ имуществѣ см. у *Владимірова*, Историч. Записка, I, 144—151, 155—159.

[3]) *Зиновьева*, Топографич. описаніе Казани, стр. 41.

[4]) Многіе изъ современниковъ Екатерины видѣли въ учрежденіи народныхъ училищъ одну изъ предварительныхъ мѣръ къ упраздненію крѣпостнаго состоянія. *Н. Н. Болтинъ*, одинъ изъ образованнѣйшихъ писателей царство-

губернаторъ, генералъ-маіоръ Татищевъ; училище посѣщали проѣзжавшіе чрезъ Казань царедворцы, напримѣръ, президентъ коммерцъ-коллегіи А. Р. Воронцовъ и дѣйствительный камергеръ А. Л. Нарышкинъ, и присутствовали на публичныхъ испытаніяхъ, при чемъ Казанское купечество пожертвовало въ пользу училища 5.000 р., а потомъ и дворянство подписалось внести въ приказъ общественнаго призрѣнія по 10 к. съ ревизской крестьянской души. При такихъ обстоятельствахъ училище могло идти впередъ, а гимназіи должны были падать, и въ 1788 г. онѣ были закрыты по недостатку средствъ содержанія [1]).

10-го Іюня 1866 года.

ванія Екатерины, по поводу учрежденія народныхъ училищъ писалъ слѣдующее: «Не будучи апологистомъ рабства, не скажу я, чтобъ наши земледѣльцы въ такомъ состояніи были, чтобъ было не нужно дать имъ облегченія и пособія къ выгоднѣйшей жизни; но скажу, что сіе облегченіе, сіе пособіе не единственно въ дачѣ вольности долженствуетъ состоять; прежде должно учинить свободными души рабовъ (говоритъ Руссо), а потомъ уже тѣла. Мудрому сему правилу послѣдовала великая Екатерина. Желая снять узы съ народовъ, скипетру ея подверженныхъ, предначинала сіе великое и достойное ея намѣреніе освобожденіемъ душъ ихъ отъ тяжкія и мрачныя неволи невѣжества и суевѣрія. Не на иной конецъ устроялись, по высочайшей ея волѣ, по всему государству установленныя училища для нижнихъ чиносостояній, дабы пріуготовить души юношества въ нихъ воспитываемаго къ воспріятію сего великаго и божественнаго дара, дабы учинить ихъ достойными вольности и способными къ снесенію ея. Не могу сказать, которое изъ двухъ благодѣяній есть вящшее: то ли, чтобъ дать вольность рабу, или то, чтобъ открыть ему таинство учиниться щастливымъ, то-есть, чтобъ научить его употреблять вольность на пользу самого себя и вкупѣ на пользу ближняго и отечества? Боже, помоги дѣлательницѣ премудрой и человѣколюбивой то и другое совершити и сподоби ее вкусити плоды трудовъ своихъ». См. Примѣчанія на Исторію древней и нынѣшней Россіи г. Леклерка, ч. II, стр. 236—237. Болтинъ могъ смотрѣть такъ тѣмъ скорѣе, что указомъ 19-го февраля 1786 г. (Пол. Собр. Зак.) Екатерина воспретила употреблять въ прошеніяхъ на высочайшее имя слово *рабъ*. Замѣчательно совпаденіе въ числахъ: 19-го февраля 1861 г. Правнукъ Екатерны упразднилъ рабство и фактически....

[1]) *Рыбушкинъ*, Ист. Казани, I, 120; II, 33—37.

каф. тат. языке.

[6]

3200·3/XII 64.

13,5
2-
2-
17,5.

8Р 15307